ИЗБОРСКИЙ КЛУБ. РУССКИЕ СТРАТЕГИИ. №3(15), 2014

Изборский клуб

русские стратегии

№ 3(15), 2014

Путин в зеркале Изборского клуба (2 часть)

Русская весна в Крыму (фотоочерк)

Содержание:

2 Александр ПРОХАНОВ.
Крымское вино победы

6 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Наш дух не сломлен

24 Сергей БАТЧИКОВ.
Путин и хаос глобализации

34 Наталия НАРОЧНИЦКАЯ.
«У нас огромный опыт, неведомый Европе»

48 Николай СТАРИКОВ.
Это Россия, детка!

60 Александр НОТИН.
Валдайский сигнал

64 Валерий КОРОВИН.
Путин и евразийская идеология

72 Александр АГЕЕВ.
Метафизические враги Путина

86 Василий СИМЧЕРА.
Говорить правду

94 Андрей КОБЯКОВ.
Вперёд и вверх

106 Максим КАЛАШНИКОВ.
Кадры для нового курса: где их взять?

116 Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ.
Русское чудо XXI века

128 Владимир БОНДАРЕНКО.
В Начале будет Слово!

134 Олег ПЛАТОНОВ.
Миссия выполнима

146 Архимандрит ТИХОН (Шевкунов).
Неизвестные герои

152 Олег РОЗАНОВ.
Освящение материи

Общественно политический журнал **«Изборский клуб»** № 3(15), 2014 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА
Фотографии — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна.

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 20.03.2014
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»
Тираж 1000 экз. Заказ № 0440

/ Александр ПРОХАНОВ /

Крымское вино победы

У всех на устах Крым. Тревога, благоговение, сияющие глаза. Суеверные предчувствия: неужели возможно, неужели случится? Неужели русский Крым снова с Россией? Об этом — в Сибири и на Дальнем Востоке, об этом — в огромных городах и крохотных деревеньках. Все помышления, все молитвы о Крыме являют собой приметы таинственного русского возрождения, русской духовной весны. Считаем до референдума дни и часы. Хоть бы не сорвалось. Хоть бы не напали на Крым разъярённые банды. Хоть бы не заработали по блокпостам установки залпового огня. Хоть бы не дрогнула воля крымчан или, не дай Бог, не сместилась в сторону русская политика. В этих страхах есть тоже что-то религиозное, возвышенное и молитвенное.

В девяносто первом году по русским нанесли страшный удар. Оглушили, изрезали, исполосовали. Отсекли самые сочные, цветущие ломти государства. А чтобы русские не восстали и не закричали, их топтали и мучили все девяностые годы. И все обрубки русского государства кровоточили и исходили болью. И вот наступает исцеление. Русские просыпаются, русские восстают из тлена и стряхивают прах. Русские сбрасывают страшное иго и идут в свой новый поход, в своё победное шествие, идут, как весна. Чаша великого государства, расколотая варварами и негодяями, начинает склеиваться. Бережные руки реставратора возвращают в вазу её драгоценный фрагмент.

Крым… Почему он так дорог сердцу русского человека? Это детские поездки к лазурному морю, ощущение чудесного детского праздника. Фонтаны, цветы, благоухание роз, загорелые лица среди колонн и аркад. И конечно, Лев Толстой, его «Севастопольские рассказы», отважный матрос Кошка. Церковь «трёх адмиралов», где под плитами покоятся три великих русских воителя, герои севастопольской страды — Нахимов, Корнилов и Истомин.

Конечно, Ливадия с её дворцом, где отдыхали цари. И конечно, Ялта, где собрались на свою конференцию Сталин, Черчилль и Рузвельт. И генералиссимус палочкой на песке чертил контуры послевоенного мира. И сама война с её могучим кровавым эпосом. Картины Дейнеки, где морская пехота, как шквал, идёт в рукопашную на цепи фашистов.

И ещё та восхитительная мистическая церковь в Херсонесе, где принял крещение князь Владимир Красное Солнышко. Где Господь коснулся его чела, и свет православия хлынул на все великие русские просторы вплоть до Тихого океана. Крым — священная русская твердь, алтарь священной религии, бастион великой державы, гавань великого флота.

Казалось, ничто не предвещало этой крымской эпопеи. Все страсти кипели вокруг Олимпиады. Считали медали, ахали от неудач хоккеистов, славили конькобежцев и лыжников. Но уже в самой Олимпиаде, в этом сгустке энергии и воли, в этом грандиозном торжестве, таилась вспышка. Теперь мы понимаем смыслы и образы, явленные нам при открытии Олимпиады.

Сказочный кит, на котором цвели купола и главы волшебного града Китежа, — это образ русского чуда, которое до времени

таится в пучине, а потом всплывает, как мистический град. Этот образ был предчувствием — предсказанием о Крыме. Это Крым всплывал из пучины в дивном великолепии и славе. И то, что сегодня случилось с Крымом, подтверждает учение о русском чуде. Согласно ему, русский мир может испытать катастрофу, может погрузиться в чёрную дыру безвременья, а потом неизменно всплывает, повинуясь не исторической логике, не умозрениям высоколобых историков, а необъяснимому русскому чуду, той божественной загадке, которая делает Россию бессмертной, а русский народ — победителем.

Путин на встрече с журналистами нарисовал ход событий, которые привели к крымскому референдуму. На секретных базах Прибалтики и Польши готовились боевики — армия вторжения. Эта армия осуществила налёт на Киев, превратила Майдан в кромешный ад, совершила «революцию свастик». Эти свастики, как жуткие мельницы, перемололи власть Януковича, изрезали на куски конституцию, испепелили государство, именуемое Украиной.

На западе украинские города один за другим становились фашистскими. Их жуткая ненависть к русским, яд фашистской энергии хлестнули из Киева по левобережным городам Украины. Русским показали, как выглядит их плаха, как висит над ними топор, как раскачивается над ними петля. Если в сорок третьем фашисты тысячами убивали евреев и сбрасывали их в Бабий Яр, то теперь носители свастик готовы отрыть на Левобережье гигантский котлован и сбросить в него тела двадцати миллионов русских.

Крым первым восстал. Русская армия нацелила свои дальномеры на Украину, готовая двинуть полки на защиту убиваемых братьев.

Россия совершила грандиозный исторический шаг. Государство Российское достигло в своём становлении такого подъёма и силы, что оказалось готовым подняться на новый исторический уровень. Государство Российское обрело утерянные прежде смыслы, ощутило своё место в истории, ему под силу стало стратегическое деяние.

Государство Российское обладает организацией, которая в состоянии приводить в движение свой слаженный многомерный механизм. Обладает экономикой и промышленностью, готовыми реализовать этот стратегический замысел. Обладает армией и современным оружием, способными защитить национальные интересы страны. Государство Российское совершает свой грозный великий поступок, вступает в новую эру, готовится к глубинному преображению.

Давление Запада на Россию будет огромным. Фашистские атаки на юг России неизбежны. Ответом на них станет духовная мобилизация общества, консолидация народа вокруг своего лидера — Путина. Путин обретает качества непревзойдённого мирового политика, обретает образ духовного вождя, который недавно воскликнул: «Россия — это судьба!» И теперь мы увидели, как слились воедино судьба России и судьба её президента.

В русском небе постоянно сшибаются две космогонические силы: сила небесного света и сила адской тьмы. В космогонии русских преданий и сказок две эти силы представлены битвой двух вещих птиц: ясного сокола — птицы небесного света, и чёрного ворона — птицы кромешной тьмы. Сегодня снова в русской истории сшиблись две эти птицы. И мы видим, как падают в Чёрное море окровавленные перья ворона.

Русская весна

Без политической воли России события на Украине и в Крыму развивались бы совсем по иному сценарию, и их последствия сказались бы, безусловно, негативно и трагично, прежде всего — для нашей страны: речь могла идти не только о потере славянской идентичности, но и в целом о потере суверенитета Российской Федерации.

Только благодаря твёрдой решимости нашего президента волна деструкции разбилась о волнорезы легендарных Севастопольских бастионов, и потому мы решили, что уместно было бы второй номер, посвящённый Путину, проиллюстрировать фоторепортажем под названием «Русская весна», освещающим судьбоносные события в Крыму, которые, по сути, являются знаковым деянием нашей эпохи.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Наш дух не сломлен

За последние два года Путин в эволюции своего государственного мировоззрения прошёл путь больший, чем за предыдущие 11 лет у власти. Однако не стоит обольщаться. Мы не преодолели еще и половины расстояния, отделяющего Россию, поражённую Смутным временем, больную и зависимую от внешних глобальных субъектов, от России суверенной, России такой, какая она всегда была и должна быть.

ПОСЛЕ СМУТЫ — РЕВАНШ

То, что история идёт своим неумолимым курсом, — не заслуга и не вина политиков. Политики способны оседлать волну, но не создать её. Однако здесь есть важный нюанс: не каждый политик способен и желает оседлать волну, многие предпочитают бороться со свежим ветром, сворачивая паруса, которые начинают им наполняться. Сильный лидер может быть выразителем или отрицателем эпохальных переломов, способен ускорить или притормозить исторический процесс, но не изменить его направление.

Говоря о Путине, нельзя не отметить, что он пришёл к вершинам власти под счастливым знаком. Это было трудное счастье — требовавшее огромной выдержки, терпения, воли к постепенному собиранию растраченных сил. Нижнюю точку нашего падения и свёртывания в третьем Смутном времени мы прошли во второй половине 90-х годов. В конце 90-х Россия выскользнула из пике — и началось медленное, но, можно сказать с уверенностью, необратимое движение вперёд и вспять. Вперед в хронологическом плане истории, и вспять — в ее метафизическом, вертикальном плане, то есть в плане возвращения из морока и летаргического забытья к здоровью народно-государственного организма.

В этом травматическом обмороке исполина России, подобно свифтовскому Гулливеру, не просто обчистили, не просто раздели — от России оторвали целые куски пространства и целые национальности, отторгли значительную долю коренного русского народа, превратившегося в народ, разделённый границами

Александр ЖАРОВ

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Чёрное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.

И грозный, солёный, бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
В туманной дали
Не видно земли,
Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела волна штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:

«Когда покидал я родимый утёс,
С собою кусочек гранита унёс…
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмёт, тот пускай поклянётся,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернётся
И клятвы своей не забудет!

Тот камень заветный и ночью, и днём
Матросское сердце сжигает огнём.
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русскою кровью омыт».

Сквозь бури и штормы прошёл этот камень,
И стал он на место достойно.
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилось спокойно.

Взошёл на утёс черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принёс,
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943

новых полувраждебных государств. Но им не удалось нас прикончить.

События, пережитые Российской державой (СССР и постсоветскими странами) в конце XX века, не уникальны. По многим параметрам они напоминают два Смутных времени — начала XVII и начала XX веков. Первые Смутные времена, нанёсшие России болезненные поражения и моральные травмы, не только не сломили нашей воли к завоеваниям и собиранию земель, но привели, в конечном счёте, к противоположному результату. Экспансия России носила нелинейный характер, будучи подчинена закону «вдоха-выдоха», свёртывания и развёртывания.

Так, в XVII веке, параллельно с фиксацией утрат на Западе, начинался «сибирский век» России. Уже через 40–50 лет после Смуты русские, продвинувшись от Приуралья до Тихого океана, закрепились на Дальнем Востоке. На Западе же одновременно с этим Россия после воссоединения с Малороссией и победоносной войны с Польшей перешагнула «досмутные» границы. Это был убедительный реванш державы, преодолевшей внутреннюю слабость.

После Смуты начала XX века демографический подъём наблюдался уже в 30-е годы, ставшие эпохой великой внутренней работы цивилизации — тогдашнее поколение осуществило индустриализацию и связанный с ней прорыв в освоении сибирских и дальневосточных просторов России. В ходе Второй мировой войны произошёл беспримерный геополитический реванш. В результате «послесмутной» экспансии XX века СССР достаточно быстро возвратил и приумножил основные геополитические завоевания Российской империи, которые ей удалось совершить в результате напряжённых войн и дипломатических предприятий в течение двухсот лет петербургского периода.

Несомненно, геополитические потрясения третьего Смутного времени являются наиболее тяжёлыми. С распадом Советского Союза Россия отброшена к границам XVII века. Демографический кризис сегодня глубже и безнадежнее, чем когда бы то ни было. Можем ли мы ожидать вновь компенсационной экспансии? Будет ли она происходить в геопространстве, или перейдёт в новые измерения?

Такими вопросами автор этих строк задавался в своих статьях и книгах ещё в 90-е и в начале нулевых годов, когда, казалось бы, сам разговор об экспансии в текущих условиях представлялся безумием и аутизмом. Сегодня для многих эти вопросы вполне обсуждаемы.

Соответствует ли президент Путин задачам и положению эпохи? Способен ли он оседлать прилив компенсационной экспансии, который уже близок? Сумеет ли Путин стать олицетворением новой вспышки российского «пульсара», или он предпочтёт остаться в поле

мучительных компромиссов между Смутой и прорывным развитием?

Последние два года мы видим всё больше и больше признаков того, что Путин осознает эпохальные задачи и обозначает их понимание. И хотя эти признаки продолжают соседствовать с другими, не столь благоприятными (в частности, в сфере экономического управления страной, где власть «застряла» во вчерашней парадигме), тем не менее паруса, рассчитанные на попутный ветер, не сворачиваются, наоборот, — к ним добавляются всё новые.

ЛОГИКА ПРИРАСТАЮЩЕЙ ВЛАСТИ: АНАЛОГИЯ СО СТАЛИНЫМ

Путинский период истории имеет свою логику, которая не укладывается ни в схему «реставрации» советского наследства, ни в схему продолжения радикальной либерализации. Происходит выработка чего-то третьего, однако это третье долгое время мерялось не столько идеологическими мерками, сколько мерками политической тактики, «расчистки» пути.

Аналогия с XVII веком была бы верной, если бы Путину удалось взять курс на восстановление «досмутного» состояния, то есть на неосовесткий проект (Михаил Романов занимался именно реставрацией догодуновской Руси, опираясь на бесконечный «референдум» — заседавший почти десять лет Земский Собор). Более работающей оказывается аналогия с 20–30-ми годами XX века, хотя подходить к этой аналогии нужно с очень тонким инструментарием. Дело в том, что в сравнении Путина со Сталиным очень трудно отделить главное от второстепенного. Так, например, личный характер политика является делом второстепенным, тогда как объективные задачи страны являются главным критерием истины. Очень трудно простроить точную аналогию с поправкой на отличие движущих сил и типов элит — в голове у большинства наблюдателей не укладывается, как можно сравнивать большевистскую партию с чиновничье-олигархической «знатью» постсоветского образца. Однако сравнивать и можно, и нужно. И без понимания этой аналогии разобраться в логике Путина будет крайне трудно.

Как и Сталин в 20-е годы, Путин в отпущенный ему минимум (два президентских срока) последовательно расчищал поле своего властвования. Это был путь к диктатуре. Как и Сталин, делал это Путин крайне осторожно, неспешно, дипломатично и вполне «легитимно» (не нарушая тех формальных правил и рамок, которые сложились в государстве в настоящее время).

Для Сталина перелом выражался в том, что он избавился от политических конкурентов, преодолел оппонирующие тенденции (левый и правый уклоны), выстроил чётко

работающую систему госаппарата. Именно это позволило ему объявить новый курс на построение социализма в СССР, на отказ от компромиссного НЭПа, на переход к индустриализации. Для Сталина главным были не конкретные механизмы, оттачивающие социально-экономическую систему НЭПа, а выстраивание разумной кадровой политики в верхах партийного аппарата, подготовка условий для установления безоговорочной единоличной власти. Так же и для Путина: главным содержанием его политики были не отдельные реформы, а достижение качественно нового баланса крупных финансовых и политических группировок. Сталин создал комфортную для себя коллегиальную власть, постепенно сбросив оппозиционеров за борт большой политики. Точно так же и Путин первые 8 лет у власти создавал комфортную для себя властно-олигархическую среду. Эти процессы в обоих случаях происходили и могли увенчаться успехом только на фоне экономической стабилизации, преодоления разрухи и упадка Смутного времени. Но итоговым пунктом назначения является нечто гораздо более важное, чем временная стабильность, — вождь вынужден выбирать между Антисистемой и Народом, и в конечном счёте **он выбирает Народ, жертвуя той Антисистемой, которая привела его к власти.**

Сталин стал генеральным секретарем партии в 1922 году, при живом ещё Ленине и при кульминации «внутрипартийной демократии». Уже в этот момент обозначилась «левая оппозиция» Троцкого, но сместить Троцкого с руководящего поста Сталину удалось лишь после смерти большевистского вождя. Тогда, в 1924 году, фигура Сталина становится достаточно весомой, чтобы говорить о новом центре политической силы, призванном заполнить харизматический вакуум после ухода Ленина. Сталин был вынужден долгое время мириться с Троцким в политбюро, а из СССР выслал его лишь в 1928 году. Весь этот долгий период (почти 5 лет) Троцкий не переставал баламутить партийные массы и интриговать против нового центра государственной власти, складывающегося вокруг Сталина. Этой фигуре аналогичен главный олигарх ельцинского времени Борис Березовский. Путину удалось разделаться с Березовским и вытеснить его из российской политики более решительно, чем в своё время удалось это Сталину в отношении Троцкого. Физическая смерть Березовского, точные причины которой будут выяснены ещё не скоро, наступила в абсолютных цифрах исторического времени также быстрее, чем сработал «ледоруб» в Мексике.

В 1925 году Сталин повёл наступление против «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, в разоблачении которой большую роль играли уже службы ЧК (ГПУ). Выдавливание из власти Троцкого, Зиновьева и Каменева означало для Сталина признание своей однозначно лидерской функции в партии, которую он метафорически предложил называть «генеральной линией». Этому процессу аналогичен процесс выдавливания сначала из экономики, а затем и уголовное преследование Гусинского и Березовского, вынужденных просить политического убежища в Израиле и Англии.

Сворачиванию внутрипартийной демократии при Сталине аналогична трансформация политических институтов при Путине: региональные власти возвращаются в русло прямого подчинения центру через механизмы назначений, через полпредов и обновлённый Совет Федерации, партии и фракции эффективно контролируются администрацией президента, что кладёт конец экспериментаторству горбачёвской и ельцинской эпох.

В 1928 году Сталин разоблачает ересь бухаринско-рыковской оппозиции, а в 1929 году выводит главных ересиархов из состава руководства. В 2003 году Путин наносит удар по последнему оплоту либеральной оппозиции: разворачивается кампания против Ходорковского и в непосредственной связи с нею объявляется отставка Волошина, этого символа «старой ельцинской гвардии» в руководстве России. В 2004 году отставкой Касьянова Путин подводит черту под эпохой целенаправленного выдавливания своих оппонентов из поля претензий на власть и решающее влияние.

Сталин в этот момент отбрасывает доктрину НЭПа и переходит непосредственно к амбициозной программе коллективизации и индустриализации. Этот этап получил название «год великого перелома», с которого начиналась новая эпоха. Дальнейшие репрессии против его врагов будут носить характер интенсивной ротации партийно-хозяйственной элиты. К 1938 году можно будет говорить о полной смене элиты. Такова была последовательность Сталина как политического стратега.

Что касается пресловутой «проблемы-2008», ставшей сложным испытанием для Путина, то и здесь, несмотря на явное расхождение кривых истории, можно видеть аналогии. Сталин также несколько раз

стоял перед лицом угрозы быть смещённым и блокированным, так, в частности (по запущенным позже слухам), он рисковал быть не избранным генеральным секретарем на XVII съезде партии. Так это или не так, но **логика исторически прирастающей власти сильнее логики конституционных и формальных рамок**, в которых она осуществляется. В какой-то момент власть первого лица становится слишком велика, чтобы её можно было кому-то уступить.

Какова же судьба старой элиты? Из девяти наиболее влиятельных деятелей так называемой «семибанкирщины», то есть высшей элиты эпохи Ельцина (настоящей и полноценной олигархии), часть утратила свои позиции ещё в 90-е годы (Виноградов, Малкин, Смоленский), другая часть выдавлена (Гусинский, Березовский, Ходорковский), и только трое (Фридман, Авен, Потанин) органично вписались в новую ситуацию и нашли с Путиным общий язык.

На рубеже 2008 года Путин предпочёл решить задачу не по-сталински («обхитрить «съезд победителей», либо, как сомнительный конспирологический вариант, — «устранить Кирова»), а скорее в духе Ивана Грозного. Он допустил на своё место подставную марионетку (нечто вроде «царя Симеона Бекбулатовича»), что было спрогнозировано автором этих строк задолго до первой рокировки в пресловутом «тандеме». Тем самым была осуществлена масштабная спецоперация по введению в заблуждение крупных транснациональных игроков, воспринявших Медведева как «нового Горбачёва», возвращающего Россию в Смуту. Путин предпочёл сталинскому рывку в будущее отложенное решение и выжидательный курс. Баланс разрушительных и созидательных тенденций был сохранён. Эта стагнация объективно была выгодна внутри России лишь узкой прослойке крупных собственников, не сопрягающих своё будущее с реальным подъёмом национального хозяйства. Как назовет её Путин в 2013 году, «квазиколониальной части элиты». При этом точка фазового перехода сместилась в будущее, то есть налицо было искусственное торможение истории.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ДВУХ ЭПОХ СХОЖИ

«Путин — это Сталин сегодня» — впервые эту фразу я услышал в самом начале нулевых годов от священника Димитрия Дудко. Это

была чистая сверхрациональная интуиция, интуиция Путина как человека, как духовной единицы, а не просчёт самих событий и фактов, которых тогда было для подобных выводов совершенно недостаточно. Тем не менее эти слова не показались мне чем-то неправдоподобным. Дело в том, что данная аналогия хорошо укладывалась в оттачиваемую мной концепцию преодоления трёх Смутных времён России.

В то же время, как известно, всякая аналогия хромает. Предлагаемая таблица наглядно

суммирует параллелизм судеб и эпох. Аналогия базируется не на буквальных соответствиях, а на том, что объективные задачи двух эпох имеют разительные сходства. При этом в персональном плане два лидера не слишком похожи. Особенно ярко это различие проявилось в период 2008–2012 гг., во время президентства Медведева, которым Путин фактически маскировал сохранение режима личной власти. (Эта самоуверенная маскировка и игра с легитимностью чуть было не привела к революционному сценарию в 2011 году.)

Итак, Путин не похож на Сталина. Принципы и ценности, канва пути двух политиков не совпадают и не могут совпадать. Однако операция «Симеон Бекбулатович» могла ввести в заблуждение лишь тех, кто не учитывал русскую логику истории. Для тех, кто её учитывал, как до президентства Медведева, так и во время этого президентства, оставалось очевидным, что Путин, как и Сталин, не оставит большую политику. И в этом главное, решающее сходство, которое искупает многие и многие отличия. Несмотря ни на что, не-

Сталин	Путин
1922 Пост генсека, руководство аппаратом партии	**1999** Пост премьера и затем и.о. президента
1923 Постепенная аккумуляция «необъятной власти»; борьба с «левой оппозицией»	**2000** Избрание президентом. Начало выстраивания «вертикали власти», создание 7 федеральных округов. «Равноудаление олигархов». Арест и выдавливание Гусинского
1925–1926 «Новая оппозиция» Зиновьева и Каменева. Выведение Троцкого и Зиновьева из политбюро. Формирование «сталинского» состава высшего партийного руководства	**2001–2002** Переход НТВ «Газпрому». Закрытие ТВ-6, его «отъём» у Березовского Обуздание региональных автократов — трансформация Совета Федерации
1928–1929 Высылка Троцкого из СССР. «Правый уклон» Бухарина и Рыкова (в течение года после этого смещены с основных постов); «зелёный свет» новому поколению партийных функционеров	**2003–2004** Дело и арест Ходорковского; отставка Волошина. Вытеснение так называемых «правых» из парламента. Отставка Касьянова. Отмена прямых губернаторских выборов. Удвоение за 2004 год числа миллиардеров
1929 1-й пятилетний план; сплошная коллективизация; отбрасывание НЭПа (1929-й объявлен «годом великого перелома»)	**2006–2007** Ускоренное формирование государственных и окологосударственных производственно-имущественных корпораций Четыре «нацпроекта»; затем демографическая программа, декларация о переходе от стабилизации к инновационному развитию (Послание-2007)
Начало 30-х годов Индустриализация. Борьба с вредителями, чистки в аппарате. Коллективизация и раскулачивание, гонения на церковь Позднее Сталин назвал этот период своей политической биографии более страшным и тяжёлым, чем война с фашизмом[1]	**2008–2012** Президентство Медведева — косметическое опрокидывание к 90-м при сохранении закулисной власти Путина. Пакет реформ, смягчающих правила выборов Период увенчивается «болотным» протестом в 2011 году — попыткой «цветной» революции
Середина — вторая половина 30-х годов Убедительные успехи индустриализации. Урбанизация. Наращивание военной мощи Репрессии против «старой большевистской гвардии» («врагов народа» с теми или иными оттенками «троцкизма») — Большой террор Формирование режима полной и безоговорочной личной власти Сталина (сталинская диктатура)	**2012-й и следующие годы** Возвращение Путина в Кремль, возобновление прежнего курса Многомиллиардные вложениях в ОПК, объявление о переводе средств Фонда национального благосостояния на цели развития инфраструктурных и транспортных проектов. Усиление национал-консервативных идеологических тенденций. Подстёгивание интеграционных процессов в СНГ

[1] В мемуарах Черчилля этот фрагмент приведён в следующей редакции: «Скажите мне, — спросил я, — на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?» Эта тема сейчас же оживила маршала. «Ну нет, — сказал он, — политика коллективизации была страшной борьбой». «Я так и думал, что вы считаете её тяжёлой, — сказал я, — ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей». «С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года. <…> Всё это было очень скверно и трудно, но необходимо». (Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Глава 5).

смотря на подконтрольность и подотчётность Кремля внешним стратегическим субъектам, Русская цивилизация оставалась самостоятельной и генерировала собственное силовое поле, которое преображало российскую власть, наделяя её таинственной волей и необъяснимой хитростью, талантом лавирования, маневрирования и своевременных умолчаний.

Система, которая складывается в России, по многим параметрам ближе к «национальной диктатуре», чем к стандартной либеральной демократии. В своей развитой фазе это должна быть не диктатура олигархов, **не диктатура стагнации, а «диктатура развития», «диктатура инноваций»**. Ближайшее будущее России рисуется при таком сценарии как аналог 30-х годов с их прорывным индустриальным развитием, с их решительным очищением государства и формированием определённого цивилизационного лица советской державы — исторического и геополитического преемника Российской империи.

В чём же задачи 30-х годов типологически схожи с теми задачами, которые диктуются нынешней ситуацией? В том, например, что репрессии отчасти были вызваны необходимостью политической борьбы и выстраивания госаппарата нового типа. Но ведь ротация элит — это неумолимое требование и нашего времени, без которого невозможно развивать страну. С репрессиями или без репрессий, но власти придётся решать схожие задачи и преодолевать сопротивление многих коррумпированных кланов и групп. Сходство и в том, что преемственность с прошлым должна быть восстановлена, Путин не случайно столь настойчиво повторяет тезис о «единстве исторического процесса», — это должно быть единство, в котором, как он написал в одной из предвыборных статей 2012 года, *«потомок «красного комиссара» или «белого офицера» видел бы своё место. Ощущал бы себя наследником «одной для всех» — противоречивой, трагической, но великой истории России»*.

«Новые 30-е» подразумевают отбор лучшего и отсеивание худшего из прошлого опыта. Они подразумевают прорывное инновационное развитие, то есть способность за короткий период пробежать расстояние, которое другие народы и цивилизации проходили в течение долгого времени, наконец, способность ответить на внешние вызовы и угрозы. История

Несмотря на подконтрольность и подотчётность Кремля внешним стратегическим субъектам, Русская цивилизация оставалась самостоятельной и генерировала собственное силовое поле, которое преображало российскую власть, наделяя её таинственной волей и необъяснимой хитростью, талантом лавирования, маневрирования и своевременных умолчаний.

повторяется. Наступает критический период, когда становится понятно: если Россия не решает таких задач, её оттирают на обочину. В нашем случае это означает не просто прозябание на задворках истории, но и гибель, потому что оттирание России в сегодняшнем мире повлечёт захват и перераспределение её территорий и недр.

Образ врага, который нужно создать для успешного наступления в будущее, — это не обязательно конкретный геополитический враг. Нашим главным врагом является **собственная неорганизованность, неготовность пойти на самоограничение, неспособность планировать и выстраивать собственную жизненную стратегию**.

Осознавая аналогию 30-х годов, мы не вызываем «дух Сталина», а вооружаемся знанием о рисках и опасностях того пути, по которому идём. Мы будем способны трезво смотреть на свои поступки и на государственную политику только при одном условии: если мы будем понимать, что мы уже вошли в определённом смысле в «новые 30-е». Между тем либералы стараются склонить всех к тому, что это тема запретная, кощунственная, воспринимают её истерически, как то, о чём даже помыслить нельзя[2]. Именно применяя аналогию и здраво относясь к ней, можно в значительной степени избежать тех издержек, которые были свойственны сталинской политике в трагические 30-е годы.

Одно из самых вероятных и нравственно оправданных решений — нынешняя элита должна добровольно признать, что она некачественно и неэффективно служит нации, что она внутренне не готова идти на жертвы и уступать в чём-то, в том числе отказаться

[2] Не в этом ли кроются причины попытки (или имитации попытки?) ещё одной «десталинизации» при Медведеве?

от тех излишественных возможностей, которыми она до сих пор пользовалась. Добровольно признать это **и добровольно приступить к самоисправлению** — вот соломоново решение для «офшорной элиты», дабы избежать неприятностей, связанных с ростом государственного насилия и преследования по мотивам коррупции, причинения политического и экономического ущерба обществу. Лозунгами для верхних классов зрелого путинского периода должны стать две очень простые формулы: **«Хватит жрать!»** и **«Служи государству Российскому!»**. Тогда как для народа главный лозунг должен звучать примерно так: **«Созидай страну, семью и свой достаток!»**

При этом народ готов воспринять подобную национальную идею, тогда как элита пока не демонстрирует готовности и способности к самоотречению, она требует «продолжения банкета». Желания жрать и красть у элиты является обратной стороной демографического упадка нашего народа. Народ не размножается в стране, которой правят люди, умом и сердцем живущие не здесь, строящие и вкладывающие не здесь и всеми способами уводящие отсюда все доступные им ресурсы. Ироды не хотят быть Соломонами. И поскольку это так, неумолимым требованием момента становится смена (обновление) элиты.

ПУТИН И АНТИСИСТЕМА: ТЕРМИДОР УЖЕ НАСТУПИЛ

Сказанное выше означает не «сталинизм», не символ реставрации мироустройства 30-х годов, а способность реалистично воспринимать государственный опыт Сталина как *наследие*, как продуктивный миф, как один из конструктивных образов прошлого. В чём сущность этого наследия? Она, во-первых, в том, что Сталин сумел рекрутировать **достойные человеческие ресурсы** (кадры, которые, как известно, «решают всё») и направить их на созидание по ключевым направлениям национального развития, во-вторых, он сумел создать **спецслужбы и разведку мирового класса**, фактически обернув «интернационалистический» инструментарий против тех, кто его изобретал и внедрял в подрывных целях в «нецивилизованные» страны, в-третьих, он сумел выстроить линию технологического развития не в «отстающе-догоняющем» режиме, а вровень со своим веком, то есть **угадал главные технологические тренды эпохи**. Все эти три

составляющие сталинского наследия крайне необходимы России сегодня, сейчас.

Само перечисление масштабных, эпохальных задач, которые решала тогда страна и её лидер, показывает, насколько несущественным, несерьёзным, выморочным с точки зрения интересов Русской цивилизации является либеральная риторика о необходимости отстаивать «священное» право частной собственности, продлевать существование теплично-инкубаторных условий для доморощенных олигархов, якобы ради стабильности удерживать страну от инфляции и вкладывать деньги в «сильные» иностранные экономики. Сам ракурс двух этих подходов, сам масштаб двух типов задач, не говоря даже об их содержании, несопоставим.

Как бы ни была привлекательна для власти идея сохранения «завоеваний» 90-х годов, необходимо трезво смотреть на эту эпоху и её плоды. Как бы ни хотелось наследникам Ельцина представить дело таким образом, что к управлению ресурсами в ходе приватизации пришло новое талантливое племя суперменеджеров, Путин-то прекрасно знает эти таланты, знает как облупленных. Это было не рождение капиталистов-созидателей, но захват страны взбесившимся номенклатурно-криминальным слоем, в эксцессе своей эмансипации от советского строя забывшим и честь, и совесть. Это было не построение новой системы, но торжество Антисистемы.

Лично для Путина выбор здесь нельзя назвать лёгким. Он сам питомец этой Антисистемы, возрос в ней и через неё. Не без помощи таких её столпов и демиургов, как Собчак, Чубайс, Березовский, он пришёл в большую политику. В 2000-е годы Путин попытался приручить Антисистему, институционализировать её, выявить её сильные и «креативные» черты, скрестить их с генокодом вечной России. Но Антисистема не хочет скрещиваться с Россией, она хочет переделать Россию на свой лад, лишить её вечной русской сущности. Это гумилёвская «химера», которая способна работать лишь как механизм деструкции, паразитарного существования на остатках отрицаемого старого уклада, проедании его богатств, десакрализации и профанации старых духовных ценностей и т.д.

Возвращаясь к аналогии со Сталиным, уже сама постановка вопроса о «социализме в отдельно взятой стране», то есть о разрыве с курсом на широкую всемирную революцию (левую глобализацию) воспринималась троц-

В 2000-е годы Путин попытался приручить Антисистему, институционализировать её, выявить её сильные и «креативные» черты, скрестить их с генокодом вечной России. Но Антисистема не хочет скрещиваться с Россией — это гумилёвская «химера», которая способна работать лишь как механизм деструкции, паразитарного существования на остатках отрицаемого старого уклада, проедании его богатств, десакрализации и профанации старых духовных ценностей и т.д.

кистами как «термидорианская опасность». В 1927 году на тот момент горячий сторонник Троцкого, один из руководителей Коминтерна Карл Радек писал, что «национальное самоограничение пролетарской революции есть верный признак термидорианства, какими бы фразами он ни прикрывался». Сам же Троцкий тогда же в своих речах перед президиумом ЦКК красноречиво разъяснял Орджоникидзе и другим товарищам, что «термидорианцы были якобинцами, только поправевшими. Якобинская организация — тогдашние большевики — под давлением классовых противоречий в короткий срок дошла до убеждения в необходимости изничтожить группу Робеспьера». Троцкий взывал к «леваческому» инстинкту старых большевиков, отождествляя сталинский курс с «устряловщиной» и призывая не повторять ошибки Французской революции. (См.: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927, том 3./Редактор-составитель Ю. Фельштинский. — М., 1990. С. 74–81, 87–127.)

На мой взгляд, «термидором» революционеры, представители «малого народа», разжегшего Смуту в стране, называли длительный процесс, начавшийся в конце 20-х годов и завершённый лишь во второй половине 30-х. Это был целительный процесс, возвращавший Россию к нормам её исторического существования. От «борцов», поджигателей, бестий Гражданской войны, митинговых горлопанов — к «работникам», строителям, молчунам-хозяевам и технократам. От анархистов и ниспровергателей — к собирателям новой империи.

В сущности, если воспользоваться этим образом Троцкого, путинский термидор по от-

ношению к 90-м годам уже идёт полным ходом. Вопрос о точности термина «термидор» пусть остаётся на совести тех, кто так любил примерять на русскую действительность хламиду Великой французской революции. На мой взгляд, этот термин символизирует скорее их страх, чем передаёт точную метафору происходящего. Таков и был страх Троцкого перед «сталинским термидором» как реакцией упрямой страны, не принявшей его, Троцкого, пламенную страсть к новому миру и ненависть ко всему старому, почвенному, корневому, — всему, что он отождествлял с «тёмным» и «косным» в русской стихии.

Сегодня термидорианская опасность — это страх спекулянта и мошенника перед расправой, это страх подстрекателя к бунту перед силами порядка и самообороны. Именно страх всевозможных эмигрантов вроде Невзлина (из-за границы указавшего на Путина как на реинкарнацию Сталина), всевозможных фурий дикого русского капитализма вроде Полонского (в своё время прямо заявившего, что не человек тот, у кого нет миллиарда) — это страх перед реваншем обобранной ими нации. Путин не стал заступаться за Керимова с его замыслом, по версии официального Минска, «рейдерского захвата» белорусских калийных активов — и предпочёл молча признать правоту батьки Лукашенко. Это знаковое молчание Путина: оно является одним из символов начавшегося разворота.

Текущий 2014-й и, возможно, следующий 2015 год, скорее всего, станут временем эска-

лации антипутинской кампании за рубежами страны и «последнего боя», который попытается дать Путину «пятая колонна» внутри России. Репетиция этого боя была в 2010–2011 годах, когда целый ряд «медведевских» верноподданных (таких как Дворкович, Юргенс, Иноземцев) во всеуслышание призывали Путина к отказу от президентских амбиций, а некоторые из них даже намекали на необходимость отставки его правительства. Затем антипутинский лозунг стал знаменем уличных манифестаций, и в конце 2011 года это течение переросло в «болотное восстание».

По одну сторону фронта оказались вчерашние ельцинские функционеры, перекрасившиеся в борцов за социальную справедливость, представители богемной прослойки столиц, живущие за счёт паразитического бизнеса эмансипе, либеральная и либертинная интеллигенция, страдающая от собственной закомплексованности перед внутренне чуждой для них страной. Массовка всех этих роскошных шуб, всех этих, по выражению поэта, «протестутов и протестуток» не выражала ничего, кроме идиосинкразии новых диссидентов и шкурных интересов «офшорной аристократии», прикрываемых риторикой Навального. Суть «Болотной» — это наступление на Путина исходя из страха старой олигархии, что приблизилась «термидорианская опасность», идёт «термидорианское перерождение», отказ от «свобод 90-х».

2013: ВАЛДАЙСКИЙ ПЕРЕВАЛ

И вот после утихомиривания Болотной наступил момент, когда мировоззренческая система была явлена не полунамеками, а в целостных чертах. Явился лик Путина — то, что он умудрялся скрывать за туманом своего иллюзиона в течение 13 лет. (Раньше Путин был ситуационен — даже мюнхенская речь была не более чем раздражённым ответом на конкретную обиду и несправедливость.) Осколки разбитой вазы собрались воедино и срослись в стройную форму. Мы вновь обрели голос, звучащий громко и уверенно. Это произошло на Валдайском форуме, где в выступлении с речью, и в особенности в ответах на вопросы из зала, президент, идущий на гребне волны сирийского дипломатического триумфа, предстал как лидер уже не государства только, но и возвращающейся Русской цивилизации.

Валдайскому явлению предшествовала статья в «Нью-Йорк Таймс», в которой русский вождь бросил в лицо американцам: «Бог создал нас равными». Но в статье «Сирийская альтернатива» приоткрыт был и секрет путинской решительности, образ его политического и исторического Рубикона. Анализ событий Арабской весны и новейших революций 2.0 не оставляет сомнений — России недолго оставаться в стороне от этого глобального процесса. Боевики на стенах полуразрушенных сирийских домов пишут на нескольких языках, включая русский: «Россия, ты следующая!»[3] И в своей статье Путин ясно говорит об этой угрозе, — того, что наёмники-бандиты из Сирии окажутся в «наших странах», — угрозе, которая подталкивает его к явлению определённого лика, к прекращению двусмысленности.

Что касается беседы на Валдае-2013, обращают на себя внимание пять смысловых блоков, которые впервые были представлены Путиным и которые сами по себе оформляют новую парадигму государственного мировоззрения.

1. Была явлена субъектность, вера в **Россию как цивилизацию** («у России большое, мощное будущее») и как судьбу («Россия — это судьба»), её возвращение к себе. Путин объяснил, в чём видит смысл завершения так называемого постсоветского этапа: *«Годы после 91-го принято называть постсоветским этапом. Мы пережили, преодолели это бурное драматическое время. Россия, как это уже бывало в истории не раз, пройдя через ломки, испытания, возвращается к самой себе, возвращается в собственную историю. Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперёд»*. Что же идёт на смену «постсоветскому этапу»? Название новой эпохе ещё не придумано, а если его и можно угадать — то вряд ли оно покажется достоверным и убедительным.

Однако это будущее базируется на нескольких аксиомах:

— Россия — это **государство-цивилизация**, *«скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной цер-*

[3] Эти надписи читали и показали нам в телерепортажах наши друзья по Изборскому клубу, побывавшие в Сирии весной 2013 года.

ковью и другими традиционными религиями России». Россия — это многообразие в единстве, «цветущая сложность».

— *«Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить»*.

— Дважды в XX веке мы переживали национальные катастрофы, распад государственности и разрушительный удар по культурному и духовному коду нации. Однако, вопреки этому, нам есть чем гордиться в своей истории — эта история для нас целостна: *«Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности»*.

— Копирование чужого опыта, попытки извне цивилизовать Россию «не были приняты абсолютным большинством нашего народа», стремящегося к суверенитету духовному, идеологическому и внешнеполитическому.

2. Тесно связано с предыдущим смысловым блоком то знамя **мировой миссии России**, которое Путин впервые поднял на Валдае, — и это знамя имело внушительное подкрепление предшествовавшей дипломатической победой на сирийском фронте. Свою глобальную миссию президент противопоставил западной агрессии, склонности к насилию, выстраиванию диктата и кулачного права. Были предложены следующие аксиомы:

— миру дано Богом многообразие народов, каждое суверенное государство имеет своё лицо, каждый народ уникален;

— однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы, отказавшиеся от своего лица;

— *«Наша сегодняшняя позиция имеет глубокие исторические корни. Россия сама развивалась на основе многообразия, гармонии и балансов, привносила такой баланс и в окружающий мир»*. «Сила России, сила победителя» в поворотные моменты истории выражалась в благородстве и справедливости;

— евразийская интеграция будет строиться на этих же принципах, в ней «каждый сохранит своё лицо, свою самобытность и политическую субъектность».

3. Путин заявил, что России не по пути с Западом («евроатлантическими странами») в том, что они отказываются от своих христианских корней и фундаментальных исторических ценностей. *«Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая»*. В этом Путин видит деградацию и примитивизацию общества. Путин показал, что он **гнушается** декадансом, нравственным и демографическим упадничеством Запада. Путин произнёс знаковые слова:

— проводится политика (!), уравнивающая веру в Бога и веру в сатану;

— однополые семьи, пропаганда социально опасных извращений (педофилии), стыд за свою религиозную принадлежность, удушающая политкорректность — всё это не просто культивируют, но и «пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру»;

— *«Что ещё может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству?»;*

— *«Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение»*.

4. С предыдущим смысловым блоком связаны и тезисы об антинациональной части элиты, которой было выгодно отсутствие национальной идеи. Связка между отсутствием идеологии и паразитическим классом, предпочитающим «воровать и выводить капиталы», — крайне важное и новое для Путина заявление, фактически подводящее жирную черту под эпохой деидеологизации. Другой аспект этой же темы — **«пятая колонна»**, разрушители, политические демагоги. *«Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России»*. Путин заявляет: нам нужны созидатели, нам нужно «настоящее гражданское общество», мы должны знать, кому доверяем, — отсюда новые законы о прозрачности НПО.

5. Слыша всё это, можно было бы предположить, что после ухода Суркова в спичрайтеры Путину были набраны люди, ориентирующиеся на национал-консервативную традицию и насыщающие риторику президента соответствующей лексикой и аргументацией. Но дело не только в спичрайтерах. Новая повестка сполна и чрезвычайно убедительно проявилась в устных ответах Путина на вопросы — где он спонтанно, в свойственной ему непринуждён-

ной и ироничной манере расставил наиболее смачные акценты.

Фактически многие ответы Путина звучали как насмешка, как **издевательство над двойными стандартами Западами**, над его подчас мелочным эгоизмом:

— *«Они привыкли в Европе как? По известному принципу: сначала давайте съедим твое, а потом — каждый своё»;*

— *«Берлускони судят сейчас за то, что он живёт с женщинами, а если бы он был гомосексуалистом, его пальцем бы никто не тронул.* (Смех в зале.)*»;*

— *«Химическое оружие в Сирии появилось как альтернатива ядерному оружию Израиля, мы же это хорошо знаем <…>».*

Все эти 5 смысловых блоков — новое явление в политике верховной власти. Всего этого не было в наших первых лицах начиная с Горбачёва. Всё это признаки завершающейся, преодолеваемой Смуты. И эти изменения не могут оказаться чистой риторикой. Россия вступает в новую полосу своей жизни — начинается непростая, возможно, крайне трудная и опасная, сопряжённая с войнами и жертвами, открытая борьба за достойное место в мире. А это невозможно и без внутренних перемен в стране.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ РАЗВОРОТ

Начались ли перемены?

Безусловно, они начались. Всё то, что удалось стронуть Путину с мёртвого места, развернуть в сторону исторической «нормы» Русской цивилизации, — всё это шаг за шагом, градус за градусом делает его олицетворением вечной России. И всё это, как можно надеяться, — свидетельства необратимости совершаемых процессов.

Средства, вкладываемые в оборонный комплекс, возрождаемые и создаваемые заново оборонные заводы, запланированное построение за десять лет 400 межконтинентальных баллистических ракет, 8 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения, 20 многоцелевых подводных лодок, 50 боевых кораблей, 100 военных космических аппаратов, 600 современных самолётов, 1000 вертолётов, более 70 комплектов ракетных комплексов различных систем и т.д. и т.д. — всё это весомая программа перевооружения страны. И этот выбор — свидетельство необратимости путинского разворота. Не случайно конфликт,

приведший к отставке главного проводника неолиберальной политики Кудрина, этого наследника Чубайса во власти и любимца банковского интернационала, давшего ему звание «лучшего министра финансов», был связан именно с возрождением оборонного комплекса. Это тот портал национальной экономики, который был первым выведен из-под опёки неолибералов, поскольку оборонка слишком очевидно выпадает за рамки компетенции ограниченных догматиков-главбухов. Этот «кусок» Путин вывел из-под юрисдикции «Вашингтонского консенсуса», вырвал из пасти западных банкиров, которые через Кудрина и К° выводили из России капиталы, подвампиривали спящего исполина, не давали ему очнуться.

Следующую порцию капиталов, которые Путин отказывается оставлять в транснациональных банках, он направляет на строительство транспортной инфраструктуры — это долгожданная победа над монетаристами, о которой изборцы мечтали уже давно и требование которой формулировали из года в год.

С 2013 года Путин наложил запрет чиновникам, госслужащим, депутатам и судьям на зарубежные счета и активы. Этот запрет — ещё одно свидетельство необратимости происходящего разворота.

В этом же году начались проверки некоммерческих «иностранных агентов», что является важнейшим решением, направленным на отсечение тех финансовых потоков, с помощью которых США привыкли формировать свою политику «мягкой силы», в критический момент переходящую в «цветные» революции.

Путин пока мало сделал на ниве восстановления патриотизма в образовании и воспитании, но он заговорил об этом, в его словах ощущалось понимание масштаба стоящих задач, а результатом этих слов уже стало создание новых госструктур.

Путин поручил сформировать единый учебный курс русской истории с канонической трактовкой её целостности и непрерывности, с уважением ко всем её этапам — это тоже знак разворота, хотя исполнители данного замысла пока ему не вполне соответствуют.

Путин заговорил и о контроле над Интернетом, который используется творцами ментальных вирусов не в меньшей мере, чем грантопотребляющие НКО.

Путин объявил о союзе с Церковью и защите религиозных чувств верующих от глумления, а также обещал защищать институт семьи от «крестоносцев» ювенальной юстиции.

Он перестаёт лицемерить в отношениях с квази-церквями и шабашами западной цивилизации: новоявленным духовным орденом международных правозащитников, в своё время громивших СССР, разветвлённой сектой «зелёных» и борцов с потеплением, повсюду используемых их хозяевами для расправы с политическими конкурентами, миссионерскими сообществами других культов политкорректной глобализации. Яснее всего он противостоит революционной диктатуре Сексуального Интернационала, этой ЛГБТ-Инквизиции, которая подчиняет своему контролю страну за страной.

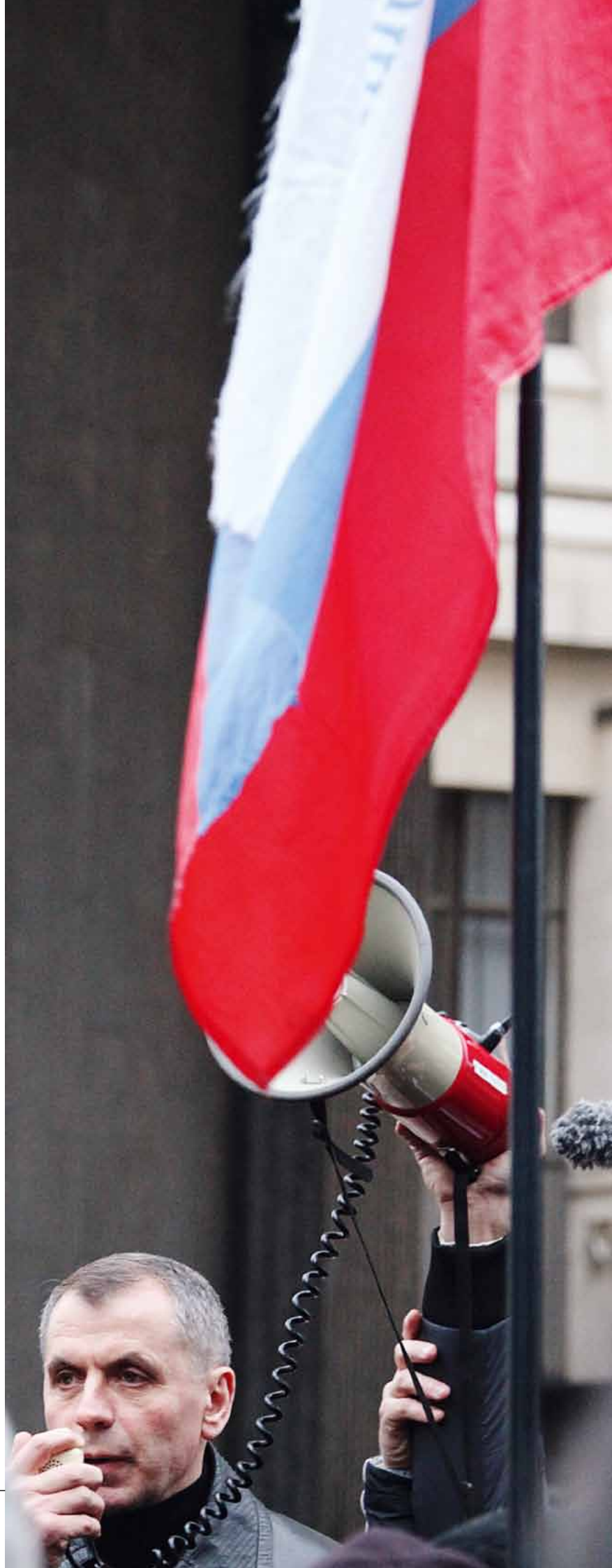
Перечисленного уже достаточно для того, чтобы русские государственники и патриоты видели в Путине своего союзника, на деле осуществляющего консервативную смену курса.

Тем не менее, несмотря на всё вышесказанное, экономика страны остаётся в значительной степени вне того консервативного разворота, черты которого стали столь явственными в последние годы. В этом пункте мы подходим к самому уязвимому месту нашего героя. (И нам остаётся надеяться, что эта уязвимость в скорейшем времени испарится.) Вся экономика, исключая оборонный сектор, — как будто заповедная зона, куда Путину до поры до времени заказан путь. Это экономика офшорной элиты, большинства из тех 110 миллиардеров, которые, по оценкам Credit Suisse, владеют 35% всех национальных богатств страны. И поэтому, даже когда Путин написал перед выборами о создании госкорпораций, он как будто оправдывался перед «смотрящими» от мирового капитала, оговариваясь, что *«ни о каком подавлении частной инициативы речь не шла — её в этих секторах просто не было. Ошибочно на основании нашей работы по собиранию, реструктуризации и предпродажной подготовке активов делать выводы о разрастании госкапитализма»* («Ведомости», 30.01.2012). И это говорилось в предвыборной статье. С кем полемизировал Путин? Можно было подумать, что его избиратели — это сто миллионов кудриных и гонтмахеров, оспаривающих право и священный долг власти на инвестирование в собственную страну и производство.

За последние годы достигнуты убедительные успехи на евразийском направлении путинской политики. Таможенный союз и начинающий воплощаться в жизнь Евразийский

союз — неожиданное по времени и контексту движение, в котором президент вновь опережает своих предшественников, русских вождей «послесмутных» времен. Обо всём этом пишут многие коллеги по Изборскому клубу. Мне бы хотелось здесь отметить, что хотя стратегия интеграции ещё в самом начале своего развёртывания, однако уже понятно, что по своим последствиям реализация этой стратегии способна привести к исправлению очень многих пороков нынешнего состояния. В качестве примера приведу высказывания Путина о неуправляемых потоках миграции в одной из его предвыборных статей, высказывания, которые редко вспоминают, но которые содержат черты верного стратегического замысла: с одной стороны, писал Путин в «Независимой газете» (23.01.2012), необходимо направить мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение;а с другой — нужно, «чтобы люди в своих родных местах, на своей малой родине могли чувствовать себя нормально и комфортно. Надо просто дать возможность людям работать и нормально жить у себя дома, на родной земле, возможность, которой они сейчас во многом лишены». Если такова одна из целей евразийской интеграции — мы, безусловно, на верном пути.

Оселком, на котором проверяется глубина и серьёзность интеграционных намерений, стала осенью 2013 года Украина. Яростная борьба за неё, которая продолжает разгораться, может быть и проиграна, — но она ведётся по-новому, и это не останется без последствий. Слабой стороной российской политики в этой сфере, как и во многих других, остаётся склонность измерять всё деньгами. Если мерить и стимулировать интеграцию деньгами, никаких денег не хватит. Олигархически-криминальная Украина говорит на одном языке, но братский народ ждёт от Москвы исцеляющего слова, внятного призыва на совсем другом языке. А с этим у Кремля пока не всё гладко. Вместо этого звучат невнятные оговорки, что мы, дескать, не против вашей евроинтеграции, мы бы и сами не прочь… Между тем евразийская экономическая интеграция, тем более с Украиной, должна апеллировать не только к голой экономике, но и к цивилизационным, духовным аргументам. Ментальные предпосылки политики в наш век определяют слишком много и окупаются сторицей, что, кстати говоря, прекрасно сознают и используют западные режиссёры кровавого Евромайдана.



ГРИШКА РАССТРИГА

(народная песня XVII века)

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злаго Расстригу Гришку Атрепьева.
Уже ли он, Расстрига, на царство сел,
Называется Расстрига прямым царём;
Царём Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига женитися,
Не у себя-то он в каменно́й Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка Расстрига из бани с женой.
Выходит Расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревёт зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и посное и скоромное:
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею».
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твоё ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы, стрельцы, вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига,
Гришка Атрепьев сын.
Потерен мой сын, царевич Димитрей Иванович, на Угличе
От тех от бояр Годуновыех.
Ево мощи лежат в каменной Москве
У чудных Сафеи Премудрыя.

Путин, к сожалению, во многих случаях всё ещё подменяет идеологию финансами. Тогда как назрела острая потребность в другом подходе: идеология должна не замещаться, а подкрепляться финансами. Деньги должны перестать быть компенсацией отсутствия идеологии (что свойственно только колониям), но рассматриваться как инструмент проводимой стратегии (логика суверенной метрополии).

Ахиллесовой пятой России в условиях приближения горячей фазы информационной войны остаются до сих пор средства масс-медиа и Интернет. Либералы раздули миф о «рупорах Кремля», но этих рупоров что-то не видно. Да, стали чаще сниматься нормальные патриотические фильмы, появились более-менее трезвые передачи на ТВ, но они при этом тонут в инертном, гламурно-циничном, развлекающе-отвлекающем информационном потоке. Топ-менеджеры наших масс-медиа явно ведут двойную игру: с одной стороны, они выполняют пропагандистские задания власти (нередко нарочито грубо и прямолинейно), с другой стороны, на уровне акцентов новостных лент, фразочек и маленьких штрихов сеют деструктивные настроения, нагнетают депрессию, демонстрируют всё те же, что и в 90-е годы, стереотипы западников и русофобов, хотя и в смягчённом виде. Как поведут себя они, когда начнётся тотальная информационная война, с применением тяжёлой артиллерии времён холодной войны и новейших изощрённых разработок?

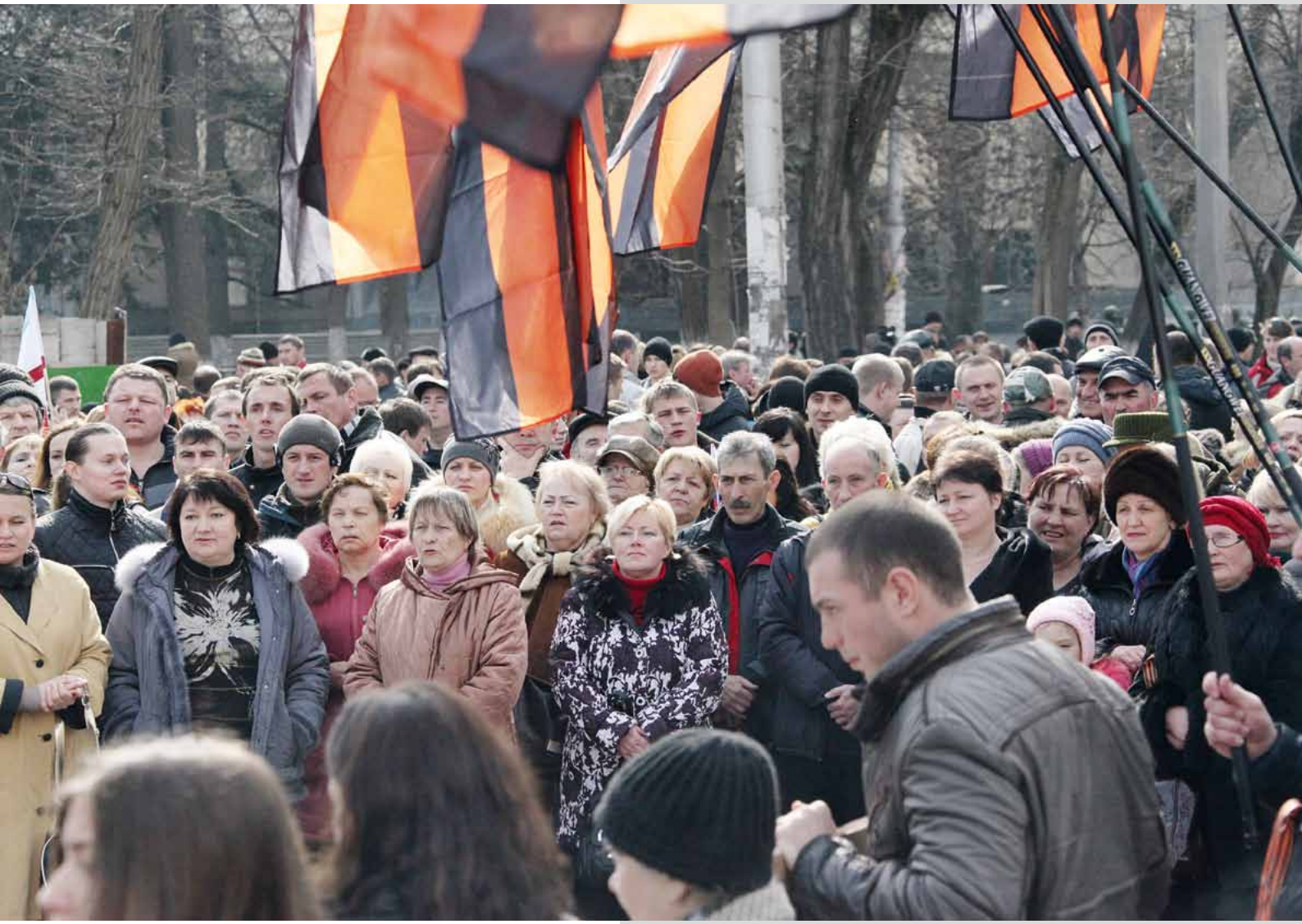
Не пора ли начать очищение элиты с этой её прослойки? Не пора ли параллельно ей выстроить пророссийскую систему СМИ? Мы уже видим первые ласточки: создаётся холдинг «Россия сегодня» с Д. Киселёвым во главе и М. Симоньян в качестве опытного главного редактора. Это можно только приветствовать, но этого крайне мало. Необходимо запустить механизмы тонкой глубинной работы с ментальностью на телевидении и в работе информагентств, в радио, печати, Интернете, в блогосфере. Если Путин не подготовится сейчас к ударам информационной войны, он может оказаться довольно-таки беззащитным перед мощью западной машины манипуляции. И даже если вслед за телеканалом «Дождь» последуют другие русофобские СМИ, сама по себе запретительная политика и политика блокирования не сработает, да и выглядеть она будет неприглядно. Если же Путин решится на смену (мягкое обновление) высшей медийной элиты,

вслед за тем будет уже не трудно осуществить и другие очистительные меры, причём не будет необходимости в масштабных политических расправах — наши оппозиционеры и агенты влияния просто не будут никому видны и слышны, а в Интернет-сети их сторонников встретит стройная рать наших сторонников, патриотов своей родины.

Судя по всему, Путин вынужден до сих пор лавировать и во многом маскировать свои стратегические замыслы. И на то есть объективные причины.

Но как бы ни объяснялась непоследовательность, сложность и половинчатость нынешней политики в тех или иных её аспектах, важно то, что разворот происходит. В этом мы видим внушающие оптимизм симптомы того, что Россия выжила, что дух наш не сломлен, а история наших побед и взлётов не завершена.

У тово ли-та Ивана Великова
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякия праздники совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все они собиралися,
Ко Красному крылечку металися,
И тут в Москве збунтовалися.
Гришка Расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается,
А злая ево жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.



/ Сергей БАТЧИКОВ /

Путин и хаос глобализации

Последние 20 лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной пропаганды образа жизни западного общества потребления. Произошло «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они стали формироваться в центрах мирового капитализма.

Резкое обострение политической ситуации на Украине дает основания говорить если не о начале цивилизационной войны Запада против православного мира, то, как минимум, о резком усилении внешнего давления. Согласно концепции вызова и ответа британского философа А. Тойнби, всем цивилизациям на протяжении своей истории приходится сталкиваться с теми или иными вызовами, и их дальнейшее развитие определяется выбором варианта ответа. Адекватный ответ не только решает проблему, но и выводит общество на новый уровень развития. Если же нужный ответ не найден, в обществе возникают аномалии, накопление которых приводит к «надлому», а затем и к упадку. Сегодняшний вызов для русско-православного мира — это инспирированное и проплаченное Западом фактическое превращение Украины в зону боевых действий, где «Правый сектор» официально объявивший войну России, из слабо вооруженной небольшой маргинальной группы постепенно превращается в небольшую партизанскую армию, готовую перенести боевые действия на нашу территорию.

Русско-православная цивилизация всегда находила достойный ответ на внешние вызовы, будь то Смутное время, нападение Наполеона или вторжение нацистской Германии. Совершенный на Украине государственный переворот свидетельствует о том, что Запад не оставит своих попыток. Неразрывно связанная с нами историческими, культурными и кровными узами Украина де факто превращена Западом в плацдарм для военных действий с Россией. Российское руководство должно полностью отдавать себе отчет в том, что отрабатываемые сегодня на Украине технологии, уже завтра могут быть перенаправлены на российское направление.

Демократический Запад, обвиняя Россию в притеснении сексменьшинств, открыто поддерживает на Украине нацистов, призывающих к уничтожению москалей и жидов, а обвиняя Россию в имперскости, не стесняется использовать понятие для себя любимого термин «империя демократического типа». Двойные стандарты стали нормой публичной политики Запада.

В этих непростых условиях историческая миссия России и ее президента — найти адекватный ответ, который бы обеспечил не только целостность и успешное развитие самой России, но и жизнеспособность и процветание всей православной цивилизации, на раскол которой сегодня брошены огромные финансовые, интеллектуальные и организационные ресурсы. Для этого крайне важно осознать те угрозы, которые несет в себе разрушение национального государства в глобализованном мире и критически осмыслить все используемые для этих целей средства, в числе которых и технологии создания управляемого хаоса, широко применяемые последние двадцать лет. Как говорили древние, «предупрежден — значит вооружен».

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Еще в 70-е годы прошлого века стало ясно, что эпоха «модерна», основанием которой был большой проект Просвещения, подходит к концу — импульс индустриализма исчерпал свой ресурс.

В поисках ответов на вызов будущего на Западе было решено демонтировать систему «мягкого», социального кейнсианского капитализма и взять за идеологическую основу нового курса неолиберализм — фундаменталистское учение, предполагающее «возврат к истокам». На этом пути «к истокам» логика борьбы заставила за последние сорок лет «проскочить» и классический либерализм, и обновление Реформации, и духовность раннего христианства и, наконец, докатиться до неоязычества, до полного отказа от гуманистических универсалистских идеалов.

В гуманистической футурологии Тоффлера предполагалось, что постиндустриальное общество будет отличаться от цивилизации «второй волны» особой ролью науки, образования и культуры, а его центральным социальным институтом будет не промышленное предприятие, а университет. Это представление лежало в русле веберовской социологии современного капитализма. Однако «неолиберальная волна» толкнула развитие Запада на иной путь, на тот, который в споре с Вебером предсказывал Г. Зиммель — путь к господству «ростовщика», спекулятивного финансового капитала. Главными институтами стали не университет и лаборатория, а биржа и банк, соединенные в глобальную сеть. И постепенно ростовщик взял человечество за горло, что имело огромные мировоззренческие последствия. А. С. Панарин писал: *«Монетаризм — больше чем одно из экономических течений. Он является сегодня, может быть, самой агрессивной доктриной, требующей пересмотра самих основ человеческой культуры — отказа от всех традиционных сдержек и противовесов, посредством которых любое общество защищалось от агрессии денежного мешка… Все прежние моральные добродетели, заботливо культивируемые человечеством на протяжении всей его истории, отныне осуждены в качестве протекционистской архаики, мешающей полному торжеству обмена».*

Именно это мы и наблюдаем: повсеместно, где утвердился диктат неолиберализма. «Тотальная деинституционализация» общества начинается с ухудшения массового образования — со снижения уровня школьных программ, отказа от дисциплинарного

Иван БУНИН

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат…

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

принципа классической школы, принижения статуса учителя, разрушения уклада школьного товарищества и дегероизации сознания молодежи, насаждения культа силы и вседозволенности.

Экономическое господство спекулятивного капитала позволило ему заключить прочный союз с *преступным миром*, что стало настоящей трагедией человечества. Союз париев «верха» и париев «дна» становится силой, с которой невозможно справиться традиционными правовыми методами. В ряде стран такой союз возникал на короткое время, и для его демонтажа от государства и общества требовались чрезвычайные усилия и жертвы. Так, в США альянс финансового капитала с мафией в 20–30-е годы был умиротворен компромиссами, за которые приходится платить и сегодня.

В России долгое время власти и общество закрывали глаза на все эти проблемы. В результате целые регионы страны оказались криминализованы, на больших территориях возникли серые зоны с явным огосударствлением преступных структур. Впервые альянс торгово-финансового капитала (в том числе международного) с преступным миром возник в России еще в ходе Первой Мировой войны. Тогда ни царское, ни Временное правительство ничего не могли сделать с диктатом мафии и коррупцией, что стало важным фактором поддержки большевиков. Нынешнее возрождение союза капитала и мафии, усиленного глобальными связями, может сыграть фатальную роль. Дело не только в попрании права, закона и морали. Этот союз «верха и низа» определенно дал «социальный заказ» на разрушение мировоззренческих основ нашей культуры и всех ее проявлений — от эстрадной песни до навыков обыденного поведения.

Культурная эра постмодерна, в которую мы шагнули вслед за Западом, отменяет проблему истины и смешивает все нормы и правила. Это означает новые удары по нашему сознанию, к которым надо готовиться. В докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» еще в 1991 г. был сделан такой многозначительный вывод: *«Болезни человечества являются отражением современной опасной тенденции к всеобщему помешательству»*.

Беда в том, что мы в осознании опасностей такого рода очень сильно отстаем и от Запада, и от Востока, где вовремя осознали, что мир за последние сто лет очень усложнился, а сознание людей стало менее устойчивым — сдают свои позиции и религия, и традиции, и мораль. В поисках методов стабилизации сознания Запад резко расширил научные исследования — и сложности мира, и законов сознания и подсознания. Восток мобилизует свои культурные ресурсы — философию, литературу, осваивает и западные научные подходы. Достойный изучения пример — быстрое создание в Китае крупномасштабной индустрии кинематографии, продукция которой по своим техническим и эстетическим качествам не уступает голливудской и вытесняет ее с национального рынка. Видимо, в Китае не остались незамеченными высказывания американского военного исследователя Ральфа Петерса о том, что «оккупация иностранных государств в идеале должна начинаться с Голливуда и МакДональдса, а уже за ними могут следовать американский флаг и автоматные очереди».

С помощью финансовых махинаций режиссёры кризисов обесценивают предприятия страны, а затем скупают их по дешёвке. Кризисы в Мексике 1994–1995 гг., в Азии в 1997–1998 гг., в Аргентине в 2001 г. наносили тяжёлый удар по населению, но одновременно позволяли кучке спекулянтов делать многомиллиардные состояния. После кризиса в Мексике там появилось 24 миллиардера, а после дефолта 1998 г. в России — 38.

А мы, увязнув в затянувшемся кризисе, не только не продвинулись вперед, но и растеряли те заделы, которые имели. Режим, установившийся в России после поражения СССР в холодной войне, стал исповедовать идеологию неолиберализма и глобализации в ее крайнем выражении, не думая о том, что Россия с ее огромными природными богатствами слишком велика, чтобы ее можно было интегрировать в периферию Запада. Поэтому для ее разрушения и превращения в бесструктурную зону глобального «пространства» неизбежно будут применяться особенно жесткие технологии, в том числе в сфере сознания.

Глобализация привела к взрывному развитию антисоциальной и антигуманной философии и морали, консолидировала ее носителей и выразителей. Россия переживает не просто взрыв преступности, жестокости и бессмысленного насилия. Длительный кризис многих сделал черствыми, заставил спрятаться в индивидуальной скорлупе. В сознание молодежи уже почти двадцать лет внедряются идеи социал-дарвинизма, который всегда отвергался русской культурой. И не только идеи, мировоззренческие установки и нравственный хаос, но и активная «практическая» алчность, жестокость, культ тупой силы.

Оборотной стороной социал-дарвинизма стало внедрение в России системы потребностей, несовместимых с жизнью страны и народа. Последние 20 лет граждане России были объектом небывало мощной пропаганды образа жизни западного общества потребления. Произошло «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они стали формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества можно «сравнить с идолопоклонником, чахнущим от болезней христианства» — западных источников

дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные. Эта культурная мутация стала одной из причин глубокого кризиса.

В российской элите под давлением ее западных «наставников» происходит интеллектуальный регресс, сдвиг от идей Просвещения к антирационализму и дологическому типу мышления. Доверие к самым абсурдным обещаниям, суеверные, антинаучные взгляды стали нормой общественной жизни. Произошла архаизация сознания образованных людей, многие из которых перестали различать главные категории, необходимые для принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев), почти разучились оценивать масштаб проблем, что резко снизило способность общества к сопротивлению планам глобализации.

Неолиберальная волна во всем мире сопровождалась массированной дезинформацией населения. Людям показывали «витрину» мировой экономики, замалчивая тот факт, что растущий уровень благосостояния «метрополии» достигался за счет глобального перераспределения ресурсов и производимого богатства. В новой экономической философии хозяйственная жизнь представлялась только через «макроэкономические» показатели — движение денег и ценных бумаг. Потоки натуральных ценностей скрывались за этими показателями в интересах сообщества глобальных финансовых игроков. Перераспределение богатства между сильными и слабыми странами осуществляется с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные. Технологии системных операций против национальных экономик доведены до совершенства: с помощью финансовых махинаций страну доводят до кризиса, обесценивают ее предприятия, а затем скупают их по дешевке.

Так провоцировались кризисные волны, охватывавшие огромные регионы (кризис в Мексике 1994–1995 гг., ударивший по Латинской Америке, в Азии в 1997–1998 гг., затронувший и РФ, в Аргентине в 2001 г.). Все эти кризисы наносили тяжелый удар по населению, но одновременно позволяли кучке спекулянтов делать многомиллиардные состояния. Возникало множество предприятий с укладом почти рабского типа, а часть местных богатеев вливалась в новую глобальную элиту. После кризиса в Мексике там появилось 24 миллиардера, а после дефолта 1998 г. в России — 38.

Подрыв национальных государств и систем права уже привел к тому, что финансовые спекулянты могут безнаказанно разорять целые континенты и вывозить из разоренных стран сотни миллиардов долларов, обесценивая труд миллионов людей и не подпадая при этом ни под одну из статей уголовного кодекса. Экономические мародеры ведут геноцид оказавшихся незащищенными народов, подрывая условия всякой нормальной жизни.

Углубляется неравенство в мировом сообществе. Например, уровень жизни в Швейцарии сейчас превышает уровень жизни в Мозамбике в 400 раз, тог-

да как в начале XIX в. это соотношение было всего 5:1. Большую роль в этом «расслоении» стран в 70–80-е годы прошлого века сыграли навязанные странам-должникам «структурные» реформы по программе МВФ. По расчетам Центра исследований экономической политики (США), экономический рост в Бразилии и Мексике в 1980–2000 гг. мог бы быть в два раза выше, если бы они не соблюдали рекомендации МВФ. ТНК высасывают ресурсы периферии и приводят к обеднению большинства населения. В разрушенные слабые экономики сбрасываются структуры криминального бизнеса метрополий. Глобализация ликвидирует качественные различия в происхождении денег и, следовательно, различия между нормальной и преступной экономикой. Она легитимизирует такие сверхрентабельные виды бизнеса, как торговля наркотиками, человеческими органами, живым товаром. В этой обстановке почти любой бизнес приобретает большую или меньшую криминальную компоненту.

В процессе глобализации транснациональные корпорации действуют и против интересов граждан «своих» стран. В результате перемещения производств в страны с дешевой рабочей силой рабочие места в промышленности замещаются занятостью в сфере услуг с низкой оплатой и краткосрочным наймом. Происходит ликвидация среднего класса в странах метрополии. Раньше периферия мирового капитализма обладала достаточной емкостью, чтобы поглощать кризисы метрополии и оплачивать их за счет обеднения и архаизации жизни своего населения. В последние десятилетия эта емкость стала недостаточной, а ряд стран вырвался из долговой петли и «закрылся» от кризисов Запада. Какое-то время роль поглотителя кризисов играло лишенное экономического суверенитета постсоветское пространство, но и его «поглотительный потенциал» исчерпан. Поэтому неолиберальные социальные инженеры и разработали целый ряд методов сброса кризисов в «средний класс» метрополии. В Европе — после эпохи почти полного охвата трудящихся разными схемами социальной поддержки, — уже около трети занятых находится вне социально защищенной сферы.

Комментируя процесс уничтожения среднего класса в странах метрополии в процессе глобализации, А.И. Фурсов обращает внимание на превращение национального государства в корпорацию-государство, отмечая, что последнее представляет собой *«властную заточку»* гипербуржуазии против среднего класса, *«киллера»*, которому этот класс заказали».

Топ-менеджеры в неолиберальной системе превращаются в особую касту, доходы которой определяются лишь принадлежностью к этой касте, а отнюдь не успехом предприятия. Появление касты топ-менеджеров, получающих огромные бонусы даже при убытках компании, мы наблюдаем и в России, в том числе в государственных (!) корпорациях.

В тяжелейшее положение попали «неудавшиеся» государства — те, которые не в состоянии контролировать свою территорию и гарантировать безопасность граждан, не могут поддержать господство закона, обеспечить права человека, эффективное управление, экономический рост, образование и здоровье своему населению. В этом списке около 30 стран. Но их положение связано прежде всего с изъятием ресурсов метрополией (сначала как из официально эксплуатируемых колоний, теперь экономическими методами). А. Кустарев перечисляет эти методы: *«Масштабная и неразборчивая приватизация, создание правовой инфраструктуры, благоприятной для трансфера капитала, режим экономии под маской «структурных реформ» (излюбленная рекомендация МВФ) — все это ведет к застою и коррупции, большим социальным издержкам, экономическим потерям общества и нарастанию государственного насилия. Эта трактовка очень расширяет круг неудавшихся государств, относя к их числу… Россию, называя их «жертвами прихотливых потоков международного капитала» и подчеркивая, что они впадают в хронический кризис, именно «находясь под надзором международных финансовых институтов»*.

В таких странах не только крайне неблагоприятен инвестиционный климат, отсюда идет вывоз капиталов и сбережений. Так, около 40% частных денежных средств Африки хранятся за ее пределами. Но это — удел не одной только Африки. Достаточно вспомнить, как бывший министр экономики Г. Греф оправдывал вывоз из России денег и замораживание их в американских банках в виде Стабилизационного фонда: «Стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это ни парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну!» Когда ему указывали, что это противоречит здравому смыслу, он отвечал, что деньги «должны изыматься из экономики и не тратиться внутри страны, или будет очень высокая инфляция, ну в полтора раза выше, чем сейчас, а это прямое влияние на инвестиционный климат, отрицательное влияние». Но это и есть полный хаос в сознании: если деньги инвестировать в страну нельзя, то зачем заботиться об инвестиционном климате?

Для глобализации нет *своих стран*, а есть всемирное племя-каста «новых кочевников» и всемирные туземцы. Произошел отход искателей денег от правовых норм, на которых держалось прежнее мироустройство, при котором человеческий род был организован в народы, а их права и обязанности, соединяющие людей в общества, были оформлены как национальные государства.

Врагом и объектом ненависти глобальных кочевников является любое национальное государство — кроме «империи золотого миллиарда». Для подрыва национальных государств они используют любые средства, самыми эффективными среди которых являются действия преступные. Важные политические функции выполняют разного рода «черные интернационалы». Во многих точках мира они подрывают структуры национальных государств,

организуя *мятеж-войны* — чаще всего с псевдоэтническими и псевдорелигиозными идеологическими прикрытиями. Иногда поддержка, оказываемая им со стороны глобальных теневых сил, столь велика, что внутри государств образуются преступные анклавы, приобретающие признаки государственности. Этот вирус начинает быстро разрушать государство. Это мы видели в России на Кавказе и в Средней Азии. Эта же технология была эффективно использована и для разрушения СССР, на территории которого было создано несколько мятеж-войн, разожженных союзами политических и преступных группировок, получавших щедрое финансирование и оружие из-за рубежа.

Одним из орудий подрыва государства в России стало втягивание его в «большую коррупцию» в конце 80-х годов. Возникнув сначала в виде отдельных очагов, коррупция постепенно охватила весь государственный организм и начала его «разъедать». Коррумпированная часть развращает еще здоровую часть чиновничества быстрее, чем удается «вылечивать» пораженные участки. Зараза захватывает и значительную часть общества, так что продажность становится нравственной нормой. Коррупция превращается в самовоспроизводящуюся систему и вырабатывает механизмы, автоматически разрушающие те защитные силы, которые может собрать для борьбы с нею государство. Пораженная коррупцией часть чиновничества смыкается с преступным миром, чтобы сообща и целенаправленно растлевать, подкупать и подчинять как раз те органы государства и общества, что должны обеспечивать их безопасность — судебную систему и прокуратуру, органы госбезопасности, прессу и представительную власть.

Второе, менее страшное, но не менее тотальное изменение государства — безудержный рост раковой опухоли бюрократии при одновременном падении ее квалификации и ответственности. Это — верный признак утраты свойств национального государства и превращения его в «корпорацию». В бедных постколониальных странах принадлежность к государственной бюрократии часто была единственным способом добиться хотя бы небольшого материального благосостояния. Это приводило к тому, что бюрократический аппарат многократно разбухал относительно реально выполняемых им функций и в то же время превращался в замкнутую сословную корпорацию, главной функцией которой становилось обеспечение собственных интересов. Как правило, это сразу требовало *национальной измены* — бюрократия становилась внешним управляющим «золотого миллиарда» по изъятию из страны жизненно важных ресурсов.

Глобализация перенесла отработанные в «неудавшихся» государствах Африки механизмы в развитые страны. «Серые зоны» постепенно расширяются и в метрополии где все больший процент населения оказывается, по выражению бывшего премьер-министра Франции Э. Баладюра, «в зоне неправа» — и в то же время разбухает госаппарат. Это стало важной проблемой

Ещё в начале 90-х годов была предложена модель, в которой любая страна ассоциируется с «железом», а политическая культура и идеология — с программным обеспечением. Для «смены режима» не нужны ни оккупация, ни бомбардировки — достаточно внедрить в «компьютерную систему» вредоносную программу…

ЕС. Европейская бюрократия изымает у национальных государств-участников их функции, но сама обеспечить их выполнение не может, изобретая свои «наднациональные» обязанности. В результате, как пишут наблюдатели, в Европе возникает «пустое пространство с дефицитом суверенитета». Это и есть «зона неправа».

Но гораздо хуже положение в России, где в результате «реформ» произошло многократное разбухание чиновничьего аппарата относительно его функций. Если в государственном аппарате управления СССР было занято 16 млн. человек (около 80% усилий которых было направлено на управление народным хозяйством), то в результате «реформ» число чиновников в госаппарате России выросло до 17 млн., при этом хозяйством они уже не управляют (90% его приватизировано), а населения в РФ вдвое меньше, чем в СССР. Второй процесс — превращение государства во «внешнего управляющего» — скрыт от постороннего глаза, но многие косвенные признаки говорят, что масштабы его весьма велики.

Резюмируя угрозы, которые несет человечеству новый мировой порядок, выделим наиболее тревожные глобальные процессы.

Первый — это перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это — мировая информационно-психологическая война. В ходе ее было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Людей приучали мыслить в категориях безнадежности и безысходности, прививали чувство апатии и безразличия, в результате чего способность больших масс населения к сопротивлению и самоорганизации была резко снижена.

Второй — это ослабление или разрушение национальных государств с перехватом их легитимности и компетенции транснациональными корпорациями, транснациональными преступными синдикатами, наднациональными органами и организациями, подконтрольными Западу. Этот процесс должен вести к концентрации контроля над финансовыми, военными и информационными ресурсами у одной цивилизации (Запада) и образованию одной гиперимперии — США. Запад делегирует ей полномочия мирового жандарма, судьи и палача, насилие которого становится легитимным в глобальном масштабе. В результате, по замыслу архитекторов цивилизации каннибалов, должно возникнуть мироустройство по типу *«неоантичности»* — новый языческий Рим с его центурионами-менеджерами и легионами «экономических убийц» и «психологических диверсантов» следил бы за порядком в огромном глобальном ГУЛАГе, где трудился бы *«внешний пролетариат»*, обеспечивающий средствами жизни и комфорта интернациональную расу *неокочевников* — господствующего глобального меньшинства, не привязанного ни к какой территории или национальной культуре.

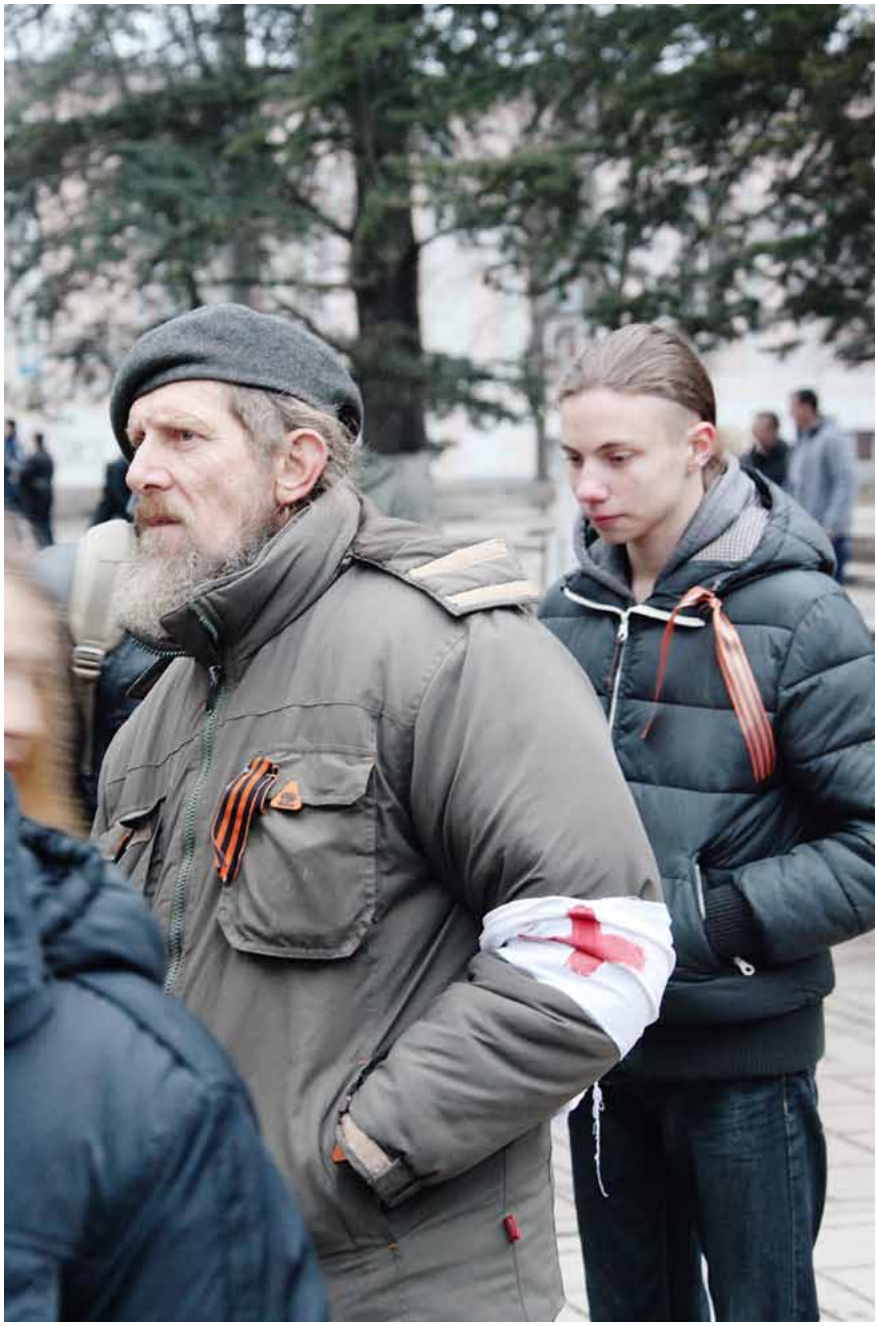
Третий — это мировая экономическая война, в которой применяются средства создания в национальных экономиках и социальной сфере *управляемого хаоса*. Это парадоксальное понятие предполагает, что в *хаос* превращается экономическая жизнь стран и культур жертв этой войны. При этом сами агрессоры, управляющие этим экономическим оружием, держат хаос в стане противника под контролем, для них он является целенаправленно созданным особым порядком. Этот новый вид боевых действий подробно описан одним из его разработчиков Стивеном Манном, который лично участвовал в создании многих очагов *управляемого хаоса* в разных точках мира (в том числе в СССР). Он прямо называет «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» инструментами обеспечения национальных интересов США. В качестве наиболее эффективных механизмов «создания хаоса» он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию». Ещё в 1992 г. С. Манн предложил модель, построенную на аналогии между государством и компьютерной системой. В этой модели любая страна ассоциируется с «железом», а политическая культура и идеология — с программным обеспечением. Для «смены режима» не нужны ни оккупация, ни бомбардировки — достаточно внедрить в «компьютерную систему» вредоносную программу…

ХАОСА СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ?

Можно ли говорить о том, что благодаря теоретикам «усиления эксплуатации критичности» хаоса в мире становится больше? Из-за отсутствия механизма или методологии измерения его «количества» и «объема» однозначно такой вывод сделать нельзя. Невозможно сравнить сегодняшнее «количество» хаоса с 1991 годом — периодом активного развала СССР и региональных конфликтов на Балканах, в Африке, Ближнем Востоке, Афганистане или с семидесятыми годами прошлого века, когда, несмотря на разрядку, мир

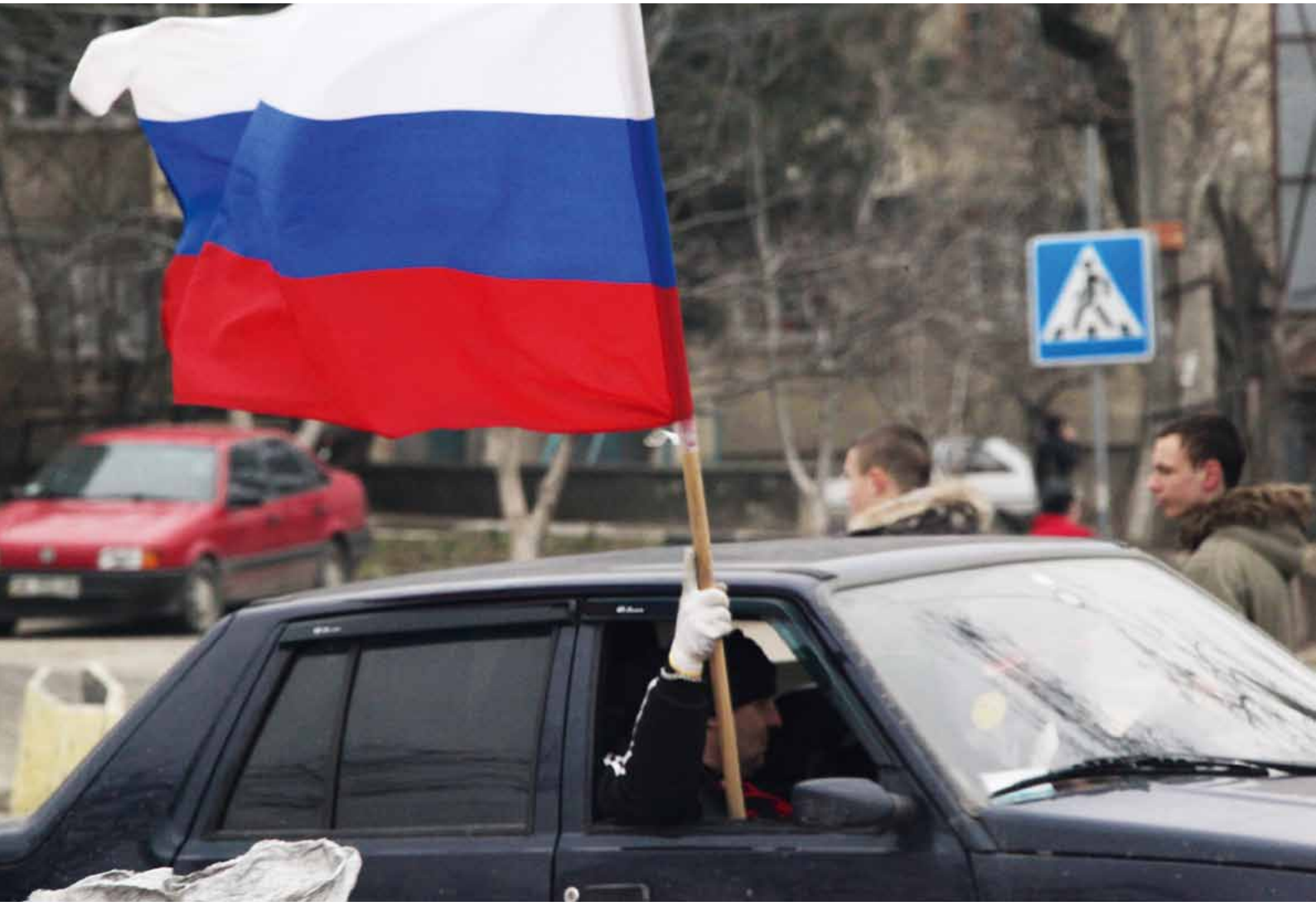
был охвачен не просто конфликтами, а региональными войнами (достаточно упомянуть затяжную войну США в Индокитае, горячую фазу арабо-израильского противостояния, «букет» войн в Африке, начало затяжной войны в Афганистане, «бутонизацию» исламского экстремизма). Однако хаос, несомненно, стал качественно иным.

Во-первых, совершенствуются технологии управления, и сегодня мы уже не наблюдаем явного столкновения блоков и даже отдельных стран. Значительный «объем» современного хаоса генерируется революциями и «как бы революциями», которые возникают «как бы из ничего». Их подоплека остается незаметной для досужих наблюдателей. Многие из них так же моментально «сходят на нет» (как в Тунисе и Турции), другие (как в Египте) тлеют неопределенное время и, при сохранении основных государственных институтов, генерируют «зеркальные реверсии» (восстание фундаменталистов против военной бюрократии сменяется революцией военной бюрократии против фундаменталистов — и далее в том же духе), третьи генерируют «зоны иррационального хаоса», «войну во имя войны», сопровождающиеся фактическим демонтажом наций (Ливия, Сирия). К этому типу относятся «революции», порождаемые разного рода моментальными политическими повестками — проигрышем или выигрышем какой-либо стороны на выборах — как, например, на Украине. Топливом для таких социальных движений и возникновения очага хаоса является накапливающаяся «усталость» (в одних случаях «усталость» от социальной несправедливости, в других — от длительной незыблемости определенных политических режимов или систем). Усталость порождает раздражительность, напряжение и скрытую ненависть. В таких случаях достаточно «взмаха крыльев бабочки» (кто-то что-то сказал, кого-то ударили дубинкой), чтобы спровоцировать начало «горячей фазы». Вторым условием новых революций является наличие хорошо организованных глобалистских течений или геополитических блоков,



которые выполняют роль «постоянных источников энергии» хаоса (как, например, международная мусульманская экстремистская сеть) или положительных аттракторов (например, ЕС), куда «положено» стремиться. Третьим условием революции часто является наличие отрицательных аттракторов, в роли которых часто выступает господствующий режим. Отрицательный аттрактор в виде «себя любимых» — характерное для постсоветского пространства явление, постоянно подпитывающее дезинтеграционные процессы. Чтобы спастись от себя, надо попытаться стать кем-то еще, ну например, «цивилизованными европейцами», ассоциировавшись с ЕС.

Во-вторых, нынешние процессы характеризуются исключительной скоротечностью. Информационные технологи, в первую очередь Интернет и мобильная связь позволяют осуществлять мобилизацию по любым поводам практически моментально и позволяют быстро и технологично манипулировать общественным мнением. Военные США уже энное количество лет раз-



рабатывают и совершенствуют программы, позволяющие тайно манипулировать такими социальными сетями как Facebook, Twitter и др., используя подставных пользователей, влияющих в заданном пропагандистском ключе на дискуссии в режиме онлайн.

В-третьих, нынешний хаос возникает, по большей части, не в результате столкновения стран или политических и военных блоков, а в результате «брожения» в социальных тканях (такое брожение может охватывать как отдельные государства, так и целые их группы) различных глобалистских «вирусов», связанных своим происхождением, опять-таки, с над- или вненациональными образованиями и повестками. К числу последних можно отнести исламский экстремизм, либеральный фундаментализм (за которым стоят вполне прагматически настроенные банкстеры), «руку Брюсселя» и т. п.

Будут ли расширяться зоны хаоса, и какие страны/регионы находятся на первых позициях в группе риска?

Сегодня многие политологи сходятся во мнении, что XXI век пройдет под знаком противостояния исламского фундаментализма и европейской цивилизации. Использование ислама в политических целях подпитывается сочетанием таких факторов как рост экономического богатства ближневосточных нефтяных стран, ощущение особой миссии ислама как исторически самой молодой и менее других подверженной внутренней эрозии религии и, наконец, рост демографического потенциала мусульманского мира. Значительная часть исламских государств находится на пространстве от Атлантического побережья Северной Африки до пределов Индостана — территории, которую политологи всего мира с легкой руки Збигнева Бжезинского называют «дугой нестабильности». Процессы, происходящие в этом регионе, напрямую затрагивают интересы Европы и США, России и Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии. Они влияют на объем и ценовой баланс рынка углеводородов, безопасность мировых грузоперевозок, состояние рынка вооружений, объем торговли наркотиками и, наконец, на потоки мигрантов в государства «золотого миллиарда». Переформатирование пространства Ближнего и Среднего Востока с закреплением долговременной «дуги нестабильности» позволило бы Западу не только взять под контроль энергоресурсы, но и получить в свои

руки мощные рычаги влияния на мировую ценовую политику в нефтегазовой сфере. Если посмотреть, кого Запад (прежде всего США и Великобритания) поддержал в подавлении «революционных протестов» в регионе, то становится ясно, что взят курс на разогрев большой исламской дуги и приведение к власти радикальных исламистов, с которыми США заключают союз. Энергия исламской экспансии с большой вероятностью выплеснется на Большой Дальний Восток, ЕС, страны бывшего СССР и дестабилизирует евразийский и африканский континенты, что отвечает интересам страны-разработчика стратегии управляемого хаоса.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Как нужно вести себя России перед лицом угроз XXI века? Как отстоять национальные интересы в хаотизированном глобализованном мире? Как сохранить ее многовековую культуру и православную цивилизацию? И, наконец, как адекватно ответить на переход противостояния на Украине в горячую стадию?

Бжезинский и Ко. «подбадривают» нас рассуждениями об «окончательном конце» Российской империи, обвиняют российского президента в иррациональности и мании величия, искусно создают все новые очаги напряженности в отношениях братских славянских народов. Дирижеры информационно-психологической войны пытаются окутать нас мглой безысходности и убедить в том, что сопротивление бесполезно. На Украине разворачиваются вполне конкретные боевые действия, и появляются все новые и новые жертвы «революционного процесса». Вышколенный на западные деньги «Правый сектор» уже объявил о походе на Восток, о предстоящих расправах над русскоязычным населением и насаждает нацистские порядки по всей Украине. Более того, он уже угрожает губернаторам приграничных областей и собирает сведения о российских силовиках и членах их семей в приграничных районах.

При всей трагичности украинских событий они дают России уникальный шанс встать на защиту православной цивилизации, объединить русские земли, население, хозяйственный потенциал, занять более прочные позиции в Черноморском бассейне. Чтобы этот шанс реализовать, России необходимо прежде всего, «сосредоточиться внутри себя», перестать следовать навязываемой извне и во многом чуждой для русского мира модели развития и начать играть «свою игру». Как любил повторять Александр III, «во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот». Пятая колонна, настойчиво внедряющая в России рецепты развития и счастья западных «союзников» — это наша Ахиллесова пята, и она будет всегда препятствовать смене вектора развития. Навязанная России неолиберальная модель завела экономику в тупик и сделала ее почти полностью импортозависимой. Твердая позиция России в украинском вопросе будет неизбежно усиливать внешнее давление и порождать разного рода санкции, к которым мы должны быть готовы. В этих условиях **переход к мобилизационной модели развития и новая индустриализация — императив выживания, сохранения и развития страны**. У наших олигархов сегодня есть выбор — дожидаться ареста счетов на Западе или уже сегодня заставить свои капиталы работать на Россию. Выбор есть и у президента — уступить беспрецедентному давлению Запада (как это сделал беглый Янукович) или проявить твердость, оправдав мандат доверия всех россиян и надежды русскоязычного населения Украины. Свое «А» в украинском кризисе Путин уже сказал. Теперь пришло время говорить и все остальное. События развиваются стремительно, и надо не опоздать.

Если этот шанс не будет реализован, то расплачиваться за последствия придется нашим детям. Украинскую революцию как последний «подарок судьбы» организовало для всех россиян утомленное нашим безволием Провидение. Пренебрегать дарами такого рода нельзя, потому что следом Провидение может послать и Терминатора.

Александр БЛОК

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

1908

/ Наталия НАРОЧНИЦКАЯ /

«У нас огромный опыт, неведомый Европе»

Европой, по сути, правят левые радикалы, затыкающие любой национальный голос

— Год назад кампания против Путина как вовне, так и внутри страны была на пике — принятие «списка Магнитского» в США, протесты либералов в России против принятого в ответ «закона Димы Яковлева». Казалось, что давление на власть будет только возрастать и возможности Путина для действий на международной арене могут быть существенно ограничены. Но в реальности за истекший год Россия сумела добиться впечатляющих успехов на мировой арене, а США одновременно понесли существенные имиджевые и геополитические потери (дело Сноудена, Сирия, отключение правительства). Чем можно объяснить это? Россия закончила сосредотачиваться?

— Да, в прошлом году Россия совершила невероятное. Еще семь лет назад в мюнхенской речи Путин показал, что Россия сосредотачивается. Он не сказал тогда ничего такого, о чём бы не думали многие, но он в одночасье лишил Запад права быть единственным интерпретатором всех явлений политики, лишил права вещать от имени так называемого фантомного «мирового цивилизованного сообщества». Он сказал тогда, что мы всё понимаем и не хотим больше скрывать: прикрываясь красивыми лозунгами, вы на деле попираете суверенитет, открыто вмешиваетесь во внутренние дела, ведёте военную и политическую экспансию во всех уголках мира. Мы не хотим конфронтации, но не считайте нас за слепых, которые ничего не понимают.

И это был шок — но пошумели, пошумели и признали наше право говорить самостоятельным голосом. И с этого началось то, что вы назвали словами Горчакова «Россия сосредотачивается». Циркуляр Горчакова 1856 года содержал в себе в вежливой дипломатической форме огромную внешнеполитическую концепцию. В ней не было отказа от взаимодействия с Западом — но было сказано, что оно России нужно, лишь когда этого неукоснительно потребуют интересы России, сосредоточенной на внутренних задачах. Так и Путин фактически дал понять, что Россия не собирается участвовать в западных интригах только ради подтверждения идеологического родства в «демократии», что практиковалось в предшествовавший ему период.

Действительно, в конце 2012 года на Россию обрушились кампании диффамации, связанные с «законом Димы Яковлева». Внутри страны было очень много оппонентов, причём

Николай РУБЦОВ

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя…

Россия, Русь — куда я ни взгляну…
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы.
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя…
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.

Кресты, кресты…
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье…

1960

не только среди воинствующих западников, полагающих, что «эту страну» хотел бы покинуть любой при возможности. Кстати, такой нигилизм к собственному отечеству делает человека совершенно несчастным, и даже личный успех и благополучие не приносят удовлетворения — ведь если нет интуитивного чувства спокойствия и уважения к земле, где ты родился и живёшь, то человек будет метаться, снедаемый изнутри желчью, что мы и видели у многих на Болотной. Причём часто это принимает формы иррационального вселенского агрессивного обличительства, которое рождает, с одной стороны, социальную агрессию, а с другой — социальную апатию. И то и другое — следствие нигилизма, безверия и неуважения к своей стране.

Да, 2013 год начинался в такой неблагоприятной атмосфере… Но при этом начиная уже с 2000 года на внешнеполитическом поприще у России в основном успехи. Медленно, но верно мы становимся всё более самостоятельными, у нас бывают осложнения, тактические перестройки, иногда мы делаем полшага назад, иногда недорабатываем, но Россия явно показала миру, что она выжила и становится системообразующим элементом новой мировой конфигурации.

Само принятие «закона Димы Яковлева» стало ответом на принятие «списка Магнитского» — все государства отвечают на подобные вызовы. Вопрос, правильно ли была выбрана тема для ответа — столь чувствительная, затронувшая судьбу детей. Дело сделано, но, безусловно, одним из положительных следствий стало то, что само обсуждение и критика настолько привлекли внимание к нашей неудовлетворительной системе усыновления и горячей теме сиротства, что в кратчайшие сроки было сделано немало для улучшения ситуации.

Что же касается Америки, то насилие в семье там действительно очень распространено — в отличие от Европы, с которой у нас продолжается взаимодействие по усыновлению. В самих США настолько трудно усыновить ребенка внутри страны, что те странные пары, которые потом оказались виновны в гибели наших детей, никогда бы не получили там разрешения. Их жизнь за десятилетия была бы подвергнута тотальной проверке, включая обстановку и нравы в семье, опросы соседей, анализ всех обращений к врачам… Не надо забывать и о том, что мотивация американцев к усыновлению детей сильно отличается от нашей. В России с небогатым населением усыновляют в основном бездетные семьи, которые хотят удовлетворить свою мечту о продолжении рода, о здоровом ребенке. У нас больных детей усыновляют в основном православные семьи, семьи священников. А в США часто усыновляют и семьи, имеющие своих нескольких детей, часто усыновляют больных детей, потому что во многих протестантских деноминациях есть и ветхозаветная мотивация: живите и размножайтесь, чем больше вы подобных себе верующих людей произведёте, тем угоднее вы будете Богу.

— В начале 2013-го вовсю шла война в Сирии, и было ясно, что Запад только ищет повод для прямого вмешательства в конфликт…

— Да, в течение года ситуация в Сирии катастрофически осложнялась и шла к фатальной черте. К концу лета всё уже балансировало на грани войны. Многие осведомлённые эксперты полагали, что это неизбежно и речь шла уже о неделе или днях. И тут был найден виртуозный ход! Сейчас уже открыто признаётся, что мы спасли не только регион и мир от войны с непредсказуемыми глобальными последствиями, причём с самым страшным — межрелигиозным измерением, но фактически спасли и Америку. Они открыли ящик Пандоры, загнали себя сами своими ультиматумами в угол, из которого уже политически им было невозможно выйти самим, не потеряв лицо и статус, позволяющий претендовать на роль правителя мира. И мы — и в этом и было величие этой шахматной партии — не стали бить в литавры, а разыграли так, что ради интересов мира и спасения глобального межцивилизационного равновесия помогли им без потери лица потихоньку отступить. Они, конечно, будут отыгрывать, ставить палки в колеса женевской встрече. США по-прежнему считают, что Асад должен уйти, но теперь уже мирным путём, в ходе какой-то демократической процедуры. Но в любом случае это доказало миру, что Россию игнорировать не приходится, мир и глобальные проблемы без неё не могут быть решены. Мировое сообщество со всей очевидностью убедилось, что однополярный мир не состоялся раз и навсегда. Он не состоялся, кстати, не только потому, что Россия выжила и сохранила своё право на историческую инициативу. За двадцать лет после провозглашения однополярного мира мир развивался стремительно и совсем не по расчётам американских стратегов. Динамизм переместился в Азию. Китай и Индия уже не свернут с пути превращения в великие державы XXI века, даже если сегодня темпы их роста чуть замедлятся.

Важно и то, что своим бурным не только ростом, но и развитием восточные цивилизации опровергли тезис, что модернизация возможна только при тотальной вестернизации. И это главный удар по претензиям Запада. Происходит не просто перемещение экономического или технологического центра в Азию. Запад, охваченный системным кризисом либерализма в экономике и духовно-нравственной сфере, очевидно, перестаёт быть единственным путём, как утверждалось во всех старых теориях линейного прогресса, которыми до сих пор мыслят наши эпигоны. Сейчас это уже всего лишь один из проектов модернизации.

— Но при этом сам Запад не готов отказаться от идеи о том, что его линия глобализации, путь к модернизации является единственно верным и единственно возможным?

— На уровне экспертного сообщества — уже готов. Новые концепции мировой науки о модернизации уже отошли от доктрины единого образца развития и, соответственно, от модели догоняющей модернизации, которой до сих пор привержены российские «модернизаторы». Национальные культуры сегодня повсеместно перемалывают капитализм, а раньше полагали, что капитализм способен перемолоть все культуры. Сейчас наступила эпоха национальных модернизационных проектов.

Глобализация ударила уже и по самому Западу, особенно по Европе, — положив начало неотвратимой социальной, демографической и ценностной трансформации самого Запада.

В Европе за последний год произошло очень интересное изменение в отношении к России. Это некоторый поворот к России консервативно настроенных европейцев, а их-то большинство. Сегодня Россия — это практически единственная страна, которая на государственном уровне, «с открытым забралом» объявила о защите традиционных христианских ценностей.

К тому же естественная глобализация — это вовсе не доктрина «глобального управления» — этакая «философия глобализма» — современный термин, прикрывающий извечное стремление подчинять и управлять. Для остального мира глобализация уже почти повсеместно оборачивается прогрессирующим отставанием. Простое подражание Западу не приносит модернизации. Основной вывод: сегодня глобализация перестала быть синонимом модернизации! В русле «философии глобализма» элитам стран, даже самых отсталых, внушается иллюзия сопричастности и членства в мировом клубе олигархии, а народу внушается абсолютно ложное понимание гражданского общества, уничтожающее нацию как преемственно живущий организм с целями и ценностями национального бытия. Идеал глобалистов — несопричастность делам своего отечества, этакая суперлиберальная доктрина «гражданина мира». Всё это парализует внутреннюю энергию, делит нацию на разные цивилизации, консервирует в целом отсталость общества, мешает ему идти вперёд, включая собственные рычаги, собственный потенциал развития. Следуя собственным задачам, а не кабинетным доктринам евроструктур, одновременно можно многое заимствовать у Запада, но обязательно перемалывая это и нанизывая на свой стержень, обеспечивающий преемственное продолжение жизни нации. И этот фон тоже стал одним из тех факторов, которые обанкротили проект однополярного мира.

А то, что нам удалось не допустить расправы над Сирией, — следствие этого. Очень важны и соглашения по Ирану.

— Что сегодня, после подписания соглашений, происходит с политикой США в отношении Ирана? Американцы реально готовы изменить курс или просто берут паузу?

— Многое из того, что делалось в последнее десятилетие, было направленно на окружение Ирана. Американская политика — это политика глобального имперского государства, которое рассматривает весь мир как зону своих интересов. Это и есть имперское сознание — в дурном смысле этого слова. И при этом Россию все обвиняют в имперских амбициях, когда она заботится о ситуации по линии своих границ! Но ведь даже самое крошечное неамбициозное государство, не способное ни с кем воевать, заинтересовано в том, чтобы окружающие государства не были враждебно настроены, не были втянуты в какие-то конкурирующие объединения. А когда государство вмешивается во внутренние дела в тысячах миль от своих берегов, да ещё попирая международное право и Устав ООН, — это и есть грубый империализм в духе Теодора Рузвельта, только сегодня он прикрыт риторикой прав человека и вселенской демократией. Американская экономика, выстроенная на вавилонской башне из триллионов зелёных фантиков, диктует взимать со всего мира имперскую дань. Для этого и надо объявлять планету зоной американских интересов, и вся политика этому подчинена. Поэтому послабления в отношении Ирана носят тактический характер, их не надо сильно переоценивать, но и недооценивать нельзя — пауза даёт новый веер возможностей, ведь вся политика состоит из тактических шагов.

Что будет дальше? Я всегда полагала, что давление и экспансию провоцирует слабость национально-государственной воли. Если некий центр силы и исторической инициативы имеет потенциал и даёт понять, что нет никаких шансов его сдвинуть с пути, потеснить, морально подавить, то потенциал экспансии окружающих соперников переориентируется на другие цели. А вот вакуум национальной воли никогда не останется пустым местом, туда устремятся сразу все — как было с постсоветским пространством. То, что было в 90-е в России, даже трудно назвать государственной идеологией — это была проповедь антиэтатизма. Идеологи вещали, что национальные интересы отмерли, остались лишь общечеловеческие ценности, и нужно протянуть всем руку и раскрыть объятья. И пока мы упивались до полного опьянения новым мышлением, весь мир воспользовался испытанным старым — прибрал к рукам всё, что мы отдавали. Всё, что не было записано на бумаге, отбирали, везде тут же появлялась другая сила, которая совершенно цинично, вопреки всей

романтичной «общечеловеческой» риторике действовала в духе самой жёсткой Realpolitik.

Это уроки нашей постсоветской истории, и сейчас, как мне кажется, уже нет этих розовых очков. Это вовсе не означает желание конфронтации — конфронтация нам совершенно не нужна, в ней гораздо труднее реализовывать свои национальные интересы. Но для того, чтобы её не было, иногда приходится сначала немножко отвоевать себе пространство. Чтобы просто расправить свои плечи и дышать полной грудью, нужно немного потолкаться в толпе, чтобы на тебя не давили.

— В уходящем году Владимир Путин ещё раз достаточно чётко обозначил свой курс на поддержку традиционных ценностей…

— Он это провозгласил открыто и смело! Но даже та степень, которая нашим традиционалистам кажется недостаточной, повергла в ярость Запад. Поэтому всё сделано было правильно, отмерено и дозировано точно. СМИ на Западе завизжали, а европейцы в целом — наоборот, зауважали! Поэтому, кстати, так и бьётся в истерике либертаристская пресса от ярости, что русофобия-то пошла вниз… во всяком случае, стала маргинализироваться! Как человек, который активно работает с экспертным сообществом в Европе, я могу сказать, что в этом году произошло очень интересное изменение в отношении к России. Это некоторый поворот к России консервативно настроенных европейцев, а их-то большинство. Не могу назвать тенденцию ещё доминирующей, но процесс налицо, это для меня факт, испытанный практикой. Сегодня Россия — это практически единственная страна, которая на государственном уровне, «с открытым забралом» объявила о защите традиционных христианских ценностей. Знаете ли вы, что единственное поздравление Папе Франциску по случаю избрания, где упоминались христианские ценности, пришло от Владимира Путина? На это обратили внимание мои друзья, европейские консерваторы, и даже выступили на эту тему на конференции в Риме в здании итальянского парламента!

В наш Институт демократии и сотрудничества стали приходить письма с благодарностью России, её лидеру, её парламенту. Нам говорят: «У вас есть демократия!» Для наших либералов звучит как анекдот, но европейские консерваторы имеют в виду то, что наша демократия не позволяет меньшинству топтать ногами и бесчестить всё, что дорого большинству. Это и есть власть народа, в конце концов.

Мы в этом отношении следуем не кабинетной доктрине, которой надо соответствовать и за шиворот насильно тянуть общество (у либералов вообще-то ведь большевистский подход к идеям переустройства жизни человека), мы следуем тому, что хочет само общество, что соответствует его устоям и что, по большому счёту, обеспечивает его продолжение.

Такое мнение о России в большей степени присутствует у консервативных кругов европейского общества. Я всегда считала, что именно консервативные круги — это наш резерв, который к нам всегда относится лучше, потому

что у них — интеллектуалов или обыкновенных людей — всегда вызывает симпатию самостоятельность, суверенность духа и политики. У них вызывает симпатию любовь к своему Отечеству, несмотря на то, что его все поносят. Потому что для них это как любовь к матери — ведь естественно побуждение человека защитить от поругания свою мать, хотя все прекрасно сознают, что матери не ангелы. Люди с симпатией относятся к такой нашей позиции и считают, что у России есть будущее на этом поприще, что Россия может возглавить сопротивление упадку и закату европейской цивилизации. Для них архиважно, что защита традиционных ценностей и устоев провозглашена именно на государственном уровне.

И они вдруг задумались: «А, собственно, почему западная либеральная пресса без конца поносит Россию? Так ведь та же пресса поносит и нас, только за то, что мы не хотим записываться «родитель номер один» и «родитель номер два». Мы ведь ничьи права не ущемляем, просто не хотим уравнивать неуравниваемое. Может быть, Россию отторгают за то же самое, за что они нас и ненавидят? И не так уж отвратительна эта загадочная Россия, как её изображают! Обычная страна, небезгрешная, конечно, но обычная… а вовсе не монстр, как в глазах какого-нибудь А. Глюксмана с его гротескными призывами к новому «крестовому походу» против восточных варваров…». Такой процесс в общественном сознании Европы очевиден, что вызывает нервическое беспокойство у узкого амбициозного, самодовольного меньшинства, которое подавляет «инакомыслие» большинства в худших традициях тоталитаризма… Так что по мере роста интереса к России у консервативной части общества вырастает истерика либертаристов — то есть крайних либералов-постмодернистов. Ведь классический либерал XIX века сегодня оказался бы консерватором — и точно перевернулся бы в гробу, увидев, что сегодня является критерием свободы, за которую он готов был идти на эшафот.

— Европа сейчас переживает переломный момент. Есть признаки того, что проект единой Европы, запускавшийся англосаксами, постепенно выходит из-под их контроля и переходит под управление Берлина. Как вам кажется, есть такая тенденция?

— С возникновения бисмарковской Германии англосаксы сдерживают Германию, следуя своей классической установке препятствовать возникновению преимущественного влияния какой-либо из континентальных стран. С XVI по XIX век её главным соперником была Франция, но с появлением единой Германии ситуация изменилась. Когда в 1886 году русский посол передал в Петербург, что в случае франко-германской войны Британия поддержит Францию, ему сначала даже не поверили. Однако в Лондоне уже не хотели превращения Германии в мощную центральноевропейскую державу, вокруг которой неизбежно сформировался бы круг сателлитов — так называемая доктрина Mitteleuropa. Это даже побудило Англию стать союзником России в Антанте. После Первой мировой войны англосаксы на Версальской конференции в отсутствие России расчихвостили Германию по древнему языческому принципу «горе побеждённым». Германия не смирилась, родила уродливый плод в виде германского нацизма и привела страну уже совсем к краху (немцы всегда губили себя необузданными амбициями — остановились бы вовремя, были бы нацией номер один в Европе, им бы жить нами в мире, — никакой Америке бы не снилось управлять Евразией!).

Но всё, что сделано в послевоенной Европе — и НАТО, и Общий рынок, — было сделано

не только против Советского Союза, но прежде всего, чтобы растворить Германию, чтобы германский потенциал никогда не был бы самостоятелен в выборе стратегии. Он должен быть растворён в единой Европе, полностью повязан. Европейское экономическое сообщество — предшественник Евросоюза — начиналось среди прочего с Европейского объединения угля и стали, связавшего сырьё войны. Потом, когда Вилли Брандт начал политику примирения с СССР и Восточной Европой, в Вашингтоне еще как ерзали по поводу «безумного бега Брандта в Москву», призрака «Рапалло».

— В итоге Брандт потерял пост, а его преемник Шмидт был вынужден быть гораздо более осторожным и лояльным к США.

— Когда Советский Союз рухнул, было сделано всё, чтобы концепция новой Европы была не германской. Загадочное убийство главы Deutsche Bank А. Херхаузена в 1991 году было замято буквально через неделю. А ведь он очень сильно влиял на канцлера Коля и предлагал сделать не доллар, а марку расчётной единицей с СССР, простить долги и многое другое в восточной политике. Если бы такая концепция реализовалась, то это была бы уже совсем другая Европа. Россия и Германия могли бы стать двумя опорами евроазиатского равновесия. И это был бы уже не американский мир. Но англосаксы этого не могли допустить! Как только стало возможным втянуть бывшие соцстраны в свои орбиты, сначала их, неготовых, спешно приняли в ЕС (теремок под бременем всех зайчиков-побегайчиков и лягушек-квакушек сейчас трещит), началось немедленное расширение НАТО, чтобы завести европейские интеграционные процессы под атлантическую эгиду, чтобы Европа оставалась сугубо атлантической.

Ещё пример: в югославском кризисе начала 1990-х американцы долго занимали нейтральную позицию и не выступали за расчленение Югославии. Но когда Германия, не устояв перед соблазном вновь обрести влияние на Балканах, как в годы Первой мировой войны, практически навязала Евросоюзу признание Хорватии и Словении, американцы в этом усмотрели призрак Mitteleuropa — «Срединной Европы». Чтобы не допустить прогерманской «Центральной Европы», США взяли всё под свой контроль, направили и возглавили процесс. Поэтому, конечно, перехват Германией инициативы в евроинтеграции США и Британия всегда рассматривают с опаской.

Трудно сказать, есть ли у Германии сейчас такие амбиции и такие возможности. Это единственная страна Евросоюза, которая способна выдержать кризис, она всё производит сама, к ней все обращаются с просьбами и требованиями всех подкормить и подлечить. Американцы бдительно следят за немцами и вряд ли позволят им начать свою игру.

— А тот факт, что Британия уже пригрозила выходом из ЕС, не является ли одним из способов давления на Германию? Или скандалы с немецким золотом, которое Берлин не может вернуть из англосаксонских хранилищ? Или недавний скандал с прослушиванием Меркель — может ли это повлиять на то, что немецкая элита будет стремиться к большей самостоятельности?

— Меркель вначале выглядела жёсткой атлантисткой. Нужно было видеть выражение её лица на знаменитой уже мюнхенской конференции, когда выступал Путин. У Меркель в гостях был американский министр обороны, и вдруг твоего главного гостя, перед которым ты делаешь реверансы, другой твой гость размазывает по стенке. Она готова была сквозь землю провалиться. Конечно, за эти семь лет она, безусловно, выросла в плане внешнеполитического мышления… Но, как сказал мне один мой английский друг, «смотрю я на европейских лидеров и на ваших (Путина и Лаврова) — и понимаю, какие же у нас на Западе пигмеи по сравнению с вашими». В смысле воли, профессионализма, широты мышления.

Германия всегда усиливалась, когда она проводила самостоятельную восточную политику (то есть с Россией). И это повышало её маневренность и на западном направлении. Нам надо работать над этим.

— Есть с кем работать?

— Есть. Это показал и мой недавний опыт участия в конференции, посвящённой семейным ценностям, в Лейпциге. Несмотря на все трудности — пикеты, перекрытия трамвайных остановок, удар ногой мне в колено, — пришло 500 человек. Но грустно, что либертаристская пресса воспитывает новое поколение немцев в такой радикально постмодернистской идеологии, что они даже не представляют, как можно думать иначе… «Они же за хорошее выступают, за свободу, а мы какие-то троглодиты». Мы в разных мировоззренческих измерениях — нельзя объяснить слепому разницу между светом и тьмой, он вне этих категорий.

Когда меньшинству позволяется топтать ногами то, что дорого большинству, — это уже не демократия, это антидемократия. Ещё 22 века назад Аристотель указал на извращения демократии — охлократию (власть толпы), за спинами которой дела вершит олигархия.

— В наступающем году пройдут выборы в Европарламент. Опросы показывают рост популярности националистов и правых. Могут ли они стать крупнейшей силой в Европарламенте?

— Да, националисты растут. Причём скорее нереспектабельные, и в этом виноваты либералы. Абсолютно все СМИ контролируются постмодернистами, которые мгновенно вычисляют любую потенциально респектабельную консервативную силу и навешивают на неё ярлык крайних экстремистов и радикалов, даже если они просто чуть ближе к центру, чем эти воинствующие нигилисты. И те люди, которым есть что терять, стесняются выступать, отдавая это маргиналам. В свое время из Национального фронта во Франции сделали пугало…

— Но сейчас НФ сумел выбраться из той маргинальной ниши, куда его всячески заталкивали…

— Да, это парламентская партия, но такое поношение, грубости, гадости, клички, которые применяются в СМИ по отношению к «Народному фронту», немыслимы в отношении никакой другой партии.

— Но, несмотря на все старания прессы, Марин Ле Пен обречена быть президентом Франции — не через пять, так через 10 лет.

— Нет, это очень трудно. У НФ будет большая фракция в парламенте, но президентами становятся не те, у кого 40% поддержки по сравнению с 20% у соперника, а те, у кого нет большого негативного рейтинга, те, кто не является неприемлемым для избирателей. Пока что НФ не удаётся переломить ситуацию, хотя Марин Ле Пен ни разу не сказала ничего такого, к чему можно было бы придраться. Элита давит в зародыше всех потенциальных правоцентристов, которые не имеют в общественном сознании шлейфа маргинальности (пусть ложной и мнимой) и могли бы стать альтернативой вульгарным социалистам, в которых и от социалистов уже ничего не осталось.

Сумеет ли Европа ещё родить здоровую, сильную, интеллектуально мыслящую элиту, которая не побоится отвоевать право на консерватизм? Пока таковую пытаются задавить в зародыше.

— Какие настроения сейчас во французском обществе?

— Консервативное большинство постигло глубокое разочарование, когда было полностью игнорировано их мнение: в Париже против закона, уравнивающего однополые браки с традиционной семьёй, вышло два миллиона человек, это как в Москве бы собралось шесть. И это большинство в ужасе от Франсуа Олланда. У него сейчас такой крошечный рейтинг, какого не отмечали за всю историю наблюдений ни у одного президента даже в самые упадочные годы французской политики. Поэтому Франция, как мне кажется, собирается родить что-то новое.

Но беда любой системы, особенно давно функционирующей, в том, что она окаменело структурирована, везде и на всех ячейки с ярлыками, так что из них выбраться очень трудно. И, к сожалению, язык новых политических лидеров всё равно клишированный. Они обязательно должны перекреститься во всех углах, поклясться в верности всем либеральным идеям, чтобы их не обвинили в том, что они не демократы. Но когда меньшинству позволяется топтать ногами то, что дорого большинству, — это уже не демократия, это антидемократия. Это своего рода олигархия. Ещё 22 века назад Аристотель указал на извращения демократии — охлократию (власть толпы), за спинами которой дела вершит олигархия.

— Кризис на Украине, связанный с отказом от евроинтеграции, снова поставил вопрос о реинтеграции исторической России, о собирании русского мира. Готовы ли мы сейчас к этому вызову?

— Мне кажется, что неразумно сейчас политически акцентировать собирание «русского мира». Это работает только для уже убеждённых сторонников славянского единства, а тон задают в славянских странах другие. Надо иначе, но глубоко работать, преодолевая тот негатив в отношении России, который распространён на Украине целенаправленной пропагандой СМИ и собственными нашими же «обличителями «рашки»! Мы и десятой доли не сделали на Украине того, что один американский фонд, работающий по воспитанию украинцев в духе русофобии. Конечно, мы не можем не быть за-

интересованы в Украине. Было бы противоестественно, если бы нас не волновала страна, народ которой не так давно отпочковался от общерусского древа, который прошёл вместе с нами всю историю, с которым мы считали себя единым историческим потоком, страна, в которой у половины населения есть родственники в России. Не говоря уже о том, что если экономика Украины рухнет, то, как правильно сказал Путин, всё равно придётся вытаскивать её из болота нам же.

Не надо забывать о том, что извечная цель и направление всех стрел давления с Запада на Россию на протяжении нескольких веков — это оттеснение нас на северо-восток Евразии, от региона проливов и Чёрного моря, от того, что и сделало Россию великой державой. А Украина для этого лакомый кусок. Как и Грузия с её ранее абхазским побережьем и батумским портом. Восточный вопрос никуда не делся — как в XVIII–XIX веках. Великобритания, подбивающая Персию продолжать вечную войну с Россией, спонсирующая басмачей из южного подбрюшья России, Турция, как их опора в политике в Закавказье, где теперь независимый Азербайджан…

Недавно я организовывала конференцию в Риме, где выступал и будущий генсек НАТО, бывший министр иностранных дел Италии Франко Фраттини. Красавец, джентльмен, сначала он славословил, как любит нашего посла, какой друг ему Сергей Лавров, какой замечательный Путин и что без России никуда. А потом совершенно дал чётко всем сёстрам по серьгам: Асад должен уйти, только мирно, Грузия будет в НАТО, просто не скоро, в Иране проживает больше азербайджанцев, чем в Азербайджане. Последнее вызвало умиление у азербайджанского посла, закивавшего головой. Я же поняла, что НАТО даже использует заложенную ещё мусаватистами и большевиками мину, когда республику в Баку назвали Азербайджан, создав почву для воздействия на людей, проживающих на территории Ирана в провинции с почти таким же названием (Азарбайджан), говорящих на том же языке, но имеющих совершенно другое этническое происхождение. Другими словами, НАТО с «пониманием» отнесётся к «интересам» Баку в Иране, если Баку встанет на сторону Запада в давлении на Тегеран.

А Азербайджан пользуется полной поддержкой во всех вопросах со стороны Турции — главного инструмента Запада против Ирана… И это было произнесено — пусть в форме намёка. Ничего из исторического груза никуда не исчезло.

Сложность нашего времени в том, что наряду с сугубо современными явлениями, которые толкают к проведению политики в том или ином направлении, действуют и все прежние унаследованные факторы и геополитические устремления. И получается клубок. Говорят о геоэкономике — наложите карту трубопроводов на карту «цветных» революций, и очень многое станет ясно. Или идея окольцовывания Средиземного моря — она занимала всех со времён борьбы Карфагена с Ганнибалом с Древним Римом, ибо стать господином мира, не контролируя Средиземное море, невозможно. И Рим стал империей, только победив Ганнибала и взяв контроль над обоими побережьями. Это пытались сделать арабы, Наполеон, Муссолини…

Поэтому-то так сложна геополитическая картина — в ультрафиолетовых лучах она одна, в инфракрасных другая, а через простую призму — третья. И только всё вместе даёт нам возможность понимания. У России сейчас есть возможности для проведения своей мудрой и многовекторной политики, несмотря на все сложности: далеко не первую в мире экономику, которая топчется на месте, внутренние проблемы…

— Отсутствие согласия в элите по поводу пути развития страны, по поводу того, насколько далеко нужно идти навстречу огромному запросу общества на социальную справедливость…

— Да, народ хочет больше справедливости. Но в последние десять лет он возненавидел чиновничество даже больше, чем в 90-е годы — олигархов, про которых уже даже анекдотов не рассказывают.

— Не олигархи ли сами раздувают и так обоснованное недовольство чиновниками — с целью оказать давление на власть, а то и перехватить ее?

— Олигархи должны понимать, что в наше время для того, чтобы через проливы просто ходили танкеры с нефтью, их должны сопровождать имперские пушки. А для этого нужно сильное государство — иначе нас отовсюду вытеснят. У нас были выгоднейшие

контракты в Ливии, Алжире — и сейчас всё это под вопросом.

Что касается нашей элиты… Я не сторонник возврата к командной экономике… Но рынок регулирует тонкие нюансы, когда уже сложилась функционирующая и самовоспроизводящаяся экономика, структура, а её пока нет, и роль государства огромна. У нас вывозится капитал в чудовищных масштабах, а пошумели о том, чтобы чиновник не имел даже маленького невинного счёта за границей… Кому он мешает? А вот влиятельные частные структуры с огромными активами, вывезенными за рубеж, действительно становятся уязвимыми от внешнего давления, они меньше заинтересованы в успехах своего государства. Нужно с помощью и экономических, и внеэкономических мер сделать так, чтобы наша финансово-экономическая элита была заинтересована в сильном государстве, которое её защитит. Вот США, например, войны готовы вести за своих производителей, Карибский кризис могут устроить за рынок сбыта куриных ножек.

— Но США вполне можно рассматривать и как инструмент в руках транснационального капитала — так что тут вопрос: кто чьи интересы отстаивает. Чубайс предлагал либеральную империю, а Ходорковский тоже за сильное государство — только им оно нужно, чтобы защищать интересы олигархии.

— Мы как обычные граждане заинтересованы в сильном государстве, которое стоит на страже закона, в социальном государстве, которое в роли сильного заботится о слабом. В этом нет ничего коммунистического — это всё есть в евангельских заповедях. Слишком велика социальная цена куршевельского румянца, это и не по-божески, и недемократично. Демократия предполагает равные возможности — это не уравнительность, это равные возможности в любой профессии достичь достойного уровня. У нас же гайдаровская доктрина заложила такую систему экономики, когда целые многомиллионные категории работающих людей программированы влачить жалкое существование. Причём это не те отрасли, которые якобы не нужны государству — о них Гайдар вообще предлагал забыть, а те, без которых государство погибнет, в которых занято до 40 процентов населения. И только в последние годы стали вкладывать в армию, медицину, образование. Когда ситуация уже дошла до предела, эти профессии потеряли престиж, — а когда теряют престиж профессии в институтах самосохранения государства, то это страшная опасность. Сейчас государство начинает корректировать эту ситуацию — приходит на помощь, в беде уже никого не оставляют, — но сама экономическая структура остаётся неизменной. И без концептуальной смены ориентиров, без структурных изменений, а значит, и без вмешательства государства в экономику здесь не обойтись. Иначе мы будем вечно догонять кого-то и спасать утопающих.

Я, например, целиком и полностью с теми, кто в ужасе от провозглашённой реформы Академии наук. Слава богу, её вроде бы заморозили. Быть великой научной державой — это очень большое достижение. Если это утратить, то уже не удастся восстановить. Германия была до Второй мировой войны великой научной державой — сейчас ФРГ обогнала фашистскую Германию во всём, доказав, что можно без захвата чужих территорий добиться высочайшего благосостояния своих граждан и высот промышленного развития. Только одно она не восстановила — великую науку, которая не может продолжать себя без преемственности и непрерывности. Там есть конкретные замечательные прикладные научные исследования, но полный цикл научных исследований теперь есть только в США и у нас, ну и Китай в последнее время строит это. У нас очень много порушено в стране, но если мы сейчас уничтожим науку, вот тогда нам конец. Материальное всё восстановимо, всё наживное — после 300 лет монгольского ига, когда половина результатов труда выплачивалась в виде дани, Россия в короткий срок превратилась в огромную империю.

— В этом году межнациональное напряжение накалялось, прорываясь то тут, то там, в том числе и в Москве.

— Когда мы говорим об унижении русского народа, о том, что теснят пришлые люди, то нужно понимать все причины этого сложного явления. Здесь наследие и советского принижения русского народа на фоне усиленного вкладывания в национальные республики, здесь и следствие постсоветской идеологии и экономики. Масштабная деиндустриализация, разрушение промышленности в России привели в упадок малые города, и именно там положение хуже всего. Профессии и сферы, где реализовывал себя средний русский человек — местный врач и учитель, инженер и квалифицированный ра-

Не надо бояться слова «русские» — нашей кровью полита вся эта земля. Выживет русский народ, сохранит своё достоинство, веру в своё будущее, свою самодостаточность и самоценность в мировой истории — расцветут в нашем государстве все народы, которые связали с ним свою судьбу и сохраняют верность общему пути.

бочий, эти сферы не финансировались и были обречены на упадок самим типом экономики 90-х годов. Царствует оборотный капитал, торговля, бывшие специалисты потеряли достаточно престижную работу. А в торговле продвигаются представители другой культуры, да ещё со своей традицией решать все профессиональные, семейные и социальные проблемы через кланово-родовые связи. Они и стали конкурентоспособны в непроизводительной экономике. А при здоровой экономике на производстве могут работать только квалифицированные люди. И безграмотный пришелец, посредник в торговле не окажется выше на социальной лестнице и по доходам, чем местный коренной инженер.

Не только ради экономики, но и ради оздоровления социально-демографической ситуации нам нужна мощная индустриализация! Востребование и восстановление престижа профессии и зарплаты «русского среднего инженера» само по себе будет способствовать восстановлению равновесия в межнациональных отношениях. Так можно существенно, без всякого акцента на межнациональных отношениях выровнять абсурдную диспропорцию, когда безграмотный торговец зеленью богаче профессора местного пединститута и поэтому ведёт себя соответственно, куражится, пренебрегает обычаями.

Я не против слова «российский» — это означает гражданское состояние. Мы все граждане России, всех национальностей. Но культуру как порождение духа рождает только национальное — сочетание языка, этнических привычек, сказок и исторических переживаний, того, как мы ведём себя на свадьбах и похоронах, вплоть до кулинарии. Скинхеды не имеют никакого будущего, потому что они знают лишь «против кого», но не знают «за что». И такая деградация национального чувства до зоологического «свой — чужой» свидетельствует вовсе не о гипертрофированном превозношении в стране национального, а, наоборот, о последствиях его постоянного ущемления. Крах СССР либералы злорадно объявляли закономерным итогом имперства варварского русского народа, Россию — неудачницей мировой истории. Любить своё Отечество среди образованного сословия совсем немодно. Произошла маргинализация национального сознания, цивилизованному человеку не очень прилично говорить об этом, как считает наша вечно ненавидящая и презирающая «псевдоинтеллигенция». Но если тело пинать ногами, то оно издает очень некрасивые звуки.

Национальный дух, любовь к своему наследию, освящённые высшими ценностями, — это побуждение к историческому творчеству. А если нет освящения высокими порывами, то национальное чувство, которое имманентно присуще человеку, деградирует до зоологического, этнического. Это в принципе совершенно не свойственно русскому человеку, иначе мы бы не построили такое государство. Мне жалко людей и типа Новодворской, и типа скинхедов, это две стороны одной медали… Так что не надо запрещать нам называть себя русскими: любовь к своему — это не ненависть к иному. Только тот, кто любит и ценит своё наследие, способен с уважением относиться к таким же чувствам других. Плохой русский станет плохим россиянином — у него Родина будет там, где ниже налоги. Мы с нашей огромной историей расширения нашего государства, втягивания в орбиту сотни народов заслужили право на более сложное, многоипостасное сосуществование русского и российского неслиянно, но и нераздельно! Надо чаще говорить об этом — чем больше элита и власть остерегается, даже явно сочувствуя, говорить об этом спокойно и респектабельно, тем больше мы эту тему отдаём на откуп тем, кто начнёт мерить носы, не будучи никаким носителем национальной культуры и ценностей. В Европе всё это отдано маргиналам — и их называют «националистами». Хотя какой, к примеру, националист убитый Пим Фортайн, лидер голландских ксенофобов, которых либералы почему-то зовут «правыми»? Какую ценность многовековой голландской культуры он выражал — троцкист и педераст? Чисто зоологическое, «свой — чужой», и это тупик. Великие националисты прошлого создали современные европейские нации и совсем не были враждебны другим нациям.

— Подобные силы, псевдонационалисты с либеральной подкладкой, будут набирать популярность больше, чем традиционалисты, консервативные националисты?

— Европой правит постмодернистская, почти троцкистская, леволибертарианская элита. Раньше отдел пропаганды ЦК проповедовал марксистско-ленинскую утопию: дать всем равный кусок хлеба, тогда нации сольются и растворятся. Приблизительно такое же мышление сейчас в отделе пропаганды Брюсселя: надо дать всем одинаковую демократию и права человека, и все станут одинаково представлять себе смысл жизни. В обоих универсалистских проектах полностью отсутствует учёт совершенно разных религиозно-философских картин мира у разных народов и цивилизаций.

Специфика нашего времени в том, что в сегодняшних государствах и обществах сосуществуют целые общины разных цивилизаций. Уже нет в Европе государств с единой религиозно-философской картиной мира, кстати, в них-то в прежние времена пришлые меньшинства всегда вели себя очень уважительно — они либо формировали замкнутую общину, либо интегрировались. А сейчас не во что интегрироваться, ибо Европа как носитель христианской картины мира сдаётся постмодернистам. Проповедь ценностного нигилизма, стирание грани добра и зла, красоты и уродства, греха и добродетели, но при этом кнопки стиральных машин, кабаллистические строчки Интернета. В такой сугубо технократической цивилизации, но без культуры как порождения духа, не надо интегрироваться, можно с успехом воспроизвести кусок собственной цивилизации, что и делают все пришельцы в европейских странах.

Правящая элита затыкает любой респектабельный голос, немедленно накидывая ярлык экстремиста — если он чуть-чуть ближе к центру, чем она, по сути левоэкстремистская. Нам не надо идти по этому пути — у нас огромный опыт, неведомый Европе. Не надо бояться слова «русские» — нашей кровью полита вся эта земля. Выживет русский народ, сохранит своё достоинство, веру в своё будущее, свою самодостаточность и самоценность в мировой истории — расцветут в нашем государстве все народы, которые связали с ним свою судьбу и сохраняют верность общему пути.

Впервые опубликовано в интернет-газете «Взгляд» 16.01.2014. Печатается с сокращениями

Николай РУБЦОВ

* * *

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи…
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

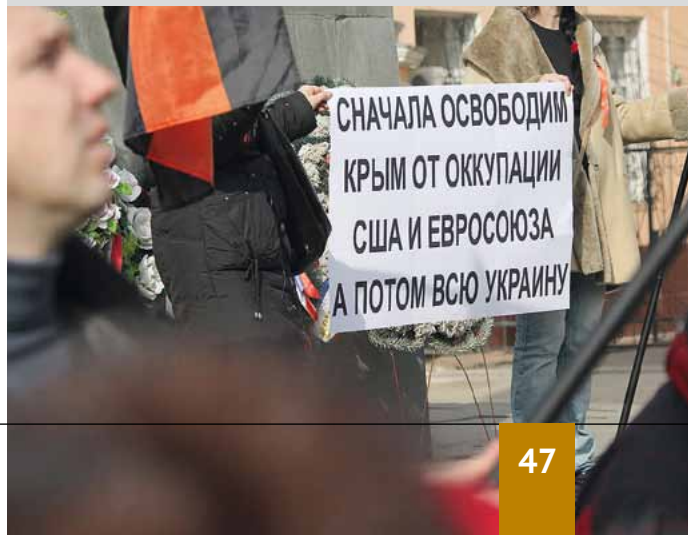
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил…
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964



/ Николай СТАРИКОВ /

Это Россия, детка!

Самое страшное для политика — это равнодушие. Когда никто не интересуется делами, когда фигура никому не интересна. В этом смысле Президенту России Владимиру Путину беспокоиться не нужно. Он вызывает уважение у основной массы российских избирателей и жгучее неприятие у несистемной оппозиции, которая «ходит» в посольство США за инструкциями.

1.

В 1992 году вышла в свет книга американского философа и политолога (и по «случайному совпадению» сотрудника Госдепа США) Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек», в которой автор утверждал, что победа в мире либеральной демократии западного образца является конечной точкой социокультурной эволюции человечества. Что означает, по его мнению, и формирование окончательной формы правительства. Фукуяма утверждал, что само по себе распространение подобной формы правления не означает конец историческим событиям, но только лишь знаменует собой прекращение эпохи идеологических противостояний, революций и глобальных войн. А вместе с этим конец искусства и философии.

Этот труд получил широчайший резонанс в западной печати и в научной среде. Грохот от «падения» Советского Союза вызвал острую потребность осмысления новой реальности, которая, тогда, в 1992 году, только-только начинала вырисовываться контурно на фоне оседающего пепла, оставшегося от разрушенного второго в мире центра силы, каковым являлся СССР. Вполне оправданно, что неожиданность для самих США подобной геополитической ситуации, когда они остались один на один со всей планетой, без привычного им сдерживающего противостояния с равным по силе партнёром, вызвала не у них некое «головокружение от успехов» (каковым теперь уже можно назвать этот труд Фукуямы). Тогдашний оглушительный успех этой книги (которую сегодня уже цитировать никто на Западе не любит), кажущаяся её парадоксальность, её востребованность самыми разными слоями западного общества есть не что иное, как «оговорка по Фрейду». Когда кто-то, человек, страна или цивилизация, вслух заявляют о себе и осмысливают самих себя как совершенный итог развития всего человечества, то, как говорится, жди беды.

Ведь что означает ощущение себя идеалом, выше которого больше никому прыгнуть не удастся? *Это означает право судить других, принимать за них решение и принуждать к нему через убеждение или через силу.* В самом деле, было бы странно позволять другому человеку или другой стране на равных участвовать в выработке, принятии и реализации решений, касающихся двух сторон, если противоположная сторона менее развита, цивилизована и дееспособна. Тот, кто менее дееспособен (а как иначе назвать человека, страну или цивилизацию, которые ещё не достигли не-

Владимир ВЫСОЦКИЙ

КУПОЛА РОССИЙСКИЕ

Михаилу Шемякину

Как засмотрится мне нынче, как задышится?!
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют — да всё из сказок.

Птица Сирин мне радостно скалится —
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив — тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черёд —
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, —
Медный колокол, медный колокол —
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страною —
Перед солоно — да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моём встаёт —
То мне птица Гамаюн
Надежду подаёт!

Душу, сбитую утратами да тратами,
Душу, стёртую перекатами, —
Если до крови лоскут истончал, —
Залатаю золотыми я заплатами —
Чтобы чаще Господь замечал!

1975

коего обязательного уровня развития), не может на равных нести ответственность именно в силу своей меньшей или недостаточной дееспособности. Жизнь подтверждает это правило многократно. Мы принимаем решение за своих детей, учитывая, насколько это нам кажется возможным, их мнение, до самого их совершеннолетия. То есть до того момента, пока они не станут настолько же дееспособны, как и мы сами. Большие и мощные страны всегда принимают решение исходя из собственных интересов в первую очередь и лишь во вторую исходя из интересов более слабых и малых соседей. *Равноправие — это и равносильность, и равноответственность, и равнопризнаваемость. Всё иное без этих трёх опор не имеет права называться равноправием*. Иногда бывает, что равноправие возможно без равносильности, если более сильная сторона, исходя из своих нравственных и цивилизационных установок, допускает в отношениях как равноответственность, так и равнопризнаваемость. Роль силы в этом случае играет внутренняя установка на самоограничение силы со стороны более сильного, но в то же время и развитого нравственно. *Но если вы себя, любимого, признаёте за эталон, за высшую точку развития, то вы априори не способны дать своему партнёру равноправие, если этот партнёр не будет вам равносильным (или если это не будет вам тактически выгодно для чего-то на каком-то этапе)*.

Нужно, впрочем, отметить, что любая цивилизация в истории человечества всегда ощущала себя лучшей по отношению к другой, с кем контактировала. Иначе бы людям и народам, её составляющим, не было бы смысла и стимула её создавать, проще бы было влиться в другую. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что и западная цивилизация (как и любая другая, в том числе и Русская цивилизация) считает себя лучшей по отношению к другим. Но нужно отметить следующий, очень, на мой взгляд, важный момент: быть «лучше» по самоощущению — не означает реально быть венцом творения, эталоном и «концом истории». Например, Русская цивилизация, ощущая себя наиболее многогранно развитой, во-первых, не ощущает себя конечной точкой развития для всего человечества, а во-вторых, таковой она не ощущает себя даже для самой себя. Оставляя бесконечный период для собственного саморазвития и самосовершенствования. Это то, чего никогда не было у западной цивилизации. Внутри себя её апологеты всегда ощущали себя центром Вселенной и примером для всех рас и народов. Даже ещё в совсем недавние по историческим меркам времена, когда отрицали личную гигиену, ели руками и выбрасывали собственные помои рядом с домом из окна.

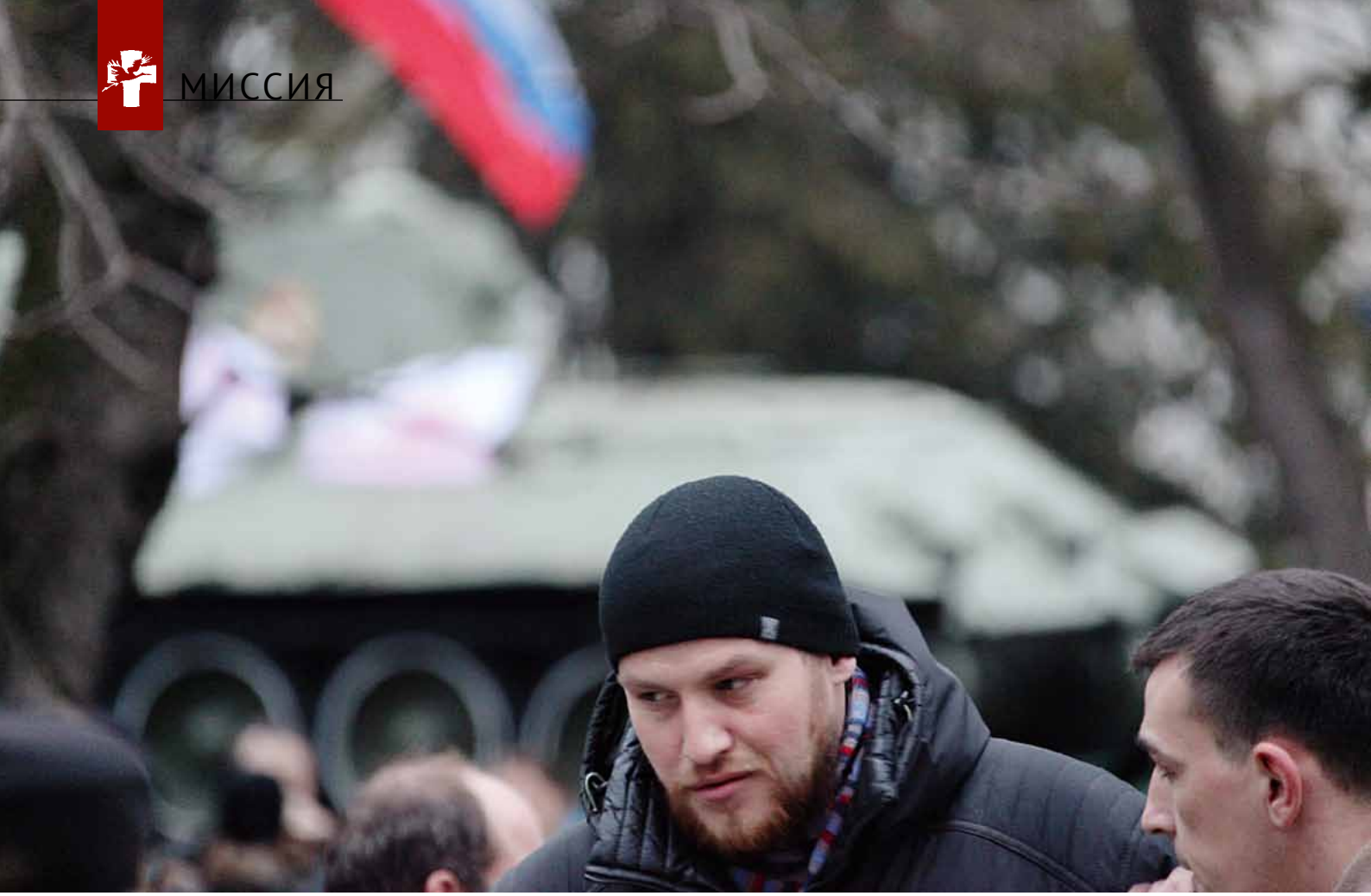
Вообще, опыт самой европейской истории нас учит, что, как только какая-то из стран или цивилизаций начинала философски, а вслед за этим и политологически и геополитически осмыслять себя как «венец истории», как единственно возможное из всех существующих состояний для «настоящего человека», так тут же (с точки зрения исторического процесса, а не человеческой жизни) приходили большая кровь, хаос и разруха. Древний Рим в древнем мире. Святая инквизиция в Средние века. Третий рейх в новейшей истории. Вот самые очевидные примеры политической реализации философской парадигмы «конца истории» и победы Цивилизации Рима, власти Святого Престола или «арийского духа и крови». Далее тот, кто называл себя венцом развития человеческой цивилизации, был вынужден бороться с теми, кто не принимал навязываемый им чуждый цивилизационный выбор. Когда именно он начнёт бороться с варварами, с еретиками или «недочеловеками» — это вопрос времени, но никак не вопрос выбора. С этой точки зрения сегодняшняя борьба Запада с «тоталитарными, недостаточно демократичными или просто нелиберальными режимами», создание новой «оси зла» — это абсолютно привычный «европейский выбор». Можно сказать, что как только в 1991 году был развален Советский Союз, то Запад тут же вернулся в своё «привычное» состояние собственной исключительности. На этот раз его исключительность была выражена в либерально-демократической парадигме, которая на первый взгляд «человеко- и миролюбива». Но пусть никого не обманывает очередная «смена наряда». Так уж устроена философская и политологическая общественная мысль западного общества, что как только пропадает равносильность с ними (или выгодность для них как временная замена равносильности), то никакой равноответственности и равнопризнаваемости никому и никогда, и нам в том числе, от них добиваться не удавалось. Это не плохо и не хорошо. Это проверенная веками данность. Это необходимо учитывать при выстраивании с Западом собственных отношений. В некотором роде, лично мне, это представляется где-то даже больше хорошо, чем плохо. Хорошо своей многотысячелетней предсказуемостью. В целом западные страны и западная цивилизация могут быть приятными и полезными партнёрами. При одном условии: когда у вас есть большая дубинка или мощная армия. Если вы, не расслабляясь на внешний лоск,

трудитесь над тем, чтобы сохранить равносильность с ними, то после этого вы можете получать от общения с западными «партнёрами» ту выгоду и те результаты, которые вам нужны.

Вот с такими исходными данными в 1992 году Россия, как самая большая, богатая и потенциально сильная часть СССР, осталась один на один со странами Запада. Лишённая меры равносильности с ними, она тут же столкнулась и с отсутствием равнопризнаваемости и равноответственности. Ничего удивительного в этом не было, хотя в самом начале у большинства граждан тогда и у значительной части ещё и сейчас существовало и существует заблуждение о том, что «Западу от нас ничего не надо», или о том, что «Запад нам поможет». Но геополитика диктует свои законы. И они никак не соотносятся с мечтами и заблуждениями западноориентированных сограждан. Надо Западу от нас очень много. И ещё как надо. И уж точно последним в этом мире, кто нам на самом деле поможет в трудную минуту, будет именно Запад.

2.

Если не останавливаться на долгой истории становления капитализма в Западной Европе и на его генезисе, а сразу озвучить вывод из этой истории, то тогда можно констатировать, что к началу XX века промышленный капитал уступил пальму первенства капиталу финансовому. Вопрос о том, насколько это было обусловлено объективными факторами, а насколько субъективными, мы сейчас оставим за скобками. Нас интересует Россия после СССР, которая столкнулась с Западом. Наши западные «партнёры» хоть, в отличие от СССР, и «добежали до финиша» в этой «мирной гонке разных социальных систем», но сделали это из последних сил. Выражаясь медицинским языком, состояние Западного мира было «стабильно тяжёлым». Достаточно сказать, что Соединённые Штаты Америки имели на момент начала перестройки в СССР (что, по сути, было началом управляемого сноса Горбачёвым советской государственности)



процент инфляции, выраженной в двузначных числах, и количество безработных лишь чуть ниже, чем во времена Великой депрессии. Снова, как и в XV веке, на момент начала эпохи «великих географических открытий», необходимо было кого-то ограбить, чтобы опять зажить припеваючи. Но Запад не был бы Западом, если бы он просто грабил. Ему практически всегда необходимо красивое объяснение, «сказка о грабеже». Это обязательная часть «европейской ментальности», часть «европейского самосознания». Европеец не может просто прийти, убить и ограбить. Он привык, убивая и грабя, «исполнять миссию». Приятным дополнением к которой и является «военная (награбленная) добыча». Европеец нёс «католическое слово Христа» с огнём и мечом в разные времена — от Мехико до Манилы и Псковщины. Чуть позже он нёс просто абстрактную «цивилизацию». Ещё чуть позже — боролся у нас с «тюрьмой народов», а потом уже руками национал-социалистов — с «иудобольшевиками». Потом «бился с тоталитаризмом». Сейчас вновь пытается «бороться с авторитарным режимом за честные выборы». Вообще, «бремя белого человека» для европейца — что для нас, для русских, любимая женщина в наших руках: своя ноша не тянет. И всегда это «бремя» имело существенную компенсацию в виде имущества награбленного у «цивилизуемых и спасаемых». Повторяемость европейского метода выживания «путём грабежа» поражает. Этапы одни и те же.

Этап первый: выбор цели. Цель должна соответствовать нескольким критериям. Она обязана обладать тем, что жизненно необходимо Западу. Условно говоря, это может быть золото, как в Средние века, или же нефть и газ сегодня. Это человеческие ресурсы, плодородная почва, весь спектр продуктов первичной добычи и переработки ресурсов, от льна и пеньки раньше, до сырой нефти и леса-кругляка сегодня. Выбирая цель, Запад исповедует один принцип: «то, что нужно мне, уже моё». *Россия, после СССР потерявшая равносильность, а вслед за ней и равноответственность и равнопризнаваемость, имела дело с Западом, который видел в ней свою очередную, интересную ему цель.*

Этап второй: целенаправленное проведение политики «хаоса». Хаос на интересующей Запад территории необходим ему с единственной целью: довести «цивилизуемое» общество, а вместе с ним и институты его государственности до состояния шока. Это единственное состояние, в котором «цивилизуемый объект» может быть максимально управляемым. В другом состоянии он не будет готов действовать против собственных интересов в пользу интересов «цивилизующего». Только шок, как результат хаоса, может принудить негров работать за еду

на плантациях. Индейцев отдавать золото, маис, табак и пряности за право жить. Индусов существовать в нищете и междоусобицах ради доходов Ост-Индской компании. А русских крушить собственную основу и базу в виде государственности и промышленности в обмен на очередной транш кредита от МВФ и очередную похвалу за «успешное движение в сторону демократии».

Этап третий: политика на поддержание выгодного Западу статус-кво. Это действия колониальных властей на подавление ростков любого национально-патриотического самосознания, единственно могущего бросить вызов со стороны «цивилизуемых» «цивилизаторам». Особо стоит отметить, что Запад всегда, и особенно на втором и третьем этапе, во многом опирается на силы внутренней элиты «цивилизуемого народа» путём её прямого подкупа и включения её в систему «насаждаемого цивилизаторства». С этой точки зрения Россия после СССР в 90-е годы ничем не отличалась от любой «цивилизуемой» территории, на которую обращал своё внимание Запад. Ни по уровню урона национальному богатству в его пользу, ни по уровню прямых и косвенных человеческих потерь, которые всегда измеряются миллионами жизней. Даже по форме подкупа, коррумпированности и включённости в систему западных ценностей представителей местной «туземной элиты» ничего нового в XX веке предложено не было. Нищета и смерть приходили одинаково и к американским индейцам, и к индусам, и в русские города. И точно так же одинаково включённые в поддержание такого порядка вещей, участвующие в ограблении и умерщвлении собственных народов в пользу «цивилизаторов» представители индейских вождей, индийских махарадж и российского олигархата и продажного чиновничества были подкупаемы, учили своих детей на Западе, там же хранили свои награбленные у собственного народа накопления. Политика хаоса и шока позволяла Западу добиваться поразительных результатов во все времена. Конкистадоры в Средние века, огнём и мечом уничтожившие великие цивилизации Америки, с этой точки зрения ничем не отличаются от «чикагских мальчиков» или еврокомиссаров сегодняшнего дня.

3.

Чтобы понять иррациональность случившегося с нами в нулевые при Путине, мы можем представить себе Ацтекскую империю времён начала покорения Америки. Испанцы, шок, элита, продавшаяся конкистадорам, и идущий полным ходом демонтаж ацтекского государства. И тут всё меняется. Это как если бы Монтесума перед смертью передал бы бразды правления своему преемнику, который перекупил бы элиту у испанцев. На том основании, что «плачу столько же, но я и мой палач ближе, чем испанцы». Бессовестный грабёж поменял бы на выгодную торговлю, в результате которой поднял бы уровень жизни ацтеков существенно выше, чем во времена Монтесумы. Затем бы, к примеру, в августе 1508 года, разбил вооружённое испанцами и обученное по испанским стандартам войско соседнего племени. Стал бы собирать разрозненные испанцами племена индейцев вокруг себя и начал программу перевооружения ацтекской армии. Приняв программу, в ходе которой к 1518 году ацтекская армия поднялась бы до уровня, при котором испанцы не смогли бы больше вооружённым путём поставить ацтеков на колени.

Запад не был бы Западом, если бы он просто грабил. Ему практически всегда необходимо красивое объяснение, «сказка о грабеже».

Такой сценарий сейчас воспринимался бы нами как историческая фантастика. Но при всей натянутой условности подобного примера мы не можем не отметить, что нечто подобное случилось в России на рубеже 90-х и нулевых годов. Россия в 90-е уже была крепко опутана «цивилизаторами». Реальный Монтесума встретил испанцев словами: «Мы вас ждали, это ваш дом». Примерно так же, если не словами, то делами, встречал «цивилизаторов» наш отечественный «Монтесума» Б.Н. Ельцин. Но только у реального Монтесумы не было преемника, а у Бориса Николаевича он появился. В итоге история России совершила маленькими шажками за 15 лет такой же крутой разворот, как и в описанном мной гипотетическом примере в жанре исторической фантастики из гипотетической истории империи ацтеков. В свете чего вновь, как и 15 лет назад, в полный рост актуальным остаётся вопрос, на который многие до сих пор ищут свой ответ: «Ху из мистер Путин?»

Искать же его, на мой взгляд, будет ошибочно в идеологических, экономических или же политологических величинах. Когда мы оперируем ими, то уподобляемся французам из «Войны и мира» Льва Толстого. Он описывал Отечественную войну 1812 года следующей аллегорией: француз, в правильной позиции эффективно фехтуя против русского противника, дошёл до Москвы. И был немало удивлён, когда русский, откинув шпагу, взял в руки дубину и начал молотить ею по французскому темечку до тех пор, пока не выгнал его за пределы

собственной страны. Толстой этим примером имел в виду ситуацию, когда русскими были нарушены, как считали французы, существовавшие тогда «правила войны». Все эти диспозиции, генеральные сражения, фланговые атаки и прочие «хрусты французской булки в белых перчатках». Когда основной опасностью для французской армии стал рассерженный русский мужик с оглоблей, не обученный куртуазным манерам «рыцарской войны», а просто молча уничтожавший любого француза с ружьём без всякой там галантности.

Когда мы пытаемся дать ответ на вопрос: «Ху из мистер Путин?» и применяем собственные идеологические, экономические или политологические воззрения, то мы, подобно гипотетическому толстовскому французу, принимаем «правильную» позицию фехтовальщика и готовы в ней «расфехтовать» любого противника. Проблема же заключается в том, что наши сегодняшние противники из западной цивилизации в этой «правильной фехтовальной позиции» не стоят. Им всё равно, насколько мы умелы в своих воззрениях. *У них нет «шпаги и правил», а есть лишь «дубина глобализма» и «оглобля собственной исключительности»*. И молотят они этой дубиной вперемешку с оглоблей по темечку всего мира с завидным и регулярным постоянством. Непонимание этого приводит к постоянному разрыву собственного идеологического, экономического и политологического шаблонов с реальностью, в которой «мистер Путин» вынужден отбросить «куртуазные манеры». Которые велят такому-то политическому деятелю, с такими-то политическими взглядами, в таком-то вопросе вести себя так, а в таком-то эдак. И, отбросив их, он вынужден против «дубины глобализма» и «оглобли собственной исключительности» взять в руки «булаву государственного суверенитета» и где-то молотить «цивилизаторов» по темечку, а где-то убегать и сидеть тихо в кустах, в засаде, переводя дух. **Так как нет доблести в смерти, если она не приближает Победу.** С этой точки зрения «мистер Путин» — это «человек-функция». Компьютерная антивирусная программа, если хотите. Чистильщик за карьеристами, конъюнктурщиками и троцкистами, союз которых с «цивилизаторами» и позволил обвалить СССР с началом перестройки. А в чём состоит его «функция», каковы её параметры и в чём опасность ситуации, если сегодняшняя функция не получит продолжения и развития завтра, я расскажу в следующей части.

4.

Фридмановская школа неолиберализма учит, как лучше и правильнее «отодвинуть» государство от исполнения собственных функций. Снижение налогов, полная свобода торговли, приватизация не только самых лакомых кусков госсобственности, но и части государственных функций (образование, медицина, пенсионное обеспечение, поддержание правопорядка и так далее). Общее снижение расходов на социальную сферу, ослабление в целом государственного контроля. Зачем им это надо, спросите вы? А всё для финансового благополучия корпораций. Для трансформации власти денег во власть политическую. В идеале в будущем — люди и народы вообще без государств и без законов, а лишь движимые одной лишь экономической (финансовой) целесообразностью. Мир, в котором существовали государства, опирающиеся на собственных граждан, в том числе и на тех, кто занимался бизнесом, безвозвратно, как казалось многим, ушёл с распадом Советского Союза. На смену ему пришёл мир, в котором корпорации опираются на государства для решения сугубо своих корпоративных целей. А собственные граждане в нём уже превращаются во врагов, если они не соответствуют цели корпорации, выраженной в улучшении финансовой отчётности. Не верите? Вот вам цитата Милтона Фридмана, связанная с проблемой частных и государственных школ в Новом Орлеане после урагана Катрина: **«Защищать нашу свободу как от внешних врагов, так и от наших** граждан: оберегать законность и порядок, способствовать заключению частных контрактов и развитию соревнований на рынке». И это сказано не о гражданах России, Ирака, Югославии или Ливии. Это сказано об американских избирателях: «как от внешних врагов, так и от *наших* граждан». На сегодняшний день ТНК, существующим по правилам глобализма в рамках теории «неолиберализма», от всех государств мира нужны лишь их армии и полиция, чтобы эффективно защищать корпоративный бизнес. Как итог такой мудрой «неолиберальной» политики в том же самом Новом Орлеане, о котором так откровенно высказался Фридман, до урагана Катрины было 123 государственные школы и 7 частных. После «восстановления» города — 4 государственных и 31 частная школа (данные на 2006 год).

Эти теории мы сполна испробовали на себе в России в 90-х годах. Этап первый: создание хаоса (1985–1991). Этап второй: доведение общества до состояния шока, в котором разрываются все привычные общественные связи, рушится привычная социальная среда, демонтируются работоспособные государственные институты власти (1991–1993). Этап третий: когда состояние хаоса доходит до своей кульминации, когда граждане

не думают ни о чём, кроме собственного физиологического выживания, а государство полностью деморализовано. В это время происходит резкое усиление репрессивной составляющей государства (расстрел Белого дома танками), необходимое для принудительного проведения радикальных реформ. Целью которых является перераспределение бывшей государственной собственности и привлекательных для корпоративного бизнеса функций государства (1993–1999). С точки зрения «неолибералов», Россия была вполне себе уже «корпоративным» государством в 1999 году, когда Путин встал у руля страны. Дело оставалось за малым: передать в руки транснациональных компаний всё, что было «напривatизировано» за предыдущий период. Вопрос собственности чрезвычайно важен. «Ходорковские» и «невзлины», сделав своё дело и поработав «зицпредседателями» на самом опасном промежутке времени, совершив всю грязную и черновую работу, должны были передать (продать) приватизированные активы в руки организаторов хаоса. То есть крупным международным монополиям. Укрупнение того же ЮКОСа до размеров крупнейшей нефтедобывающей корпорации в мире и подготовка его к продаже играло в этом процессе роль «стартового пистолета». И вот тут у организаторов, у политических и финансовых спонсоров «неолиберальной» революции в России — СССР, после семёрки и валета, выпал не ожидаемый ими туз, а та самая роковая русская «пиковая дама». Появление Путина на вершинах власти не могло произойти само по себе как результат случайного стечения обстоятельств. Вопросы собственности и власти требуют трепетного и вдумчивого отношения. Принимать решения «на авось» тут не принято. Подобная расслабленная «куртуазность» в вопросах собственности и власти, надежда на случайность или на то, что «само собой как-нибудь», обычно приводят к феерическим поражениям и потере всего приобретённого. Наши геополитические партнёры «властным романтизмом» никогда не страдали, демонстрируя из века в век самый что ни на есть циничный прагматизм. Иное поведение — это смерть политическая, за которой, в большинстве случаев, следует и смерть физическая. Времена, когда они ещё могли себе позволить «романтику в политике», закончились на мифическом короле Артуре или в крайнем случае на Ричарде Львиное Сердце.

Так как же так вышло, что после стольких удач у них вместо туза выпала дама? Как так вышло, что страна, лишённая политической власти, с украденной (приватизированной) собственностью, не имея ни армии, ни организованного и спаянного единой целью населения, смогла вернуться на мировую арену. Смогла сохраниться, смогла снова получить свой, пусть ещё не такой, как раньше, но уже весомый голос, при этом вернув себе многие из утерянных государственных функций, подняв при этом уровень жизни своих граждан и новую, пусть ещё и робкую, но уверенность в завтрашнем дне? Если бы кто-нибудь «из них» когда-нибудь задал бы мне этот вопрос, то я бы, приобняв за плечо вопрошающего Буша, Тэтчер, Фридмана,

Ротшильда, Рокфеллера, Клинтона (и жену его), а также всех прочих «саркози», ответил бы, глядя прямо в глаза, понятной им из их же фильмов фразой: **«Это Россия, детка!»** И ничуть не шутил бы. Россия — это отдельная цивилизация, живущая по собственным законам развития. Это первое. И второе: Россия — это единственная мировая цивилизация, КОТОРАЯ НИКОГДА НИКЕМ НЕ БЫЛА ПОКОРЕНА ДО КОНЦА. Вот именно поэтому именно в России и случилась, как сказал бы Б.Н. Ельцин, такая вот «загогулина».

Мы часто и не задумываясь о том, почему это именно так, говорим, что у нас есть уникальная способность переваривать в себе другие культуры и, принимая что-то со стороны в лоно собственной цивилизации, трасформировать это таким образом, что получаемое на выходе уже мало походит на то, что внедрялось нам извне. Подобный «цивилизационный иммунитет» смог сохраниться у нас именно благодаря тому, что российская государственность существует без перерыва более тысячи лет. Потому что наша государственность, возникшая на стыке Запада и Востока, вобравшая в себя элементы и того, и другого, объединяющая в себе как западные, так и восточные народы и субкультуры, смогла выработать особую цивилизационную особенность, свою собственную систему «хорошо — плохо». Свои особенные методы выживания, синтезирующие в себе восточный коллективизм с западным индивидуализмом. России **удалось в себе соединить несоединимое: общество, существующее как спаянный общей целью коллектив индивидуалистов**. Отсюда, кстати, и наша слабость: не имея общей цели-идеи, мы распадаемся на индивидуалистов «без царя в голове». Но отсюда и наша сила: оставаясь индивидуалистами, осознавая своё предназначение действовать с индивидуальной, «частной» инициативой, однако будучи объединёнными общей целью, бессознательно «выдавать на гора» кумулятивный эффект собственных побед. Это вам не западный «строй рыцарей», где каждый сам за себя. И не восточная орда, где каждый лишь винтик и действует по правилам роя. «Это Россия, детка!» Тут бессознательная цель, ощущаемая большинством,

заставляет каждого, не задумываясь даже, делать то, что дóлжно. Индивидуально и самостоятельно, без особого приказа. И сумма этих дел и мыслей заставляет индивидуумов напрягать свои силы ради коллективной цели. Потому что так надо и так правильно. Потому что мы так чувствуем. Пусть даже и не можем иногда толком объяснить, почему правильно это, а не то.

На практике это означает, что наши геополитические «партнёры» точно знают цивилизационные коды и систему ценностей собственных народов и народов, которые они покоряли. Маркетинговые и рекламные технологии, первоначально придуманные для продвижения товара, применяемые сегодня с целью политических манипуляций для продвижения отдельных политиков или идей, на нашей российской почве дают периодические сбои, приводящие «партнёров» к провалам. Столетия борьбы с нами дали им «знание» о нашей «военной тайне»: о необходимости в рамках нашей цивилизации общей цели-идеи, которая только и может спаять наше общество в единое целое и сделать его непобедимо устойчивым. Это знание позволило им «поймать» нас дважды в течение XX века, в 1917 и 1991 годах, в момент, когда с общей целью-идеей ощущался острый дефицит. Но вот что уже делать дальше, с, казалось бы, уже покорённым народом, этим знанием они не обладают. Отсюда и их поражения после побед: СССР на месте разрушенной Империи и новая Россия, расправляющая плечи после краха СССР. Это их проблема. Мы другие. И активность наших партнёров связана не только со «шкурным интересом», не только с тем, что мы богаты природными ресурсами. В немалой степени их многовековая и маниакальная потребность прийти к нам то с мечом, то с разговорами связана с тем, что мы не укладываемся в их голове. Сам факт нашего успешного существования — это вызов всей западной парадигме развития. Мы исповедуем другую религию, мы исповедуем другие, отличные от них ценности, и мы богаты. Для обычной европейской политической мысли этого достаточно для того, чтобы признать нас туземцами, опасными и подлежащими к разграблению и покорению. Но что особо их раздражает, так это то, что мы в массе своей выглядим, как они. То есть мы… белые. Если бы мы — народы России, объединённые общей Русской цивилизацией, — были бы другими, отличными от них, как негры, китайцы или ацтеки, с другой внешностью и культурой, то борьба с нами была бы «просто бизнес и ничего личного». Но мы бросаем вызов ИХ культуре и ИХ цивилизации, являя иной, отличный от них путь развития. И бессознательно это вызывает страх и недоверие. *А в политике это приводит к тому, что за последние десять веков больше всего войн и нашествий мы отразили именно от них, от «цивилизованных» европейцев. Последние же 300 лет почти сплошь все войны — это войны с Европой!* И даже редкие вкрапления сюда, на общем фоне, русско-турецких войн или с Персией-Японией, хоть это и войны на Востоке, но на деньги и при прямой поддержке стран Запада!

Но вернёмся к России в самое начало правления Путина. В 1999 году про нашу страну можно было сказать: «клиент созрел». Вся собственность от государства перешла в руки «зицпредседателей». Армии нет как таковой. К началу 2-й кампании в Чечне боеспособных частей было, набранных «с миру по нитке», около 30 000 человек. Государства нет — кризис 1998 года сделал систему государственных обязательств полностью отсутствующей институцией. Народ был занят собственным выживанием. Идеи нет. Желание отделиться от России, по примеру республик СССР, набирало обороты и принимало законченные формы в национальных республиках. ИХ план был прост и апробирован многократно. Удар извне. Перекрытие маршрутов транспортировки нефти и газа на Запад, вмешательство стран НАТО под предлогом обеспечения бесперебойности поступления энергоресурсов в Европу плюс угроза неконтролируемого распространения ядерного оружия (вспомните о трёх боеспособных дивизиях, занятых к тому же войной на Кавказе) — всё это был прекрасный повод «в связи с нестабильностью» продать всё приватизированное-украденное. И довесок к этому — распад страны. Управлять несколькими небольшими государствами извне явно проще, чем одним большим (это уже опыт распада СССР). И вот, во исполнение этого сценария, банды Хаттаба и Басаева, прообраз сегодняшних банд в Сирии, включающие в себя частично местное население, распропагандированное и обманутое, частично наёмников со всего света, двинулось на Дагестан.

Я говорил уже о том, что приход Путина к власти не мог состояться сам по себе, случайно. Естественно, его подбирали с учётом такого развития событий, и естественно, что «всё предусмотрели». Никому неизвестный чиновник из силовиков был «идеальной» кандидатурой. Отсутствие политического веса, массы сторонников, политической силы, на которую бы он мог опереться, без государственных и материальных ресурсов. В то же время — силовик, он мог быть использован втёмную для прогнозируемого Западом развития событий. Силовой опыт мог

«Функция Путина» в виде антивирусной программы подходит к концу, наступает время включаться «операционной системе». Чистильщик и охранитель должен уступить место строителю и воину.

гарантировать его включённость в проблему «прогнозируемого сноса» русской государственности, если бы вдруг что-то пошло не так. А его микроскопический вес как политика обеспечивал уверенность в том, что Путиным можно будет вертеть как марионеткой, так как «один в поле не воин». Заодно Путин смог бы сыграть роль «козла отпущения» в разрушении государства, как за год до этого такую же роль сыграл Кириенко в разрушении экономики. Но это Россия…

Как поступили китайцы, проиграв опиумные войны и попав в кабальную зависимость от стран Запада? Сказано — проиграли, значит, проиграли. Отпустили косички, как признак поражения, и носили их до тех пор, пока Запад сам не ослабел и не разжал хватку. Как поступили немцы, когда подписали акт о капитуляции? Пошли к советским войскам за тушёнкой с кашей, а к США за планом Маршалла и покорно каются за ту войну до сих пор. А как поступили народы России в 1999 году? Сработал наш «русский код». Знаменитое путинское: «мочить в сортире», та страсть и боль, с которой он это на всю страну сказал, разбудили в народе «общее бессознательное». Сникерсы — это хорошо, и иномарки подержанные вместо «Жигулей» — тоже неплохо. Магазинчик собственный — вообще отлично, свобода слова — это прекрасно, но… Общее бессознательное было в другом, оно лежало в плоскости «да пошли вы все на …, надоели хуже горькой редьки …, 1000 лет не знаем на своей земле поражений в войнах и сейчас хотим побеждать и гордиться». Это «мочить в сортире», разбудив общее бессознательное ожидание абсолютного большинства, дало общую цель и уверенность и общую жажду побед. Любых побед. От взятия Гудермеса и Грозного до побед в хоккее. От убийства лидеров боевиков, лично причастных к гибели и страданиям наших граждан, до очередных громких контрактов «Газпрома» и 3-го места сборной страны на чемпионате Европы по футболу. Страна, привыкшая побеждать, и народ, который сознавал себя народом-победителем, хотели побед так же жадно, как путник жаждет воды в пустыне. И были так же неразборчивы во вкусе и смыслах этих побед. Отбросили боевиков обратно? Отлично! Березовский сбежал, а у Гусинского забрали НТВ? Прекрасно, посмеялись над нами — пора и честь знать! Выросла цена нефти на полдоллара? Замечательно! Пусть нам от этого пока ни холодно, ни горячо, но хоть на полдоллара, но мы их уделали! Россия, спаянный коллектив самостоятельных индивидуалистов, снова стала страной-цивилизацией, стремящейся к любым победам. И тут же дали сбой все расчёты всех институтов, изучавших и изучающих нас. Как так? За кого им воевать? Они должны сдаться! А мы не сдавались. И не «за яхту Абрамовича» гибли парни из Псковской дивизии, останавливая полчища боевиков и видя перед смертью, что их там предательски бросили без поддержки. А из этой бессознательной тяги к победе, из русского коллективно-индивидуалистского нежелания уступить, из чувства униженности страны, родившей не рабскую покорность, а ярость и жажду победы. Пусть даже и ценой собственной жизни…

5.

Путинская функция «антивирусной программы» — это и есть его роль в истории России. Чистильщик, в отличие от фехтовальщика, не имеет возможности стоять в одной позиции всё время. Так как нет кого-то одного, противостоящего ему в одной фехтовальной позе и вооружённого одной шпагой. Занимаясь разрухой после урагана, нужно проявлять многомерность талантов, от уборщика и садовника, до плотника и каменщика. Тем, кстати, и отличается разруха от поломки или «поломок», что в состоянии «сломано» находится всё, что могло бы вам пригодиться. *И путь, пройденный Россией за последние 15 лет от полной разрухи на всех уровнях технологического уклада и социальных отношений до сегодняшних экономических и геополитических возможностей страны на фоне роста национально-патриотического самосознания, выравнивания «русского креста» и робкого пока, но роста рождаемости коренного населения, — это и есть удачно выполненная «функция Путина».*

Однако, как это обычно и бывает, всё в этом мире имеет две стороны. Совершив что-то, что практически невозможно, а уровень развития страны в 1999 году выглядел абсолютно фантастическим, всегда можно впасть в другую крайность: попытаться удержать сегодняшний уровень успеха путём отказа от движения дальше. Работа «чистильщика» имеет смысл лишь как первый этап общей стройки. Пустырь вместо «художественного беспорядка» ничем не лучше, если он не будущая строительная площадка. «Стройка» же возможна лишь при наличии

«строителей». Россия после СССР, как будущая строительная площадка для создания нового политического, экономического и цивилизационного союза в рамках единой Русской цивилизации, может быть осуществлена только лишь силами собственных граждан. Которых объединяет общая цель-идея, попавшая в коллектив активных индивидуалистов. *«Функция Путина» в виде антивирусной программы подходит к концу, наступает время включаться «операционной системе»*. Чистильщик и охранитель должен уступить место строителю и воину. Российская Федерация как форма должна наполниться смыслом Русской цивилизации. Иное — это гибель формы и угнетение содержания. Спасибо Вам, Владимир Владимирович, за всё уже совершённое, во многом благодаря Вашим свершениям сформировалась критическая масса граждан Русской цивилизации. Их меньше пока, чем граждан РФ, но мы злы к врагам и жадны до побед. Мы готовы, бережно сохраняя нашу любимую Родину, двигаться дальше. Развиваться в рамках нашей собственной цивилизации. Признавая Русскую цивилизацию как единую часть общемировой, мы помним, что отказ от неё в пользу чуждых нам цивилизационных приоритетов чуть не привёл нас к гибели. И мы помним, кто и благодаря каким «сказкам» убеждал нас в благотворности этой «гибели» для нас же самих. И этот урок, этот опыт останется с нами навсегда, как и пример того, как можно избежать собственного расчленения.

Рано или поздно в России будет другой президент. Мир сейчас вступает в эпоху выбора, какой будет жизнь всего человечества. Планета, разделённая между ТНК, где люди без собственных государств, без роду и племени бьются друг с другом за право получить «кусок пирога» из их рук. Или мир — это баланс интересов народов, стран, культур и цивилизаций. Каким путём пойдёт всё человечество, в немалой степени зависит от того, какой выбор сделает Россия на этом этапе собственной истории. И этот выбор внутри Русской цивилизации во многом зависит от первого лица, сейчас — от президента России. Россия с Путиным или без Путина сможет устоять, если будет и дальше соответствовать «функции Путина». Но развиваться успешно Россия сможет, лишь если, не забывая об «антивирусной программе» защиты, не забудет включить «операционную систему» развития. Если, не забывая о поддержании чистоты и порядка, продолжит строить то, что уже 1000 лет строят наши предки, — собственную Русскую цивилизацию, а не механистически копировать грабительские методики. К тому же ещё и направленные против нас же…

Россия вместе с Путиным и после Путина имеет прекрасное и многообещающее будущее, если сможет продолжить линию «функции Путина», сможет продолжить движение в сторону самой себя, своей независимости, сохранения своей цивилизационной особенности, заключённой в уникальном опыте сплава разных народов и культур, внутри которого Бог в душе и человек, как высшая социальная ценность общества, сосуществуют в органичном единстве.

Нужно только помнить, что мы русские и Бог любит Россию.

/ Александр НОТИН /

Валдайский сигнал

Западный состав продолжает уверенно катиться в пропасть, а российский вагон потихоньку отстаёт и отцепляется от него

Президент наконец-то сказал новое и свежее слово. Это произошло на юбилейном форуме Валдайского клуба. Перед всей честной либеральной «тусовкой» — доморощенной и заморской. Сказал открыто, прямо, без обиняков. Сказал так, что стало ясно: лично он, Путин, не поддерживает «генеральной линии» Запада на создание Американского глобального концлагеря (pax americana), не считает себя его вассалом, выступает против насаждения в России сатанинских «ценностей» постмодернизма, вполне усвоенных — себе на беду! — так называемым цивилизованным миром, и намерен вести вверенную ему Богом страну особым путём, опираясь на её вековые традиции и духовные корни. Когда в прошлый понедельник во время прямого эфира на «Народном радио» я позволил себе именно в таком духе высказаться по поводу Валдайского «откровения» Путина и даже сравнил его значение с памятной мюнхенской речью (наделавшей в своё время много шума), пять из семи позвонивших мне в эфир слушателей изрядно возмутились. «Это фарс, — не соглашались люди, — обман, мистификация! Путин много чего говорит, но его дела расходятся со словами! Оглянитесь вокруг: богатые богатеют, а бедные беднеют! Не он ли с самого начала стоял у истоков этого режима, который сам же теперь прямо и косвенно критикует?!»

Все так. Всё правда. Но давайте посмотрим на эту ситуацию с другой, духовной стороны. Мы ведь с вами знаем, что «дух творит себе формы». Следовательно, когда мы наблюдаем некие новые формы, например, смелые слова Путина на Валдайском клубе, вполне уместно поинтересоваться, а какова их духовная подоплёка. Или по-другому: каким духом творятся эти формы?

По словам преподобного Серафима Саровского, «все беды России происходят от бытоулучшательной партии». Эту же мысль, кстати, неоднократно повторял и святой праведный Иоанн Кронштадтский. Так вот, Путин должен быть признан нами никуда не годным «бытоулучшателем» России. В его распоряжении было целых двадцать мирных лет — сложных, но не самых плохих лет. За этот срок можно было бы и на порядок большего достичь в плане «бытоулучшения». За примером далеко ходить не надо — перед глазами тот же Китай.

Впрочем, почему один только Путин виноват во всех наших бедах? Никуда не годной

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

(старинный духовный стих)

Уж давно-то христианска вера
Во Россеюшку взошла,
Как и весь-то народ русский
Покрестился во неё,
Покрестился, возмолился
Богу вышнему:
«Ты создай нам, Боже,
Житьё мирное, любовное;
Отжени ты от нас
Врагов пагубных,
Ты посей на нашу Русь
Счастье многое!»
И слышал Бог молитвы
Своих новых христиан:
Наделял он их
Счастьем многиим своим.
Но забылся народ русский,
В счастии живя;
Он стал Бога забывать,
Себе гибель зготовлять.
И наслал Бог на них
Казни лютые,
Казни лютые, смертоносные:
Он наслал-то на Святую Русь
Нечестивых людей, татар крымскиих.
Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили
Земли русские.
Добрались-то они до святого места,
До славного Великого Новгорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога вышнего.
И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал
Нечестивых татар.
Возвратившись со войны,
Во иноки он пошёл;
Он за святость своей жизни
Угодником Бога стал.
И мы, грешнии народы,
Притекаем к нему:
«Ты, угодник Божий,
Благоверный Александр!
Умоляй за нас Бога вышнего,
Отгоняй от нас врагов пагубных»

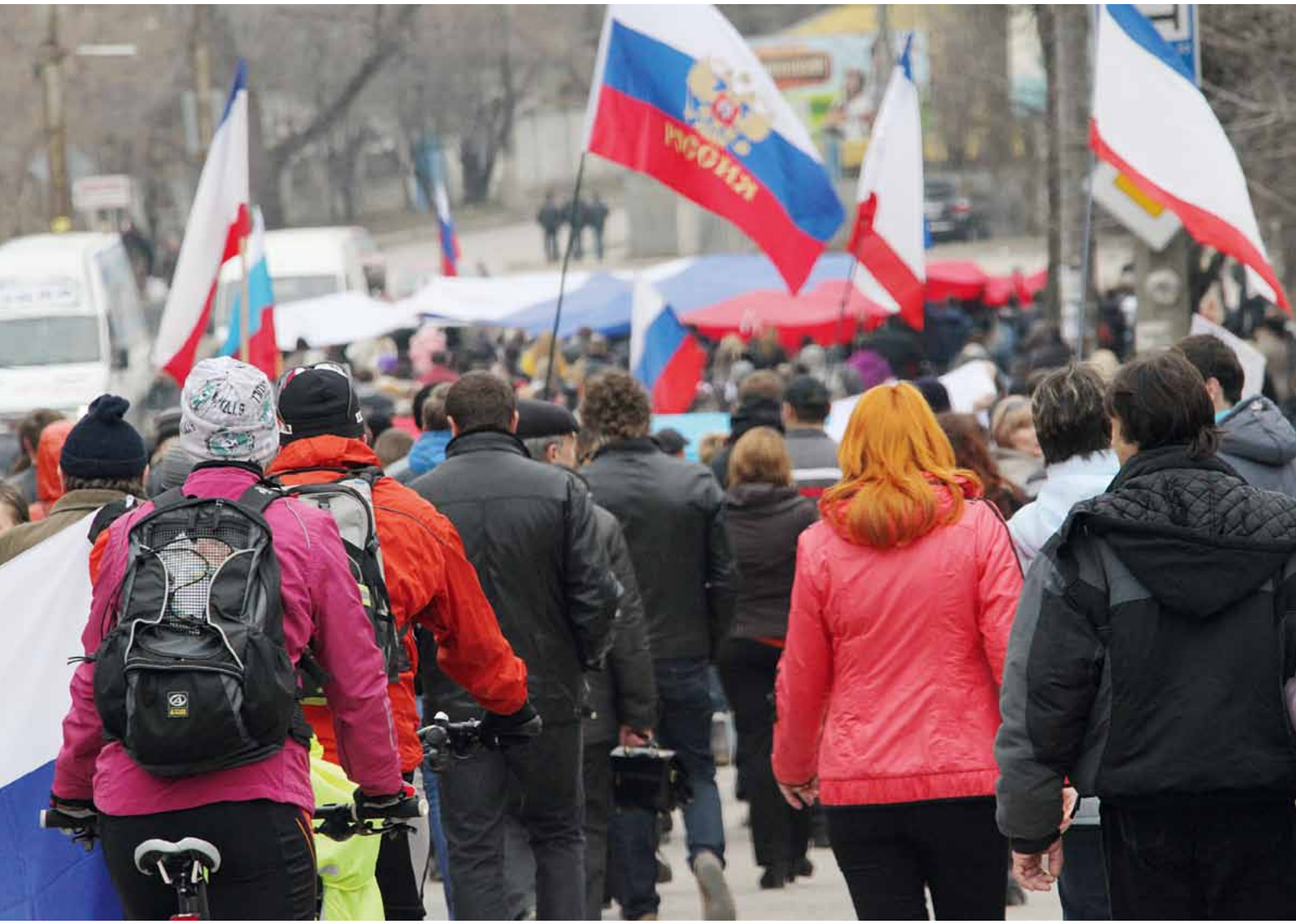
Традиционалисты на Западе уже сознают и признают, что русские — молодцы. И что русские правы, называя педерастию и прочие легализованные извращения, как и сказано в Библии, «мерзостью пред Богом»… И вот уже кое-где (в Испании, Италии, например) на стенах некоторых зданий появляются плакаты с лозунгом «Путин — наш президент!»

для целей «бытоулучшения» оказалась вся российская правящая либеральная свора (корневое слово «вор» — так, что ли?), с визгом накинувшаяся на останки некогда великого Советского Союза под поощрительные «ату его!» с Запада. Да и что, спросите вы, плохого в улучшении быта, то есть в сытости, покое и благоденствии. Не с этими ли идеалами связано наше современное понимание успеха, процветания и прогресса?

Здесь уместно вспомнить главную заповедь Господа нашего Иисуса Христа: **«Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6:33)**. Именно её, эту заповедь, имели в виду наши святые, называя принципиальной и даже опасной ошибкой как для отдельного человека, так и для целых государств и народов, когда на первое место ставится не стремление жить по правде Божией, а одно только улучшение материального достатка. Следует ли отсюда, что всем лучше бы жить в нищете? Нет, не следует. Тут вся загвоздка опять-таки в расстановке приоритетов. Благополучие — штука добрая и даже необходимая. Но, во-первых, только если оно реализуется в категориях разумной достаточности, иначе «пряников никогда не хватит на всех». А во-вторых, благополучие, построенное без Бога или за чужой счёт (ровно как произошло в случае США и «старушки» Европы), не содержит и не может содержать в себе благого и животворящего Духа Божия, а посему рано или поздно действием сатанинского духа разделения обратится в прямую свою противоположность: одичание, растление, безумие… То есть во всё то безобразие, что мы и наблюдаем сегодня на преуспевающем вроде бы Западе.

Иногда я думаю: а что было бы, если бы либералы, и Путин в их числе (ведь исходно, по взглядам своим, он убеждённый либерал, иначе они не выдвинули бы его из своей среды на столь высокий пост), не грабили всё, что плохо лежит, не растаскивали несметные богатства России по офшорам и западным счетам, а хотя бы малую толику своей несметной «добычи» пустили бы действительно на «бытоулучшение» жизни нашего народа? То есть, по сути, накормили бы русских за их же счёт и… с их же стола? Почему Господь не позволил этому случиться — всё равно, по прямой ли воле Своей, или по Своему попущению? Ответ может звучать так: Бог любит народ Своего «Третьего Рима» и желает ему «спастись и в разум истины прийти». Путь же спасения — хотим мы того или нет — пролегает через скорби, а не через набитые карманы и желудки. Ибо только скорби рождают смирение и открывают сердца «единому на потребу». Такая вот болезненная асимметрия земного и духовного начал!

С другой стороны, позволяя либералам «порулить» Россией, Господь заботился не об их животном насыщении, а о том, чтобы открыть глаза России (и, конечно, Путину, как одному из её



«блудных сынов») на безусловную пагубность разнузданного и бездуховного преуспевания. В итоге западный состав продолжает уверенно катиться в пропасть, а российский вагон потихоньку отстаёт и отцепляется от него. При этом здравомыслящая, традиционно настроенная часть населения США и Европы — а это, как мы знаем, отнюдь не малая и генетически не худшая его часть — начинает стряхивать с себя гипнотическое оцепенение, вызванное бесовскими мантрами на тему «толерантности» и «прав человека». Это им Путин напоминает, что под гуманистические камлания либерастов христианский Запад проморгал начало самого страшного с начала времён, самого системного и изобретательного наступления сатанистов на богоданную природу человека, на его здоровье и достоинство быть образом и подобием Божиим. Вообще-то в таких случаях и спасибо сказать не грех!

Традиционалисты на Западе уже сознают и признают, что русские — молодцы. И что русские правы, называя педерастию и прочие легализованные извращения, как и сказано в Библии, «мерзостью пред Богом»... И вот уже кое-где (в Испании, Италии, например) на стенах некоторых зданий появляются плакаты с лозунгом «Путин — наш президент!» Итак, не самый успешный «бытоулучшатель» Путин явно склоняется в сторону поиска для себя и страны другого, отличного от западного «образца», национально более органичного пути развития. Очевидно, что это, с одной стороны, вызвано целым рядом внешних и внутренних (в том числе и внутри самого Путина) трансформаций, а с другой — служит важным, я бы даже сказал, призывным сигналом для всех верующих профессионалов (не путать с профессиональными верующими). Для всей нашей Церкви, всего народа Божия.

/ Валерий КОРОВИН /

Путин и евразийская идеология

Обнаружив в президенте Путине черты консерватора, мы более ясно начали понимать истоки складывающегося на наших глазах Евразийского союза, создание которого Путин обозначил в качестве своей главной магистральной, исторической линии, а предпосылки и условия к формированию которого он складывал все предшествующие годы своего правления.

Размышления о современном российском консерватизме, которым Владимир Путин уделяет всё больше внимания, прямым образом перекликаются с размышлениями о евразийстве, синтезирующем русскую политическую историю на основании уникальной геополитической и цивилизационной методологии. И несмотря на то, что суть евразийской идеологии уже не раз была разложена по полочкам предыдущими поколениями евразийцев, а также идеологами неоевразийства — нашими современниками, — всё это оставалось лишь красивыми теоретическими выкладками до тех пор, пока Путин не придал евразийству новую актуальность. Теперь, когда евразийство стало общим местом и достоянием политических элит, следует ещё раз освежить в памяти основные постулаты этого уникального мировоззрения, дающего в контексте русской истории, русского государства и русского общества ответы на все вопросы.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИСТОРИИ

В первую очередь, что и стало определяющим фактором в выборе Путиным евразийской идеологии, евразийство — это преемственность русской истории. Сам Путин не раз подчёркивал свою приверженность преемственности исторических этапов: признавая заслуги реформаторов начала 1990-х, что всегда довольно болезненно воспринималось патриотическим лагерем, Путин тем не менее считает распад СССР геополитической катастрофой, чем приводит в восторг патриотов-коммунистов. Но тут же Владимир Владимирович обращает внимание на подвиг русской армии времён Первой мировой войны, на несправедливо забытых героев белой русской армии, на заслуги династии Романовых — на радость монархистам-консерваторам новой волны, но и не забывает при этом о трагедии Русской церкви времён раскола и о жертвах среди староверов. Когда же сторонники «красного» проекта и монархисты-романовцы затевают спор относительно того, на чьей стороне симпатии президента и чью идеологию он видит в качестве идеологии будущей России, сам Путин замечает: «Мы ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма». Кажется, что президент создал неразрешимую коллизию, высказав симпатию относительно всех предыдущих и настоящих этапов русской истории, он одновременно отверг все представленные ими идеологические модели. Ответ кроется в приверженности принципу преемственности истории. Путин воспринимает Россию и её идеологические периоды целиком, не дробя и не выстраивая иерархию существовавших идеологий, не отдавая предпочтения ни первой политической теории либерал-демократии, доминировавшей в 1990-х, ни второй политической теории марксистско-советского проекта, ни третьей политической теории правой, националистической России Романовых. Со всей очевидностью выбор Путина в этом случае падает на четвёртую политическую теорию, выходящую за рамки эпохи модерна и связывающую все этапы тысячелетней русской истории воедино. Речь идёт об идеологии евразийства, и сегодня никто не станет спорить насчёт приверженности Путина этому идеологическому течению.

Преемственность эпох — основа исторического воззрения евразийцев. Собственно, с интуицией относительно неизбежной конвергенции русского имперского проекта и красной России большевиков, высказанной некоторыми представителями белой эмиграции начала XX столетия, и возникло евразийское направление — сначала в белоэмигрантской среде Европы, а затем и в реализо-

А. К. ТОЛСТОЙ

1

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»
— «Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!»

2

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?»
— «За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!»

3

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?»
— «Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!»

4

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?»
— «Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!»

5

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крутенька?
— «Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!»

6

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?»
— «Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!»

7

«Государь ты наш батюшка,
Государь Пётр Алексеевич,
А кто ж будет её расхлёбывать?»
— «Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!»

1861

ванном Сталиным национал-большевистском проекте самой России, соединившем в себе державность империи и социалистические достижения марксистов. Сам концепт Россия — Евразия изначально представлял имперскую модель правления, воспринятую Русью от империи Чингисхана, и социалистические принципы европейского марксизма, положенные на русскую почву.

ПУТИН И «ЦВЕТУЩАЯ СЛОЖНОСТЬ»

Именно понятая как Евразия, Россия обнаруживает свою неизменную и константную суть, свою непрерывность в истории — от разрозненного множества славянских, тюркских и финно-угорских племён, через периоды Киевской и Московской Руси — к Великой континентальной империи, вначале — «белой», потом — «красной», вплоть до сегодняшней, несколько растерянной, но внутренне собирающейся для нового исторического рывка России. Именно концепт Евразии смог уместить в себя всё исторически складывавшееся воедино этническое многообразие, скрепив его стратегическим единством большой империи по заветам Чингисхана. Сам Путин определяет этот процесс так: «В России, на которую пытались в своё время навесить ярлык «тюрьмы народов», за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и своё историческое пространство. В советское время к этому относились так же внимательно — почти каждый маленький народ имел своё печатное издание, поддерживались языки, поддерживалась национальная, этническая литература. Кстати говоря, многое из того, что делалось в этом смысле раньше, нам нужно бы вернуть и взять на вооружение. При этом у нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта поликультурность, полиэтничность живёт в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность».

К слову сказать, совсем иным путём в отношении собственных народов пошла Европа. Слившись в крупные империи, народы Европы сначала безвозвратно растворились в них, смешавшись в больших плавильных котлах европейской истории, богатой на войны и кровавые многолетние конфликты, а затем и вовсе распались на осколки государств-наций, где от коллективной субъектности народов не осталось и следа. Центральное место в социальном устройстве национального государства Европы занял гражданин, высшим достижением считающий для себя статус «буржуа». Тем трагичнее судьба европейцев видится в формате возникшего и неуверенно стоящего на своих глиняных ногах колосса Европейского союза, где последние остатки идентичности, выраженные в принадлежности к той или иной нации, растворились в гражданской биомассе безликого, а теперь уже — и бесполого ЕС. Вряд ли кто-то в России, находясь в здравом уме, пожелает такой бесславной судьбы для нашего этнического и культурного многообразия «цветущей сложности Евразии». Евразийство — это то, что, сохраняя тысячелетнюю непрерывность русской истории, в то же время сохраняет идентичность всего многообразия народов нашего континентального, простирающегося от географической Европы до географической Азии государства.

Не случайны и регулярные отсылки Путина к трудам великих русских евразийцев и консерваторов — Льва Гумилёва и Константина Леонтьева, утверждавших — на что прямо ссылается Путин в своём Валдайском выступлении, говоря о евразийской составляющей российской истории, — что Россия всегда развивалась как «цветущая сложность». Сам Путин добавляет к этому тезису, что Россия должна восприниматься «как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии — неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни её граждан. Главная задача государства, закреплённая в Конституции, — обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, права на свободу совести для всех граждан страны». Так видит Путин нашу цветущую сложность Евразии, и этот взгляд не имеет ничего общего ни с унификационными проектами Европы, ни с идеологическим однообразием марксизма, ни с насильственной русификацией романовского периода. Евразийство — есть высшая степень культурного и конфессионального плюрализма при сохранении политического имперско-государственнического централизма, и это именно то, что всегда было определяющими факторами для Путина.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРАГМАТИЗМ

Путин не был бы Путиным, если бы не нашёл возможность самым прагматичным образом воспользоваться всеми преимуществами, которые даёт евразийство, особенно — в области экономики. И здесь магистральным проектом, неразрывно связывающим судьбу самого Владимира Путина с судьбой России в истории, является проект восстановления России как Евразийской Империи, выраженный в формате, который осторожный реалист и прагматик Путин определяет понятием «Евразийский союз». На сегодня Евразийский союз для России — это единственная возможность, сохранив целостность, сохранить идентичность. Восстановление большого пространства — это возможность сохраниться, выраженная в категориях геополитики. Начиная постепенно, с экономики, Путин запускает процесс восстановления геополитической субъектности России, что неразрывно связано и с политикой, и с вопросами безопасности, и с решением проблемы восстановления стратегического единства большого пространства Евразии, разрушенного в момент крушения СССР. Именно нарождающееся геополитическое мышление Путина заставляет его утверждать, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для русского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории». А так как Путин, на что он уже неоднократно недвусмысленно намекал, не является марксистом, следовательно, и исправление последствий крупнейшей геополитической катастрофы века, очевидно, не будет связано с восстановлением советской модели. Демократическая империя на основе многоукладной экономики — всё то, что укладывается как в идеологические представления самого Путина, так и в рамки евразийской идеологии. И здесь путинский экономический прагматизм совпадает с геополитическим восстановлением большого культурно-цивилизационного пространства, вновь вмещающего в себя десятки миллионов наших сограждан и соотечественников.

Определив Путина как безусловного евразийца с консервативными воззрениями, придерживающегося принципов цельности русской истории на фоне культурно-этнического плюрализма и политического централизма и стремящегося восстановить большое геополитическое пространство Евразии, рассмотрим остальные составляющие евразийского мировоззрения, попутно выявляя их корреляцию с деятельностью Владимира Путина за период его нахождения у власти.

Для евразийства, делающего основную ставку на идею, экономика есть не цель, как в марксизме или либерализме, но лишь средство, формальный атрибут, не загнанный в жёсткие рамки идеологической догматики, а свободно варьируемый в зависимости от интересов государства. Данный подход наиболее близок Путину, который заимствует наиболее полезные для государства принципы как из либеральных выкладок — отсюда многолетнее влияние либералов на российский экономический блок, так и из социалистических принципов, из которых вытекают и социальные программы, реализуемые Путиным, и существенная роль государства в регулировании экономики. Всё это в то же самое время даёт возможность выстраивать двусторонние отношения с государствами постсоветского пространства, выбравшими самые разные пути развития экономических стратегий — от социалистических принципов, реализуемых Белоруссией, до жёстких либеральных моделей прибалтийских государств. Такой хозяйственно-экономический плюрализм позволяет России стать своего рода интерфейсом взаимодействия между субъектами столь разнородного постсоветского пространства, а значит, даёт Путину возможность выступить в роли глобального интегратора Евразии.

Изначальный прагматизм евразийского учения применительно к экономической сфере позволяет наиболее эффективно достигать экономического процветания. Те экономические формы и инструменты, которые служат политическому и мировоззренческому идеалу евразийства, укрепляют российскую государственность — принимаются и реализуются во всей полноте, вне зависимости от того, откуда они произошли — из либерализма, социализма или концептов третьего пути в экономике. Всё то, что наносит ущерб солидарности постсоветского пространства, стабильности и эффективности экономики внутри России, — порицается независимо от чисто экономического аспекта. Кажется, что это само собой разумеющийся подход, однако так было не всегда. Ещё в 1990-х либеральные рецепты и их абсолютная доминация как над интересами общества, так и порой над здравым смыслом ставились превыше всего. И если западные экономические советники диктовали российскому политическому руководству неизбежность скорейшего создания класса собственников, которым, любой ценой и за любую цену, необходимо было раздать крупнейшие куски государственных активов, то политическая элита — осознавая или не осознавая последствия данного процесса — безропотно реализовывала этот чудовищный либеральный рецепт в угоду последовательной реализации либеральных реформ. То же относится и к советской эпохе, где подходы советского хозяйствования, укладываясь в рамки марксистской догматики, порой расходились со здравым смыслом, демонстрируя образчики бесхозяйственности и расточительности.

Путин отбросил как советские идеологические клише, так и либерал-реформаторские, сделав ставку на экономический прагматизм, за счёт чего довольно быстро поднял российскую экономику из руин, в которых она оказалась благодаря шоковой терапии экономических экспериментов либерал-реформаторов. И этот прагматизм, как уже было сказано, чётко укладывается в евразийский экономический подход многоукладной экономики, где крупные, в первую очередь сырьевые, отрасли могут находиться под контролем государства, а средний и мелкий уровень экономического хозяйствования допускает присутствие как коллективной, так и полностью частной собственности на средства производства.

Евразийское государство, евразийская цивилизация, евразийская культура, таким образом, являются приоритетами более высокого уровня, чем экономическая сфера — производство, финансовая система и т.д., подходы к реализации которых вытекают из приоритетов высшей целесообразности евразийского мировоззрения, которое, в свою очередь, в отличие от марксизма и либерализма, не экономикоцентрично. Поэтому его экономическое выражение во многом зависит от специфики конкретной исторической ситуации, чем вариативно и пользуется Путин, смещая акценты то в пользу либерализма, то в пользу большего внимания к социальным программам и усилению роли государства в вопросах экономического регулирования.

СУВЕРЕНИТЕТ — КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ

Ещё одним важнейшим критерием развития, поставленным Владимиром Путиным в основу своего мировоззренческого подхода, является абсолютная незыблемость суверенитета России — как главного критерия, обеспечивающего устойчивое и поступательное развитие. Последние события на Украине наглядно продемонстрировали, сколь пагубные последствия не только для экономики, но и для социальной стабильности может повлечь за собой потеря контроля над собственным обществом и над политической ситуацией в стране. А ведь ещё недавно Россия пребывала в таких же точно условиях, когда рецепты политического реформирования государства буквальным образом надиктовывались американскими советниками, вахтовым методом дежурившими возле главы государства. Тогда это чуть не привело к развалу России, который был остановлен Путиным, отказавшимся от небескорыстной, между прочим, «помощи» западных партнёров и остановивший либеральные реформы, практически приведшие к полной потере суверенитета. Для этого Путин создал федеральные округа. Остановив расползание регионов, усмирил региональную фронду,

выведя губернаторов за штат Совета Федерации, сократил количество парламентских партий, присмирил прессу, удалил олигархов от принятия государственных решений, упорядочил ситуацию с внешним вмешательством во внутриполитическую жизнь — т.е. сделал именно то, что и привело Россию в состояние суверенной державы, самостоятельно определяющей свой внутриполитический курс. И именно это является сутью евразийского подхода, утверждающего приоритет собственной политической субъектности над интересами глобального сообщества внутри того или иного государства. Противоположностью евразийского подхода как раз и является подход либеральный, утверждающий, что интересы государства должны жёстко коррелировать с интересами глобального либерального сообщества и если ослабление государства выгодно западному лагерю, пекущемуся, например, о собственной безопасности, то национальная администрация должна учесть этот фактор, ослабив собственную субъектность. Такой же подход наблюдается и в экономике: если государство обладает необходимыми для развития глобального Запада активами — оно должно предоставить их по минимальной стоимости, если же оно представляет для мирового сообщества интерес в качестве рынка сбыта или переноса на его территорию вредных отходов, то оно должно предоставить такую возможность, открывшись для мирового сообщества, пусть даже в ущерб интересам собственным. Таков подход к тому, кто лишён суверенитета — добровольно или под воздействием

Евразийское государство, евразийская цивилизация, евразийская культура являются приоритетами более высокого уровня, чем экономическая сфера — производство, финансовая система и т.д., подходы к реализации которых вытекают из приоритетов высшей целесообразности.

внешних факторов, и он не менялся с момента появления первых государств. Путин решительно и однозначно прекратил данную порочную практику, вернув России статус суверенной евразийской державы.

То же самое было проделано и во внешней политике, где интересы России в какой-то момент вообще перестали учитываться. Последствием этого стал разгром Югославии, лишение суверенитета Ирака и Афганистана, захват американцами стратегической инициативы как в Восточной Европе, так и на постсоветском пространстве. Здесь ситуация оказалась ещё более запущенной, и Путину пришлось поначалу преодолевать инерцию атлантистского курса внешней политики, установленного ельцинским министром иностранных дел Андреем Козыревым, который в ответ на упрёк, что его действия противоречат евразийской геополитике России, прямо отвечал — «а я — атлантист», чем расписывался в полной сдаче внешнеполитических интересов России как центра евразийского пространства, перемещая её в хвост атлантистской политики США. Потери в этой сфере были столь чудовищными, что Путину, вопреки собственным евразийским геополитическим воззрениям, пришлось под жесточайшим внешним прессингом, ещё более усилившимся после атаки 11 сентября 2001 года на ВТЦ, сдать две российские базы — на Кубе и во Вьетнаме, согласившись при этом на присутствие американского контингента не только в Афганистане, контроль над которым был потерян полностью, но и в Средней Азии.

И всё же даже в этой запущенной области позиции России именно как евразийской суверенной державы были восстановлены, а геополитическая субъектность, набранная

за годы правления Путина, позволила отстоять как Южную Осетию и Абхазию, так и остановить западную агрессию против Сирии, отложив на некоторый срок прямой военный удар коалиции во главе с США.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР ДЛЯ ЕВРОПЫ

Несмотря на все преимущества, которые евразийство даёт как для внутриполитического устройства, стабилизированного за счёт преемственности истории, так и для постсоветского пространства, интеграция которого в Евразийский союз позволяет восстановить нарушенные экономические и культурно-цивилизационные связи, евразийство, с его принципами сохранения идентичности и культурного плюрализма, становится привлекательным ориентиром и для стран дальнего зарубежья. В первую очередь — для Европы, стонущей от засилья ЛГБТ-лобби и полной потери идентичности, ещё более размываемой потоками иммигрантов, нашествию которых нет конца и края. Именно в Европе Путин становится фигурой надежды, демонстрирующей альтернативный американской безраздельной цивилизационной доминации сценарий. Евразийский союз, создаваемый усилиями Путина, всё чаще рассматривается в экспертных и интеллектуальных кругах Европы как реальная альтернатива ЕС, полностью лишённого суверенитета и оккупированного американцами.

Здесь так же важно оговориться, что при создании Евразийского союза речь не идёт о полной и окончательной интеграции в Азию, как многие сегодня думают. Россия — самобытная цивилизация. Главное в этом проекте — восстановление территорий, которые нам принадлежали, в том числе и в Азии, исторически, на протяжении многих веков, и в романовской империи, и в Советской России. Это наши территории, которые мы для себя на время потеряли, но теперь мы их возвращаем не путём завоевания, как это было в прошлых веках, а путём прагматичной добровольной интеграции, что снимает повод для беспокойства со стороны государств Европы, запуганных их старшим американским товарищем «русской угрозой», от которой Европу все эти годы якобы спасают США.

Евразийство делает жёсткое геополитическое разделение между странами Запада, что ясно сегодня осознаёт Путин: существуют США — которые есть наш абсолютный геополитический оппонент. С ним не может быть общих геополитических проектов. А есть Европа, которая сама страдает от американской доминации. И безусловно, рано или поздно, Евразийский союз найдёт пути интеграции — экономической, ресурсной, технологической — с Европой. Ошибочно считать, что, создавая Евразийский союз, Путин якобы окончательно закрывает для России путь в Европу. Напротив, от Европы нас отсекают США, выстраивая буферную зону из бывших советских республик, а также стран Восточной Европы, не давая, таким образом, складываться этому интеграционному вектору. Восстанавливая же единство постсоветского пространства, Россия открывает для себя путь в Европу, прорывая «санитарный кордон». Отсюда такое ожесточение со стороны США в отношении попыток окончательно оторвать от России Украину.

Несмотря на свои евразийские воззрения, Владимир Путин — «фанат» Европы и европейского пути развития. Но чтобы полноценно интегрироваться с Европой, нам нужно сначала самим стать полноценным субъектом, в первую очередь — экономическим. Не следует забывать, что в равных экономических условиях бедный ещё больше беднеет, а богатый — богатеет. Отставая от Европы экономически, в союзе с ней мы обречены на дальнейшее истощение. Мы не можем экономически интегрироваться с Европой до тех пор, пока не нарастим свой экономический потенциал. А сделать это быстро получится только за счёт интеграции с теми пространствами, куда мы уже и так достаточно инвестировали человеческий и экономический капитал, где мы построили заводы, фабрики, школы, где распространили свою культуру, свое языковое влияние. В этом суть теории «Автаркии больших пространств» Фридриха Листа, лежащей в основе концепции Таможенного союза, реализуемого Путиным. Мы восстанавливаем то, что всегда принадлежало общей семье наших народов, — вот смысл Евразийского союза, следующего этапа евразийской интеграции, открывающей возможности сближения с Европой. Ибо только воссоздав большое евразийское пространство, мы интегрируемся с Европой на равных. Это понимают и в США, прямо заявляя, что не допустят реализации данного головокружительного, в исторической перспективе, геополитического проекта, реализуемого Владимиром Путиным.

/ Александр АГЕЕВ /

Метафизические враги Путина

Есть ли у нас основания подозревать президента Путина в духовной неразборчивости? Или в «недолжном выборе пути»? Уловимы ли в нём признаки «духовной расслабленности»?

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Если возник вопрос о врагах метафизического масштаба, следовательно, имеется в виду и метафизика самого Путина.

Метафизика как наука устремлена на познание первооснов бытия, познания и смысла человеческого существования. Аристотель отождествлял «первую философию» с теологией, имеющей дело с «вечными сущностями», трансцендентным, с проблематикой «Перводвигателя», Абсолюта. Христианское и мусульманское богословие Средних веков, осмысливая таинства веры и Откровения, опиралось на античные трактовки метафизического. Декарт, Лейбниц, Спиноза, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель развернули мощные системы новоевропейской метафизики, в XIX веке подвергнутой с разных доктринальных сторон критике Фейербахом, Кьеркегором,

Фото: Андрей АФАНАСЬЕВ

Марксом, Ницше, Контом, Спенсером, Миллем, Махом. Так эпические трагедии XX века предварялись расшатыванием классической научной и богословской картин мира. Но последующее переосмысление и классики, и её критики, анализ новых вызовов на века вперёд создали исключительно ценный идейный фонд метафизики. Своим появлением он обязан таким именам, как Гуссерль, Хайдеггер, Карнап, Гартман и другие. В частности, в XX веке понимание «первоначал» обогатилось концепцией сверхопытных прототипов человеческого творчества, часто с мифоподобной сюжетностью. Особое достижение научной мысли XX века — обоснование укоренённости религиозно-этической правды в самой онтологии жизни. Особый вклад в этот ракурс понимания сути бытия внесла русская религиозная философия (Вл. Соловьёв, братья С. и Е. Трубецкие, Л. Карсавин, Н. Лосский, П. Флоренский, С. Булгаков, А. Лосев). Особо следует упомянуть о метафизике света, восходящей к библейским и платоническим истокам и получающей новые импульсы развития в наше время (ноосфера, полевые концепции, вихревая космогония и т.д.).

Бжезинский однажды усомнился в наличии у Путина «трансцендентального». И ошибся. Независимо и от посторонних, и от своих личных определений собственной политической миссии президент Путин — явление метафизическое.

«Враг» — понятие с обширным объёмом. Им оперируют в самых разнообразных ситуациях: от бытовой свары до битвы титанов. Диапазон враждебности тоже можно нюансировать — от недруга и неприятеля до оппонента, антагониста и смертельного врага вплоть до различных сатанинских воплощений. На предельном уровне «враг» — термин обязывающий и вовсе не бытовой. Метафизический. Термин того уровня, где соединяются выбор, путь, воля и истина, где Премудрость предстает высшей ценностью, которая дороже всего на свете и для которой нет адекватного менового эквивалента. Но, как подчеркивает С. Аверинцев, эта ценность существует в конфронтации со своим злым двойником, врагиней, в пределе — абсолютной ложью. Ложь как метафизическая неверность есть измена фундаментальным законам бытия.

Путин в нашем контексте очевидно не только личность, не только мужчина в самом расцвете сил, обладатель «чёрного пояса», гражданин РФ и т.п., но прежде всего — Президент РФ, трижды избранный электоратом и работающий в этой должности как «галерный раб», а отнюдь не как политик, «вцепившийся руками и зубами в своё кресло». Бжезинский однажды усомнился в наличии у Путина «трансцендентального». И ошибся.

Независимо и от посторонних, и от своих личных определений собственной политической миссии президент Путин — явление метафизическое. Хотя бы потому, что властный трон в России — всегда средоточие и персонализация игры судьбоносных метафизических сил, мощных смыслов, скрытых в символах, потоке решений, конфигурациях всевозможных группировок, характере отношений властвующих и подвластных, предъявлении себя в мир и отражении вызовов этого мира. Потому опрометчив и другой эксперт, российский, связавший как-то Путина с золотым тельцом.

Правитель может быть на высоте своего положения, а может ему не соответствовать. Правитель может быть даже вне формальных иерархий, особенно в Смутные времена, когда царствует метафизика хаоса. Правитель может всеми силами вгрызаться в свой статус вопреки желаниям подвластных и требованию времени. Комбинаций здесь много. Как и метафизических проекций в реальной фигуре правителя.

САКРАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ

Издревле власть ассоциируется не только с силой, насилием, но и с чем-то мистическим, с некоей тайной, недоговорённостью, причастностью к иным системам координат, нежели обыденная жизнь. Эта тайна питает извивы исторических событий и сюжетов спустя века. Эта же тайна вдохновляет и познание. Потому так поражают и притягивают руины и манускрипты, храня энергию и информацию минувших веков, обыкновенной жизни и битв. От них исходит не столько точное знание, сколько намёк. И намёк этот всегда на какой-то непостигаемый нами смысл.

Тем более власть — она даже не намекает, а всем своим позиционированием, символами, свойствами, персонажами, поведением, поступками, решениями, устремлениями непрерывно свидетельствует свою фундаментальную бытийственность.

Однако накапливая следы истории и тем самым нарабатывая палитру своих инструментов и оснований, власть становится подобной многомерному пространству. В нём совмещены музейные и рабочие помещения — это одно, неразрывное коммуникационное поле, в том числе и с самой археологической тектоникой, лишь отчасти явной в текущей повседневности, и в том числе с более возвышенными мирами — поднебесными ли, небесными ли. Вспомним хотя бы Московский кремль. Такой системно-динамический статус власти говорит о её сложности. Отнюдь не всегда, по К. Леонтьеву, это говорит о «цветущей сложности», но всегда — неустранимой, всегда — таинственной и всегда — не только управленческой сложности.

Власть сакральна издревле. Даже в сегодняшнем, существенно секуляризированном мире, в конституциях и гимнах едва ли не всех стран мы услышим и увидим референции на «хранимую Богом»… Эта традиция из глубокой древности, для обитателей которой всё человечество делилось на своих и чужих — врагов, посланцев и представителей хаоса. «Своих» попечением накрывал свой же, высший, са-

кральный зонтик, «чужим» покровительствовали иные — всевозможные демоны стихии. Свои — из космоса, организуемого высшим началом, чужие — из хаоса. Устремлённость человека к высшим мирам означала более или менее энергичное и успешное «обожение», сакрализацию личностей и выстраиваемых ими социальных институтов. Хотя поначалу «яйность», личностное начало могли вообще отсутствовать, и сакральный ряд занимали сугубо сверхчеловеческие существа. Они этот мир с его людьми порождали, кормили и поддерживали в некотором порядке, ставили всех на надлежащее место, вершили суд. Постепенно частичку властности, царственности получали из сферы сакрального человеческие правители, призванные, прежде всего, родительствовать и вскармливать подвластных. Родитель и кормилец подданных и потому лишь — царствующий. Так изначально складывалась властная структура в человеческом обществе, появлялись цари и цари-жрецы. Эти вопросы подробно исследовал П. Сапронов.

Здесь не место для подробных реминисценций, важно лишь иметь в виду, что нечто в структуре властвования восходит к древним кодам и не исчезает ни в каком новейшем мире. В том числе и такие древние сюжеты, как «шапка Мономаха», «Понтий Пилат» или «король Лир». Все они указывают на уязвимость и особую ответственность человека, принявшего на себя царскую ношу с присущей ей сакральностью как формой метафизичности. Но связь «властитель и божественная благодать» многомерна.

Войны, вражда происходили изначально между своими и чужими. И поэтому уже имели сакральный характер. В нашей культуре это сохранилось в памяти ещё живущих ветеранов Священной войны, которая была также и Великой, и Отечественной!

Со временем войны проникли внутрь популяций «своих»: возникли собственные «чужие», пропитавшие атмосферу единого племени враждебностью извнутрь — распрями, междоусобицами, расколами, «ересями» и т. п., а позже — гражданскими войнами. Никуда эта принципиальная структура социума не исчезла. Её легко найдём в противостояниях партий и движений, не исключая недавнее — «Болотное» и «Поклонное» сообщества. Более того, века гуманизма, начертавшие на своих знамёнах помимо прочего лозунги индивидуализма, создали возможность полной «робинзонады», в пределе оборачивающейся «войной всех

Анна АХМАТОВА

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

против всех». На этой волне пришла и буржуазность Нового времени. Рассыпающееся в атомарность общество индустриализм стянул в «демократическую» структурность (разделение властей, выборы и т.д.) ценой концентрации капитала и монополизации рыночной власти.

При всех усложнениях и оговорках институт власти занимает уникальное место — высокопоставленного посредника между обществом и сакральным миром и потому только — власть имеющего, поскольку сначала именно на правителей нисходит некоторая сакральная энергия. Порфироносный свет более или менее ярко сияет на всяком правителе. Хотя этот «посредник-представитель» может быть вовсе никудышным. Властный институт может захватить самозванец, лукавец, диктатор. Но это — отклонение от фундаментального закона мироустройства. Пусть и бесчисленное в огромной реальности истории.

СЕАНС ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ, ИЛИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В РОССИЙСКОМ ПРЕЗИДЕНТСТВЕ

У каждой властной роли, отрепетированной веками в разных обществах, свои мера, источник и характер сакрализации. Генеалогия, на которой ощутимы также импортные влияния. Ведь институты так же поддаются экспорту и импорту, как товары и услуги, как перевод зарубежной литературы. «Всемирная отзывчивость» нередко приводит к азартному заимствованию чуждого. Не всегда привезённое прививается на отечественной почве, часто оно претерпевает разного рода инверсии, превращаясь в противоположность. Но так или иначе в российской истории накопился обширный репертуар ролей властителей. Князья, цари, императоры, генсеки, председатели, президенты. И когда мы вглядываемся во властную роль современного нам российского пре-

зидентства, то нетрудно увидеть эклектику, прежде всего — на поверхности символов. Гимн — советский, герб — имперский, флаг — торговый. Как минимум. Есть ещё воинские и наградные символы, соединяющие в себе эпохи так же эклектично.

Сосуществование разнородных символов санкционировано правовым сознанием современных россиян и не царапает их эстетическое чувство своей аляповатостью. Оно приемлемо и неизбежно, как компромисс сосуществующих культур в самом российском человейнике, суверенитет которого к тому же заметно ослаблен. Подорван и духовный иммунитет.

Институции власти — не исключение. На языке древних подоплёк получается в итоге нестройность сакрального начала. У полифонии есть своя гармоника, но нестройность — это не полифония. И не какофония — это тоже факт. Точнее сказать, лада мало или, что то же самое, — со «сходом-развалом» проблемы. Не отлажено. Эклектика, иногда звучащая какофонично и безобразно.

На природу современной российской высшей власти, олицетворяемой президентом, продолжают и поныне оказывать влияние несколько важных зависимостей, доставшихся от прошлого. Они проницательно исследованы уже упомянутым П. Сапроновым. Восходят эти зависимости к различным метафизическим сущностям. Достаточно указать хотя бы основные из них: киевскую, ордынскую, имперскую, советскую и постсоветскую.

От Руси Киевской в генетической памяти помимо прочего нам досталась свобода. Не только в смысле свободного владения землей, занятия ремеслами, выбора ратного дела — дружина имела предводителя, но состояла из свободных людей. И не только потому, что холопов было не более нескольких процентов от всего населения. Речь о свободе в метафизическом смысле, устроении жизни на началах свободного волеизъявления и специфического способа общения с сакральным миром. Эта свобода выбора позволила нашим предкам принять и такое судьбоносное решение, как Крещение Руси.

В 1947 году М. Буйницкой были написаны строки, впервые здесь обнародуемые:

Мы славу Сталину без меры воздаём,
А про себя о вольности тоскуем.

В них мы уловим очень глубокую генетическую ностальгию, восходящую к тем временам. И «Русская Правда», регламентируя многие аспекты повседневности, является памятником самоуправления тогдашних общин, устроенных сложно, — от верви до волости, земли и княжества.

Были и серьёзные структурные слабости этой системы, провоцировавшие междоусобицы и раздробление, борьбу за власть между князьями.

От властных привычек времён Орды в генетической памяти осталось своё неуничтожимое: данничество и рабство всех, включая князей. Но наиболее важный аспект — признание ордынского хана царской особой вплоть до церковной молитвы за него. Пусть хан и воспринимался христианским народом как попущение, как гнев Божий. Эта хитроумная формула потом пригодится народу православному не один раз. Следствия будут удручающи: распад солидарности, заискивание, интриги и т.п. Одно из них и поныне фундамент нашей государственности — успех Москвы как централизатора русских земель.

Имперский период оставил свои следы. Среди них — вельможность как стиль поведения и обустройства у подножия трона, имитирующий царственность. Но среди имперских следов — и традиция служения государю и Отечеству. При этом и сам государь был первым солдатом империи. Понятия чести и долга — тоже из этого наследного богатства.

Советское наследие — вовсе не особый фрагмент нашей исторической памяти. Это переплавленное в одном котле фамильное серебро всего российского прошлого в интересах невиданного социального эксперимента. Если что и сохранилось из всего «дореволюционья» — то чудом, затерявшись в каких-то сусеках этого котла, куда не дотянулся всесжигающий огонь. Уничтожены едва ли не дотла основные социальные носители большинства прежних архетипов: дворянство, офицерство, купечество, казачество, священничество. На зачищенном ролевом пространстве был спроектирован и построен новый социальный ландшафт со своим способом легитимации власти. В частности, большевизм самого начала отличали три свойства — подпольность, конспиративность, а также предельный прагматизм и неразборчивость в средствах для достижения целей.

Но была у большевизма и своя высокая интенция. Даже у лицемерия и лжи есть сторона, которая может приниматься за истинную и служить источником энергии. Вопреки всем особенностям легитимации власти её

советская форма открыла простор творчеству масс. И массы, и власть были во власти одного мегаисторического процесса, потрясений, имевших статус урагана, торнадо. Царствовал бич Божий. И так получается, что большевизм открыл свой способ сакрализации режима в условиях Попущения. Это сложная ситуация. Потому она до сих пор не поддается однозначным оценкам. Любая однозначность грешит невольной лживостью.

Подобно облачным базам данных в метафизических глубинах памяти сохранился генный материал и информация, и, едва возникли условия, — началось возрождение всех этих паттернов по законам социального наследования. Сталин к 3 июля 1941 года в значительной мере осознавал силу метафизики истории и, сделав нетривиальный выбор, включил энергии ее архетипов, сославшись на имена с высочайшей сакральной отметиной. Полководцы в годину страшных битв представляют собой своеобразный тип правителя — спасителя Отечества и вступают в свои отношения с миром сакрального, сравнимые и даже в чём-то замещающие те, которые есть у формального правителя.

Поколение, родившееся в начале 20-х годов и воспитанное в 30-е, едва ли не целиком в своей мужской когорте было принесено в жертву Победе 1945-го. Эта колоссальная жертва создала новые ценности столь же колоссальной и, несомненно, метафизической значимости.

Постсоветский этап открыл дорогу не только индивидуализму, глобализму и капитализму с его тягой к быстрому накоплению любой ценой, монополизации и криминализации любых рынков, включая рынок административных услуг. Стремительно произошло восстановление едва ли не всех форм жизнеустройства и властвования, когда-либо открытых в нашей истории. Происходил и активный импорт институтов. Какие-то реанимации и частично импорт пришлись к месту и времени, что-то оказалось неуместным и бутафорным. Довольно быстро социогенетическое разнообразие вернулось к «естественному» фоновому уровню. При этом ценностной доминантой стал всеохватывающий монетаризм. Ставка на «вхождение в мировое цивилизационное пространство» на волне огульного шельмования опыта XX века, вовсе не сводимого к истории КПСС, обеспечила мощную энергетическую подпитку новому «ценностному мейнстриму».

Параллельно всему этому торжеству торжища стремительно начали восстанавливаться традиционные религиозные ценности и институты. Это придало безвременью, смуте 90-х духоподъёмный нюанс, а главное — выстроило исключительно важные «параметры порядка», удержавшие страну от ещё более страшных катастроф, чем те, что произошли, и не позволившие парадигме тотального монетаризма достичь всеохватывающего господства. Свою роль сыграло и киноискусство, задавшее важные вопросы: «…В чём сила? Разве в деньгах?.. Сила в правде. У кого правда, тот и сильней. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И ты сильней стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильней».

Так или иначе, к нашему времени мы унаследовали противоречивый архетипический ансамбль. В. Буданов выявил девять архетипических форм, которые одновременно сосуществуют в российском социуме, но имеют свою логику проявления то в качестве доминирующего типа, то дремлющего.

Нетрудно представить, как эта одновременность метафизических сущностей вкупе с разной интенсивностью их манифестирования в практической повседневности в каждый момент времени даёт исключительно сложные вводные для такого своеобразного сеанса одновременной игры. Ведь правитель вступает с ними в интерфейс — со всеми. Разумеется, не каждого собеседника, не каждую доктрину или проект можно атрибутировать сразу и однозначно как проекцию того или иного работающего архетипа. Люди сложны и изменчивы. Но и особой сложности такая атрибуция не представляет. Именно этой цели служат, между прочим, партии, сообщества, группы интересов. Действуют они подобно ансамблю организмов, образуя и суету, и подоплёку государственной жизнедеятельности. Из этой политической и одновременно архетипической «кухни» и вырисовывается вектор эволюции социума.

Накопленный за историю жизни нашего социума репертуар форм властвования сам по себе не есть недостаток. «Опыт — сын ошибок трудных», как известно. Опыт побед и поражений. В равной мере — прививка от чрезмерно пафосной гордости за историю и от аллергии на её сложность.

Здесь другой важнее риск — непредсказуемость нашей истории, в политических практиках при слабой исторической образованности ведущая к упоению упрощёнными моделями.

Одни воспевают Ленина, другие Петра Великого, третьи — Александра II Освободителя, четвёртые — Хрущева, пятые — Екатерину, шестые — Брежнева и т.д. В этом нет никакой нелепости, будь оно всего лишь спектаклем на театральной сцене. Проблема возникает там и тогда, где и когда личное впечатление о паре понравившихся курьёзов из правления того или иного деятеля становится импульсом к заимствованию всей модели, олицетворяемой этим именем. Но времена-то иные! Усердие по навязыванию приглянувшегося образца, как из своего архива, так и из чужеземного, вскрывает уже упомянутый дефицит Премудрости или, что то же самое, — ведёт ко лжи, неправде. Как говорится: а подумать не пробовали?

К моменту прихода Путина в Кремль в качестве и.о. президента властная система России была близка к «параду планет»: в ней боролись несколько метафизических типов власти. Монетаризм торжествовал во всей своей красе. Но «дареному коню в зубы не смотрят».

МЕТАМОРФОЗЫ: НАМЕРЕНИЯ И ИМПРОВИЗАЦИИ

Понимая метафизические и сакральные смыслы, Путин довольно быстро начал упорядочение символического образа государственной власти и правового поля. Не случайно и первое публичное недовольство Ельцина путинскими решениями было вызвано именно сменой гимна. Ельцин тоже ощущал метафизические энергии символов. Ведь и сам он был функцией определённой конфигурации архетипов, состояния метафизических полей. Его недальновидность выразилась в тщетном уповании на чрезмерную длительность доминирования архетипов, образцов властвования, близких ему лично и его семейно-клановому кругу, их мировоззрению, миссии, если угодно. Таймер ельцинских доминант отсчитал последние минуты примерно к 2005 году. Ровно пять лет ушло на «сдувание» господствующих более 18 лет метафизических энергий.

Не имеет значения то, интерпретировал ли новый президент реальность общества, где он стал лидером, в этих терминах. Для принятия управленческих решений требуется другой уровень обобщения и конкретики — оперативный, аналитический. Уровень когнитивный и тем более метафизический — не для быстротекущих, взрывоопасных процессов. О метафизике ли думает правитель, получая экс-

Анна АХМАТОВА

* * *

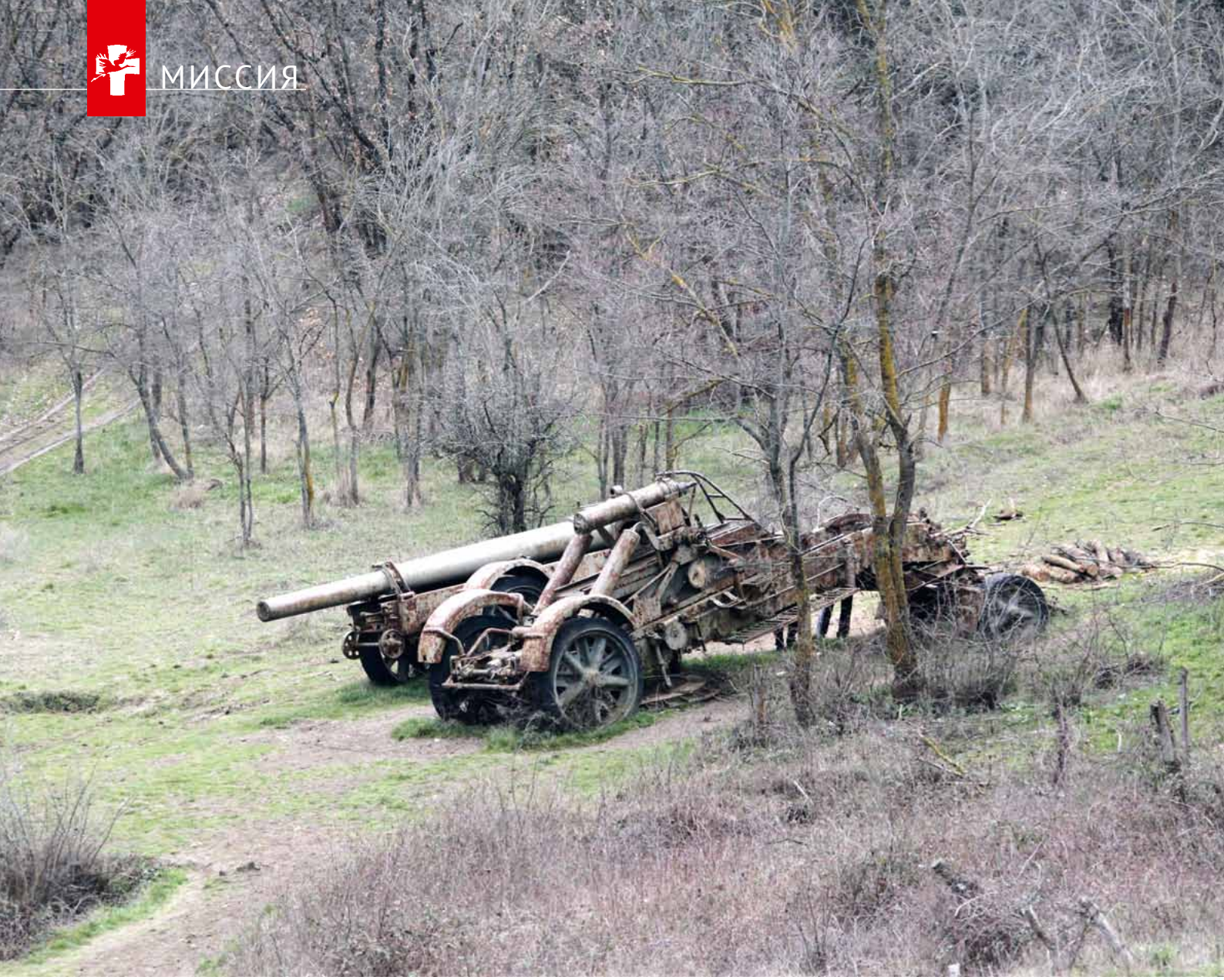
Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

1922



тренное, вне очереди, сообщение о «Курске», Беслане, «Норд-Осте», Саяно-Шушенской ГЭС или 08.08.08?

О метафизике ли думают следователи и судьи, распутывая составы преступлений?

О метафизике ли думают губернаторы, министры и работники ФОИВов?

О метафизике ли думает любой, принимая или отдавая тот или иной эквивалент стоимости?

На то она и метафизика, чтобы не суетиться и не заботиться о пиаре в необозримых количествах трансакций.

Но принимая сотни и тысячи решений в год, произнося сотни тысяч слов и совершая десятки неординарных поступков, правитель не только проявляет свою личность, но и отражает, и формирует новое метафизическое поле.

Общество, коллективным разумом воспринимая поведение правителя, ожидая от него определённой генеральной линии, оценивает его не только по большим, агрегированным счетам, но и по любой мелочи. Нет на этом уровне мелочей. Особенно в России. Критерий прост — уровень доверия. Верят — в Бога, доверяют — представителю Его, судят — по делам. При этом мы не обнаружим, что ответы правителю известны. Во-первых, не на все вопросы есть ответы, во-вторых, не все вопросы внятно сформулированы. Он тоже ищущий. Он тоже — путь ищущий. Он тоже на чём-то стоит, имеет принципы. Но время сжалось, количество событий в единицу времени выросло невероятно. Событий реальных и событий виртуальных. Их ход и результаты форматируют поле ограничений, вызовов, но и поле возможностей.

Один из фундаментальных фактов физически осязаем и принципиально значим: Россия втянулась в мировое сообщество, стала его неотъемлемой частью и во многом — бенефициаром этой включённости. Выгодоприобретатели этого положения — не только «офшорные короли» и «офисный планктон». На «иглу» глобализации подсела едва ли не вся страна. Но и глобализация претерпела метаморфозу.

МЕТАФИЗИКА ГЛОБАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Едва ли не синхронно с формированием путинского режима и его метафизических паролей произошла трансформация мировой экономики. Апогей глобальной кредитно-финансовой модели к концу 90-х сменился её кризисом в 2008-м. Между рынками финансовых и реальных ресурсов за одно лишь десятилетие сложилась колоссальная асимметрия. Под прикрытием беспрецедентного деривативного бума и на волне информационной революции основой экономических операций стал не базовый актив, коренящийся, в конце концов, в стратегических ресурсах — энергоносителях и продовольствии, а «образ базового актива».

Воспроизводство этого образа поддерживается СМИ, Интернетом, социальными сетями, Голливудом, всей инфраструктурой рейтингов, аудита, деловой отчётности. Интегрально они представляют собой индустрию экономико-цивилизационной импринтации. «Управление смыслами» сегодня определяет величину прибыли, капитализации, коммерческого успеха, макроэкономическую устойчивость и — это главное — тренды «коллективного бессознательного». Новый, виртуализированный базис мировой экономики позволяет совершенно по-новому разрабатывать и реализовывать стратегии геоэкономической и геополитической проектности.

Целенаправленное формирование новой импринтированной квазиреальности предполагает программирование образцов поведения, эмоций, мышления, мировоззрения. Практически все ведущие мировые корпорации опираются на стратегии манипулирования смыслами поведения, эмоций и мышления. Эти стратегии интерпретации реальности стимулируют не только потребление, но и идентификацию. За ней — матрицы ценностей. А процесс морального выбора превращается в случайность, в своего рода «листание» матриц ценностей. Итог «квазимаркетинга» — через управление мировоззренческим выбором создать аморфные «стаи» потребителей с полусознательно, но эффективно работающими мотиваторами.

За внешне стихийными процессами утверждения моральной релятивности, свободного выбора, мультикультурализма скрывается стержень глобальной постиндустриальной модернизации и попытки дизайна новых структур глобального управления, не имеющих ничего общего со всемирным Совнаркомом, как иногда это представляется. Речь идёт о том, чтобы в обозримое историческое время создать распределённую инфраструктуру генераторов смысловых матриц жизни, кодов бытия, классификаторов языка, памяти и мотивов — импринтировать новую квазиреальность, которая сама обеспечит надлежащий спрос и предложение и переформатирует доставшиеся от доиндустриальной и индустриальной экономик смысловые матрицы, которые до сих пор формируют мотивацию и направляют поведение. Создание таких матриц предполагает их увязку с объективными, традиционными ценностными системами и алгоритмами формирования личностной идентичности. Сама по себе эта задача — фантастический научно-технологический вызов, переплетённый с революцией в генетике, информационных системах, материалах и коммуникациях.

Характерным примером целевого конструирования образа базовых финансовых активов является динамика цен на золото, экспансия индустрии ГМО. В этой же плоскости находится и схема «надувания» другого базового актива — сланцевого газа, некоторых проектов альтернативной энергетики и военно-технологических инноваций. Прагматической и тактической целью здесь было подведение под ранее сложившуюся пирамиду производных финансовых инструментов, теряющих в кризисе свою ценность, нового базового актива. Из-за относительного истощения реальных ресурсов он будет квазиактивом, виртуальным образом актива.

Новые базовые активы будут не единичными, а множественными, сменяющими друг друга так быстро, что их искусственность никто из непосвящённых в суть игры не успеет даже осмыслить и предпринять контрмеры. А главное — образы этих базовых активов будут обмениваться на активы вполне реальные — нефть, газ, электроэнергию, тепло, продовольствие, воду, землю и труд. Целевой результат стратегической долгосрочной операции — передел национальных и мировых товарно-финансовых и политических рынков.

Промежуточная цель этих стратегий — снизить риски всеобщего краха финансовой системы; выровнять чрезмерно деформированный массив финансовых продуктов, осуществив дозированный переход к бестоварной форме рыночных отношений.

Но в последние годы появились качественно новые черты функционирования финансовых рынков. Так, когда рассказывают о Дж. Соросе как о гении финансовых спекуляций, обычно не учитывают специфику биржевой игры, исход которой непредсказуем. Но, смоделировав поведение ключевых игроков, можно осуществить скрытное управление их поведением и привести неуправляемую биржевую игру к заранее запланированному результату, попутно запустив «легенду» о гениальной финансовой прозорливости Сороса.

Новые информационные возможности привели к тому, что в торговых операциях людей заменяют торговые роботы, совершающие операции на финансовых рынках (биржах) по заданному алгоритму с использованием специализированных компьютерных систем (высокочастотный алгоритмический трейдинг). В 2012 году в США на высокочастотную торговлю приходилось более половины объёма торгов акциями. В 2011 году в конкурсе РТС и ММВБ победителем стал биржевой робот, сумевший увеличить капитал почти на 8000%. За один из дней он совершил около 25 тысяч сделок. Так, уже сегодня в электронной виртуальной среде за виртуальные ценности борются виртуальные программы. Управление смыслами становится электронным протоколом (алгоритмом), сами смыслы и их приоритетность выбирает компьютерная программа. Аналогичные процессы происходят в других областях, включая военную.

Сегодня на передовой линии всех этих трансформаций — сообщества финансовых акторов, информационных концернов, силовых структур, «мозговых фабрик», архитекторов социальных сетей и других субъектов, конструирующих новые смысловые логики. При этом уже в период кризиса был совершен фазовый переход к качественно новой структуре мировых финансовых ресурсов. В частности, успешно кристаллизован наднациональный распределённый кластер элитных западных банков мира как новый каркас глобальной финансовой архитектуры, ставший одним из немногих центров миропроектной активности.

Этой новой плоскости реальности не существовало ни для Брежнева, ни для Андропова, Горбачёва и Ельцина. Её в нынешнем виде не было вообще. Как не было мушкетов и ружей у древних инков. В картину мира Путина эта реальность вошла без стука. И привнесли её не Сорос, не Сноуден, не Ассанж и не айфон.

ИСКУШЕНИЯ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПУТИНА

Степень соответствия поведения, мотивов, воли правителя сакральному требованию, высшим наставлениям исчерпывающе строго описывается в псалме 1: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе, но в законе Господни воля его…» (Псалтырь). В этой трёхчленной формуле, как обобщил С. Аверинцев, даны три ступени зла: духовная неразборчивость; недолжный выбор пути; духовная расслабленность с присущей ей насмешливой и суесловной растленностью. Все они выражают отход от Премудрости и ту или иную степень приближения к абсолютной её врагине. Взаимодействие с такими сущностями есть не что иное, как искушение. Итог взаимодействия — поражение искушающего или капитуляция искушаемого.

Итак, первое. Есть ли у нас основания подозревать президента Путина в духовной неразборчивости? Для доказательного ответа воспользуемся его наиболее знаковыми выступлениями, поскольку в таком проявлении мировоззренческих взглядов есть не только словесный ряд, но и речевой, эмоциональный, невербальный.

В валдайской речи Путин «позволил себе высказать свои суждения» по таким темам, как стратегия, «ценностная основа развития нашей страны», «влияние глобальных процессов на нашу национальную идентичность»: «кто мы?», «кем мы хотим быть?».

Путину ясно, что «от советской идеологии мы ушли», что идеализация России до 1917 года, как и западный ультралиберализм, — далеки от реальности. Поэтому нужно самоопределяться в мире, который становится всё жёстче, отвергая не только право, но и «элементарные приличия». И без всякой двусмысленности подчёркнуто: чтобы быть сильными, главное качество людей и общества — интеллектуальное и моральное. «Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер». Ни убавить, ни прибавить. Надо было видеть лица собеседников Путина после этой речи — радостные, просветлённые, солидарные. Можно лишь подметить, что ни от чего «мы не ушли». И с этим прошлым нам идти в будущее. Одной фразой счёты с ним не свести.

Путин полагает, что необходимо историческое творчество, синтез лучшего националь-

ного опыта, что наша идентичность должна быть «обращена в будущее», что всем: «…и так называемым неославянофилам, и неозападникам, государственникам и так называемым либералам, — всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития», что «суверенитет, самостоятельность, целостность России — безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить». Практически всё неоспоримо в этих тезисах. Возможно, стоит добавить нюанс — палитра «так называемых», пожалуй, разнообразнее и выстраивается по многим основаниям.

Выражено кредо и метафизическим образом, правда, в обращении к внешнему, в сюжете «о многих евроатлантических странах, где “проводится политика, ставящая на один уровень… веру в Бога или веру в сатану”».

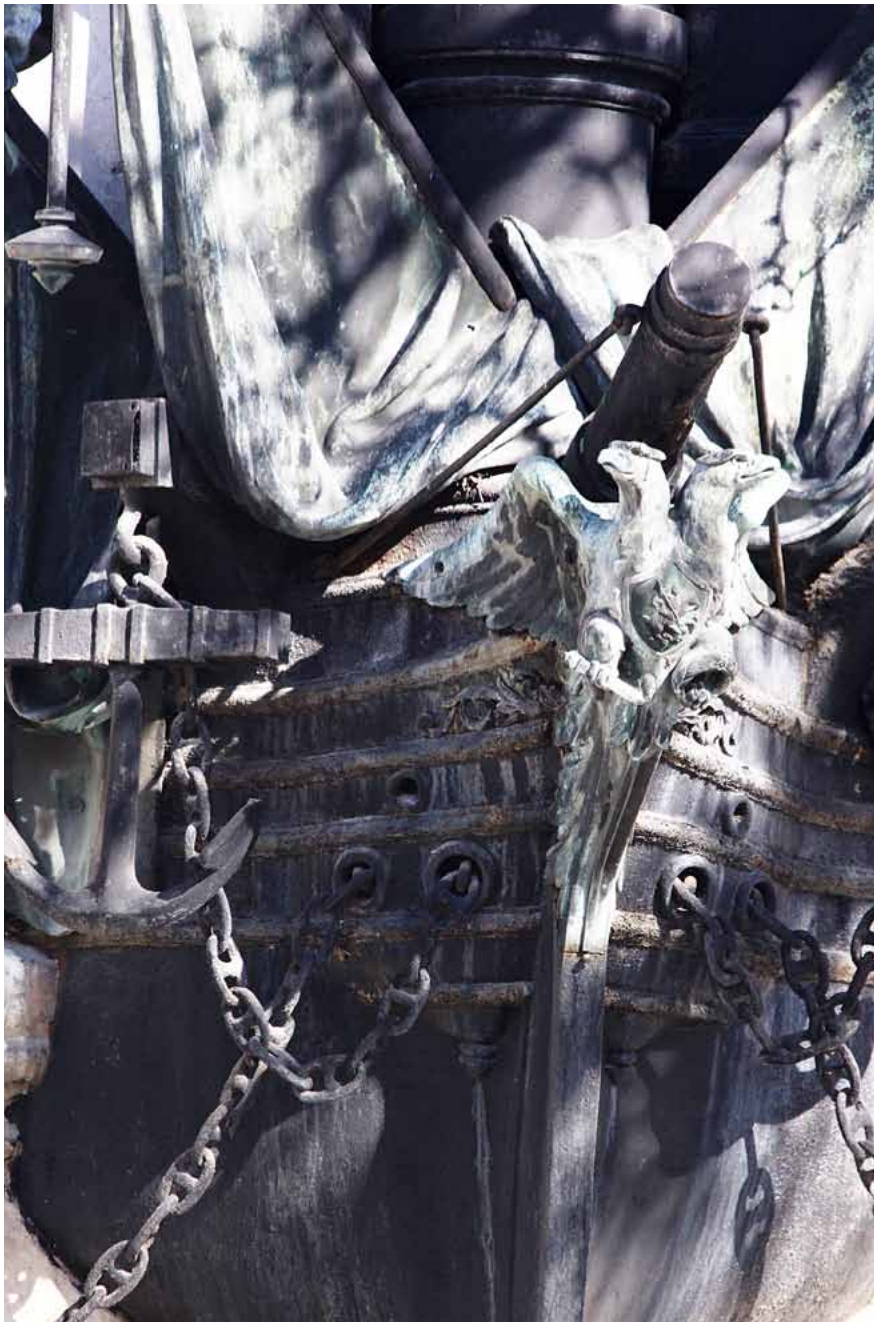
Таким образом, на уровне слов, доктринальных высказываний обнаруживается ясное самоопределение в культовых, метафизических вопросах. И то, что это не тиражируется часто, показывает значимость тезисов и стремление сберечь их от «обветшания», измельчания смысла. В этом ключе речи Путина в Мюнхене, в Лужниках и на Валдае — знаковы, сделаны в расчёте на «пароль — отзыв».

Второе. Есть ли основания подозревать Путина в «недолжном выборе пути»?

Ответ может вылиться в необозримый диагноз текущей ситуации в стране и неизбежную — с профессиональных позиций — критику проводимой социально-экономической политики. Слышит ли президент эту критику? Вдумывается ли в аргументы оппонентов проводимого курса? Восприимчив ли Путин к критике?

На все вопросы без предвзятости будет ответ положительный. Но, положа руку на сердце, нельзя не обратить внимание на качество самой критики. Далеко не вся она пригодна для дела, часто отражает возню самолюбий и суесловие.

В тех случаях, когда критика оправданна и Путин ее разделяет, возникает вопрос о пределах влияния самого Путина. Если такой информированный человек, как академик Примаков, свидетельствует об усилиях, «подчас непоследовательных, но в целом немалых», чтобы «не дать российской экономике в 2013 году соскользнуть на неолиберальную плоскость», то чьи усилия имеются в виду? Ответ очевиден. Можно вспомнить и вскользь брошенную Путиным фразу накануне президентских выборов в 2012 году о той борьбе, которая сопровождает практическую политику.



Иными словами, когда мы обнаруживаем несоответствие слов и дел, было бы сильным упрощением объяснять этот зазор намеренным введением в заблуждение правильными словами с целью закамуфлировать неправильные дела. Сложившаяся структура экономических и политических интересов кого угодно свяжет в маневре, кого угодно лишит иллюзий. Подобный эффект век назад описал А. Чехов в истории Ионыча. Наш тип реальной реальности взывает к героизму. Но не к героизму Александра Матросова, а к героизму Максима

Сложившаяся структура экономических и политических интересов кого угодно свяжет в маневре, кого угодно лишит иллюзий. Наш тип реальной реальности взывает к героизму. Но не героизму Александра Матросова, а к героизму Максима Максимовича Исаева.

Максимовича Исаева. Кажется, не мы одни это понимаем.

И, наконец, третье. Уловимы ли признаки «духовной расслабленности» в деятельности Путина? Не в комментариях по «поводу Путина», а в нём самом?

Этот вопрос неразрывно связан с диагностикой статуса нашего времени. «Какое время на дворе — таков Мессия» — это сказано точно. Кто ещё распоряжается временем, если не из метафизических высот? И разговор, конечно, не о баловстве с зимним и летним временем.

Время наше назойливо характеризуется как карнавальное. И немало талантливых звёзд так и пытаются его утвердить. В самом буквальном смысле — «танцуй, Россия, танцуй, Европа…». Ведь сегодня значима не суть времени, а образ сути.

Формулу сего дня С. Аверинцев нашел у Иосифа Бродского:

Это хуже, чем грохот
И знаменитый всхлип.
Это хуже, чем детям
Сделанное «бо-бо»,
Потому что за этим
Не следует ничего.

А если времена последние уже настали? Endzeit подкрался?

А если в современных разговорах на кухне и у костра всё чаще звучит: «большой крови избежать бы»? То есть подразумевается, что «малая кровь» уже «ничего не значит» и из неё «не следует ничего»?

Ученикам Христа было велено бодрствовать. Но Пётр и Иаков спали, когда Он был в Гефсиманском молении. А Иуда не спал. И Каиафа не спал.

Есть бодрствование «неверных», есть бодрствование врагов.

Никакой внешний эксперт не вправе давать оценку по столь деликатному предмету, как степень «духовной расслабленности» президента Путина. Это сфера его исповедального мира.

Но, находясь в едином сакральном пространстве, не впадая в осудливость, мы по состоянию времени можем определить меру и своей личной ответственности, и характер ожидаемых слов и дел президента.

Во-первых, Путин прекрасно понимает, насколько «один в поле воин». Без преображения населения и электората России в народ России, без появления повсеместно граждан, не только разделяющих правильные слова и доверяющих Путину, но озарённых единой метафизической устремлённостью преобразовать нашу идентичность, — без этого лучше подождать «лучших времен», сберегая страну от «худших сценариев». Такая линия была, например, у Николая I, задолго до 1861 года понимавшего необходимость освобождения крестьян. Но Николай I знал больше — помещичьи интересы не менее опасны, чем крестьянский бунт. И сыну его на троне целых четыре года нужно было очень тонкими и внешне противоречивыми ходами и интригами подходить к реформе. Вопрос лишь в том, каким ресурсом времени располагает В. В. Путин для реализации его метафизической миссии. Может ли он подождать? И может ли он опереться на нынешнюю политическую элиту как в ожидании, так и в необходимом прорыве, на ожидание которого времени отпущено не обильно?

Во-вторых, все без исключения «оранжевые катаклизмы» последних лет показывают симбиоз новых информационных технологий, новых способов коммуникации и единую матрицу общественного недовольства. Социальная несправедливость — это не только коэффициент Джинни или игра с верхними и нижними децилями. Это социально значимое состояние и легко воспламеняющееся настроение масс. Это вопрос глубочайшей метафизической и религиозной правды и смысла жизни. В этом контексте нам всем не только предстоит искать новую идентичность, нам придётся считаться с неумолимо и фундаментально отпечатанными в нашем культурном коде ценностями и идеалами. В этом контексте мы ещё не разрешили многих задач, которые взрывали страну десятки и сотни лет назад. Архетипы могут дремать, но они не исчезают. Народ терпелив, но и памятлив. У обид в нашем обществе родословная колоритна и могуча.

Справедливость — это устройство жизни по правде. И приблизить такое устройство —

сакральный долг российского правителя. Инструменты у таких решений — явно не из арсенала только неолиберализма.

В-третьих, проблемы типа «сход-развал» означают, что управление зависит не только от надёжности рулевой системы, но от накопления «нестроений», «усталости железа». Об этом однажды уже сказано: «Мою страну, как тот дырявый кузов, возил шофёр, которому плевать».

Судя по словам, судя по удавшимся и ещё не совершённым, но задуманным делам, судя по намерениям, судя по постоянному самосовершенствованию, Путин явно не из этой шофёрской плеяды. Не ближе ли другой образ:

За нами гонится эскадра по пятам,
На море штиль и не избегнуть встречи,
Но нам сказал спокойно капитан:
«Ещё не вечер, ещё не вечер»…?

Анна АХМАТОВА

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем её в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чём не замешанный прах.
Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно — своею.

1961

/ Василий СИМЧЕРА /

Говорить правду

Но как быть с реальными цифрами и фактами, которые изрядно портят навязываемую нам всем искажённую и откровенно надоевшую картину? Куда нам идти с нашей реальной жизнью и с нашими, как есть, реальными цифрами и фактами, которые её без прикрас отображают?

Как у нас всё обстоит с достоверной информацией о положении дел в стране? Почему её так мало, почему она столь неадекватная и неполная? Почему ложь и обман в нашей жизни доминируют, а упрямые цифры и факты, которые дорогого стоят, игнорируются, как будто бы их в природе не существует? Почему даже заслуживающие полного доверия статистические данные игнорируют международные стандарты их сбора, обработки и публикации, доводятся до сведения общественности в столь усложнённом содержании, неадекватном виде и архаичной форме, что оказываются по преимуществу недоступны не только рядовому потребителю, но и специалисту? Не потому ли нам не доверяют и с подозрением относятся к нам даже там, где мы, казалось бы, абсолютно прозрачны? И не только за рубежом, но и многие наши сограждане? И не по этой ли, внешне не столь важной причине за ширмой закона и порядка мы сегодня повсеместно и почти во всём наблюдаем форменный произвол, потери, воровство и беспорядок?

Украинский Майдан-2014, как ничто иное, во всей полноте обнажил все информационные изъяны нынешней власти, которые, как это было незамедлительно обнаружено, оказались её самым слабым звеном. Современная статистика, как наука о доказательствах, основанных на фактах, неопровержимо свидетельствует: 99% людей на Майдане Украины, как и у нас в России, не против власти как института порядка и арбитра справедливости. Люди, как показывают массовые опросы, исчерпав ресурс доверия, терпения и надежды, протестуют против существующего произвола власти. Они, как подтверждают данные этих опросов, не хотят больше безропотно работать на вороватых олигархов и поддерживать пир во время чумы пресыщенных и безответственных упырей от власти, обманывающих их чаяния и надежды. Их не устраивает циничный принцип: доходы, награды и дворцы во всём мире — нам, вла-

стям предержащим; потери, убытки, отбросы и Сибирь с Ледовитым океаном — вам, ничего не имущим. Уберите из власти всё это — и готовых хоть завтра бунтовать на улицах останутся единицы. Списывать всё на радикалов, которых сегодня, возможно, немало не только на Майдане, но и во власти, — дело нехитрое, но бесполезное.

Корень зла — в разрыве между словом и делом, в форменном обмане, на котором, как на штыках, власть долго в одних руках не удержишь. Не зря же продвинутые режимы уже давно на регулярной основе персонифицированно меняют власть. Уроки Майдана нас этому учат. Если мы их не усвоим и ничего полезного для себя из них не извлечём — нас ждёт свой Майдан! Имя ему будет не Болотная площадь, но Лобное место на Красной площади в Москве! Таковы законы истории.

Подводя итоги 2013 года, российские власти огласили новые цифры о развитии экономики России. О чём говорят эти цифры? О том, что наша экономика в обозреваемом году развивалась «…в целом неплохо». Всё, что надо, у нас случилось и подросло (особенно население, о чём не без гордости за наших женщин было уверенно заявлено впервые за последние 25 лет), а что не захотело подрасти — подрастёт, если надо, потом. Власти предержащие заверили всех, что, несмотря на мировой кризис и вопреки коррупции, сегодня у нас в стране в целом дела обстоят не только неплохо, но, как, например, с инфляцией, очень неплохо и даже, как в случае с жильём, и в ещё более исключительном случае, в сельском хозяйстве, — хорошо! Но так ли это на самом деле?

И впрямь, кое-что в истекшем году в нашей экономике, согласно официальным данным, оказывается, действительно подросло: ВВП на 1,4–1,5% (правда, на месте этой невзрачной цифры, значение которой не выходит за пределы допускаемой — в таком грубом счёте — статистической погрешности, долго уверяли, что, как чёрт из табакерки, выскочат, как в прошлом году, все приличествующие и возможные при правильном ходе дел 3,5%), инфляция подросла — на 6,1% вместо 6,6%, как в прошлом году (непонятно вообще, как можно радоваться инфляции, которая есть иное выражение роста цен; да ещё такой, которая в четыре раза выше, чем в переполненных фиктивными деньгами США и почти в три раза выше, чем в хиреющей, как в войну, Европе), сельское хозяйство подросло на 6,8% против его падения в неурожайном 2012 г. на 5% (то есть за два года прирост призрачный), а жилищное строительство (при циклическом падении темпов производственного строительства и почти полностью за счёт индивидуального строительства) — на 12,1% против 5,6% в предыдущем году.

По тем же данным, на 5,5% повысилась в прошлом году реальная зарплата и на 3,6% — реальные доходы населения (против 4,6% в предыдущем году). Прирост реальных трудовых пенсий вообще составил странную величину — в целом за год 1,3%, а реальная месячная прибавка всего 334 рубля, а не якобы все 952 рубля, как это следует из тех цифр, которые правительство оглашало ранее, заявляя о повышении в 2013 году среднего размера трудовой пенсии в России с 9790 до 10 742 рублей. Правда, ответственные чиновники при этом не говорят, о каком росте может идти речь, когда качество товаров и услуг, которые наши люди на эти деньги могут получить, в отчётном году — впрочем, как и в предыдущих, — понижалось, а по многим позициям оставалось попросту отвратительным. Но и это не главное. Главное в том, что приводимые цифры якобы реального роста реальной зарплаты и доходов бедных, как и роста реального размера пенсий, у нас целиком, без какого-либо остатка, съедает реальная инфляция, превышающая 9–10% в год, которая, особенно для бедных и пенсионеров (12–15% в год), в два раза выше официальной (6–7% в год). Удручает (и не только одних бедных и сирых) ещё более фундаментальный факт, заключающийся в том, что в дей-

Василий ФЁДОРОВ

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И всё живу,
И всё иду с тобою.

Когда аркан над головой свистел
И шум пиров катился по улусам,
Другой бы постарел и поседел,
А я русел,
Я становился русым.

Всевластьем силы
И всевластьем тьмы
Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысил и травы,
А я всё рос,
Я становился — выше.

И кровь была дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитою,
Другой ожесточился бы давно,
А я добрел твоею добротою.

По грозам, по ветрам да по снегам
Я заучил твои степные песни.
Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей ровесник.

Мы стали и моложе и новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога стала только круче,
Моя задача — только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше солнце встретит,
Кто средь друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки на крутом пути.

В России растут одни дивидендные барыши и «парашюты» богатых резидентов и нерезидентов, которые к реальным доходам граждан никакого отношения не имеют.

ствительности реальная зарплата, реальные пенсии и располагаемые реальные доходы как таковые, за исключением побочных, подсобных и серых доходов, уже давно не растут вообще у всех 90–95% граждан России. На самом деле в России растут одни дивидендные барыши и «парашюты» богатых резидентов и нерезидентов, которые к реальным доходам граждан никакого отношения не имеют и, как полагается в нормальном обществе, должны бы квалифицироваться отдельно. Что, слабо или кому-то политически невыгодно хотя бы более правдоподобно номинировать доходы наших и не наших в России?

Наконец, в качестве ещё одного перла правительство сообщает, что профицит, то есть положительное сальдо торгового баланса у нас в отчётном году составило 146,8 млрд долл. Непонятно, это что, много или мало, с чем сравнивать, как понимать, что это в целом неплохо, хорошо или всё-таки не очень? Ведь всем известно, что в прошлом году профицит нашего внешнеторгового баланса зашкаливал за 200 млрд долл. И в этом году он ожидался примерно на том же уровне. Однако и здесь, на последнем рубеже наших тылов, в отчётном году «что-то пошло не так»: экспорт впервые с 2000 года упал (и сразу на все 44 млрд долл.), импорт забуксовал на точке замерзания, профицит в годовом исчислении сжался на целых 9%, резко ухудшились общие условия и климат внешнеторговых связей, в том числе и прежде всего — со странами СНГ. Однако, что оказалось особенно неожиданным, — вопреки огромным усилиям и материальным тратам в истекающем году не только забуксовал, но и, на радость этнократам всех мастей, стал крениться в обратную сторону весь маховик евразийской интеграции, под прессом которого стали трещать не только потенциальные новые, вроде украинских, но и многие уже налаженные связи в рамках самого Таможенного союза, за что России в отчётном году пришлось заплатить много большие деньги, чем те 15 млрд долл., которые были переданы братской Украине.

Пытаться заместить весь этот негатив громадных потерь и упущенных выгод декоративными эффектами присоединения к нашему Таможенному союзу сегодня дружественных нам Армении и Киргизии (а возможно, Монголии и даже Израиля), но при этом игнорировать пусть и не самые лучшие шансы интеграции с Евросоюзом — дело заранее проигрышное.

На этом фоне ещё одним диссонансом прозвучало заявление российской стороны на заседании Высшего экономического совета глав России, Беларуси и Казахстана в Москве 24 декабря 2013 года о переносе на год и более (с 1 января 2014 года на неопределённую дату в 2015 году) сроков запуска Евразийского экономического союза (ЕАЭС), срыв которых, произошедший по вине чиновников Евразийской экономической комиссии во главе с ранее провалившим всё в нашей стране небезызвестным В.Б. Христенко и ещё более небезызвестной, но в узких кругах, Т.Д. Валовой, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев назвал безответственным, а президент Беларуси Александр Лукашенко — позором для всех трёх стран. Определённо, евразийская интеграция — это качественно новый шаг в будущее. Но ещё более определённо, что с такими кадрами и с такими методами, как сейчас, её не выстроишь. Очевидно: для этого требуются и новые механизмы работы, и новые исполнители.

Дела с накоплением инвестиций и освоением опережающих технологий, развитием промышленности, транспорта, дорог и обновлением нашей в конец изношенной производственной инфраструктуры, не говоря уже о строительстве новых заводов и фабрик и системном создании на этой базе новых рабочих мест, в прошлом году, видимо, обстояли ещё хуже, раз у нашего руководства не нашлось ни единого слова об этом.

Конечно, с нарисованной картиной, да ещё на большом и удалённом от всех кремлёвском экране, даже с нашими поправками, у правительственных чиновников получается вроде всё неплохо и даже хорошо. Цены растут, но темпы роста инфляции, оказывается, падают, денег ни на что нет, инвестиции сокращаются, а вывоз капитала, как никогда раньше, ускоряется, доллар и евро, как саранча, пожирают тающие золотовалютные запасы, рубль дешевеет, поборы растут, террористы и взяточники звереют, пустая казна беспардонно залезает в ещё недавно «неприкасаемые» резервные фонды, материнский капитал и деньги будущих поколений, бесстыдно урезая жалкие социальные льготы и трудовые пенсии, посягает на последнее, бедность крепчает, народ безмолвствует, но жить в рисуемой нашими чиновниками «потёмкинской деревне» становится якобы всё лучше и веселее. На картине, возможно, всё так, проблем нет, концы с концами у наших чиновников сходятся, Рублёвка отдыхает.

Но как быть с реальными цифрами и фактами, которые изрядно портят навязываемую нам всем искажённую и откровенно надоевшую картину? Куда нам идти с нашей реальной жизнью и с нашими, как есть, реальными цифрами и фактами, которые её без прикрас отображают? Что с ними-то делать, куда их девать?

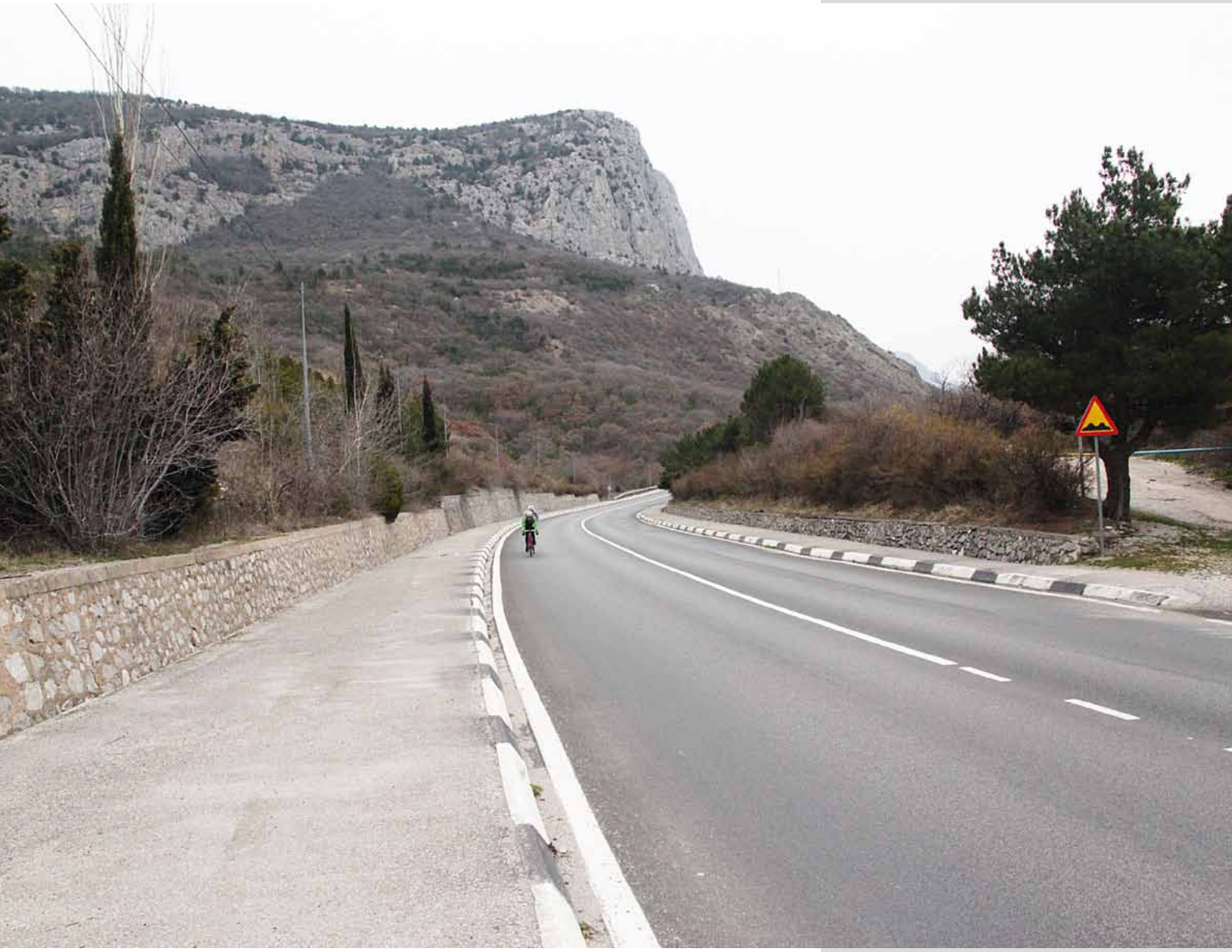
Как быть, например, с тем, что оценки амортизации и износа основных фондов у нас кратно различаются, а по сути, как иное выражение одного и того же явления, должны совпадать? Или с тем, что более 80% наших основных фондов действительно и окончательно изношены и могут

в одночасье системно обрушиться? Воевать с ними, как с оппозицией? И при этом (при точном счёте учредителей наших предприятий, истинная принадлежность которых выявляется только в пятом, а то и более дальнем колене) как быть с тем, что почти равная с российской доля капиталов, в том числе в банках, принадлежит не нам, а нашим конкурентам (и скорее всего, потенциальным противникам) — нерезидентам: физическим и юридическим лицам США, Англии, Франции, Израиля, Италии, Германии, Голландии и т.д., действующим, а подчас и попросту бесчинствующим у нас под прикрытием безродных подставных лиц и офшорных компаний? Как быть с угрозой, которую они создают не только нашему национальному капиталу, но и суверенитету нашей страны? Не потому ли экономика нашей страны оказывается в принципе неулучшаемой и в корне неэффективной, а её массовая база — малые и средние предприятия — на системной основе прямо на корню чахнут и пачками сгорают и навсегда исчезают с лица земли? Можно ли в таких зыбких условиях гарантировать нашу общую безопасность, в том числе и прежде всего — продовольственную безопасность как наиболее уязвимую?

А мудрый в дружбе
О друзьях печется,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнётся,
Как всюду
Закачаются моря.

Дробится камень под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём давно минувшем, —
Дай и в грядущем
Мне побыть с тобой.

1966



Или как быть, например, с тем, что, располагая наибольшими в мире природными и интеллектуальными ресурсами, мы до сих пор освоили едва ли 15% их общего потенциала, а из этой освоенной малости по факту используем всего лишь четвёртую часть! Почему так мало и почему даже наши скромные уровни их использования непостижимо падают? Почему все рыночные активы России сегодня в разы недооценены, а все её пассивы и обязательства кратно переоценены? Как можно в таких просто кабальных условиях гарантировать и поддерживать эффективное развитие экономики России? Какие конкретные меры в первоочередном порядке должны быть приняты руководством страны (и, без подсказок, буквально лично самим президентом), чтобы в кратчайшем будущем, буквально здесь и сейчас, а не когда-либо потом, когда никого из нас не будет, исправить существующее абсолютно ненормальное положение?

Почему в России бедность растёт? Главная причина? Коррупция или бесхозяйственность? Или бедность в России растёт в первую очередь потому, что человек в России получает лишь треть заработанного, а в мире — минимум половину? Почему в России считают и кое-как помогают монетарно бедным, но при этом игнорируют деградировавших, обманутых и обездоленных людей, заброшенная армия которых сегодня превышает армию формально бедных? Ведь именно эти, потерявшие самих себя люди в первую очередь нуждаются в милосердии и справедливой помощи, не так ли? Как их реанимировать и вернуть к нормальному труду и жизни? Не они ли (по сравнению с созданием до 2020 года 25 млн новых модернизированных рабочих мест стоимостью 50 тыс. долл. каждое) должны рассматриваться как более высокий, а возможно, и главный из главных приоритетов страны? Мы ради кого радеем? Разрывы в доходах между богатыми и бедными в России зашкаливают за 18 раз (по неофициальным оценкам — за 40–50 раз), а по регионам России они ещё выше. Мировая норма, кстати, — всего 7 раз. Сколько нам нужно ресурсов и времени, какие конкретно меры должны быть приняты нашими властями, чтобы исправить это унизительное положение?

Почему по всем швам, толком не стартовав, трещит евразийская интеграция? Почему мы, как сообщество просвещённых граждан, не способны настоять на том, чтобы привлечь и поставить во главе этой работы лучшие наши умы, в частности, выдающегося учёного-экономиста, академика РАН О.Т. Богомолова, признанного во всём мире как создателя теории международной экономической интеграции? Почему наши власти скоропалительно отрешили от этой работы другого нашего выдающегося учёного-академика С.Ю. Глазьева, заложившего прочные основы для успешной работы Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана? Неужели лишь для того, чтобы освободить комфортные места международных чиновников нашим провальным министрам и сыто устроить некоторых отставных этнократов и таких же, как наши, провальных «либерально-рыночных» деятелей других стран? Мы что, имеем дело с недружественными кознями или с некими объективными причинами, которые составляют предмет некоей тайны, которую нам не положено знать?

Не потому ли по-настоящему реальных достижений в евразийской интеграции до сих пор нет, или они призрачные и явно неадекватны тем огромным надеждам и затратам, которые они потребовали? Ведь созданный три года назад Таможенный союз трёх стран, вопреки заложенным в нём здоровым началам, по сегодняшний день для нас убыточен, а образованная на его базе Евразийская экономическая комиссия, только и «прославившаяся» за год работы во главе с приснопамятным В.Б. Христенко широко известными огромными тратами и корыстолюбивыми претензиями на расширение своих чиновничьих полномочий, толком сегодня так и не заработала, по существу, позорно провалив здесь всё, что только можно было провалить. В результате мы, вопреки многократным официальным заверениям, к началу 2014 года так и не сумели образовать никакого единого, по существу — не только реального, но и декоративного, — экономического пространства и, соответственно, запустить в работу не только на деле, но даже на словах Евразийский экономический союз. Вновь намеченный старт этого союза в 2015 году предметно тоже никак не определён, а опять всего лишь виртуально обозначен.

Следовательно, не только в истекшем, но и в будущем году присоединяться, кроме декораций, по существу, не к чему и, стало быть, незачем! Если бы это было не так, сегодня, по факту, мы бы не являлись свидетелями не только почти полного отсутствия, но и полной потери интереса к евразийской интеграции. И не только со стороны Украины как самого потенциального и вероятного её участника, но прежде всего — со стороны Китая как ключевого партнёра, представляющего главную ударную мощь и основу основ всего могучего и неделимого евразийского интеграционного пространства, его всеобщий и никакими силами несокрушимый фундамент.

Действительно, с кем сегодня наяву и без узконационального умысла интегрироваться, что присоединять и к чему, по существу, присоединяться? К мнимым успехам убыточной российской экономики, запаздывающим во всём методам её реформирования и насквозь коррумпированным формам управления? Или к ещё более убыточной экономике других стран СНГ, её искорёженной до основания структуре и никак не реформируемой клановой системе управления? К фиктивному взаимному импорту и экспорту, в том числе белорусских и казахских товаров в Россию, их контрабанде и демпингу с неприглядными совместными этнократическими спекуляциями на завышении цен, тарифов и курсовых разниц? Или к убитым на корню былым высо-

ким советским военно-промышленным технологиям и былым, ещё более высоким, стандартам специализации, кооперирования и комбинирования производства, о которых сегодня остались одни воспоминания? К руинам десятков тысяч в мирное время разрушенных заводов и сёл, изношенной до дыр технической и убитой до основания социально-экономической инфраструктуре? Вы кого-нибудь вне России заставите стремиться к генетически модифицированным продуктовым полкам или к вечным монетарным дефицитам и грубым страстям вокруг них? Можно ли стремиться к дикому имущественному и социальному неравенству, социальному дну, постоянным обидам и нарушениям прав человека, разгулу пьянства и наркомании, порождающим в России ежегодный миллионный рост бедности и деградации широких масс ещё недавно социально активных и здоровых людей? Или другие страны можно заинтересовать нашим социально искажённым образом и, по факту, падающими у всех (кроме воров и олигархов) уровнем и качеством жизни, чудовищной смертностью, которая в мирное время у нас на протяжении целых десятилетий превышала и до сих пор ещё превышает рождаемость? Или, наконец, какое-либо серьёзное взаимное внимание можно привлечь нашими (а вслед за нами и практически всех других, кроме Китая, евразийских стран) предпоследними местами в современных мировых рейтингах? Где конец вместе взятым наивным иллюзиям и хроническим и всех отталкивающим лжи и обману? Где та правда, к которой только и будут присоединяться другие страны и народы?

Барьеры для процессов евразийской интеграции сегодня стоят именно здесь, и именно их в первую очередь надо преодолевать, чтобы по-настоящему открыть все эффективные пути в будущее. Конечно, было бы неправильно считать, что никаких определённых заделов и/или светлых исключений на этом мрачном пути у нас нет. Безусловно, они есть, но мы характеризуем ситуацию в целом, а частности без изменения целого нигде и практически никогда ничего не решают и, кроме утешений, ничего не дают.

Почему экономический рост на хронической основе у нас буксует? В стране хроническая рецессия и кризис чего: экономики или беспомощных форм управления ею, кризис управленческих мозгов? Может ли страна сплошного дефицита стоять, как стоят в Москве каждый день машины в пробках, при наличии всего необходимого для обеспечения и поддержания высоких темпов производства? Где действенные механизмы перехода от спада к подъёму? Где команда тех профессионалов, которые не на словах, а на деле способны обеспечить такой подъём? Почему уже давно отстранены от этой работы настоящие учёные, до деталей знающие своё дело, а её выполнение по-прежнему доверяется либералам, провалившим в России за 20 прошлых лет всё, что только можно было провалить? Создаётся впечатление, что наши власти и их горе-советники сегодня весьма примитивно представляют саму суть экономики, пытаясь ставить и решать одновременно разные по своей природе проблемы безработицы (и не только одной рабочей силы, но и природных ресурсов, основных фондов, денег и т.д.), с одной стороны, и инфляции (и опять-таки не только денег, но и всех других, в том числе материальных, активов), с другой стороны, предопределяемые прямо противоположными процессами избыточного роста предложения (первый тип экономики) и, соответственно, избыточного спроса (второй её тип), которые требуют применения совершенно разных методов и инструментов её регулирования и управления. Кто персонально в ответе за это и когда начнёт платить по счетам?

Как нам реформировать нашу экономику, не разрушая хотя бы то, что осталось в промышленности высоких технологий, науке, образовании, медицине и культуре? Как заново выстроить в стране системный комплекс,

включающий 12–15 тысяч заводов и фабрик нового уклада, на основе которого только и возможно выстроить по-настоящему независимую экономику и обеспечить устойчивый её рост, а не ограничиваться латанием дыр и созданием в год 12–15 сборочных предприятий вчерашнего дня для окормления властей предержащих и беспробудно плестись в хвосте мировых цивилизаций.

Кто и что больше сегодня мешает у нас дельным реформам и искомому подъёму? Не останавливаясь на причинах, перечислю (по убывающей степени их важности) те меры, которые необходимо предпринять для исправления ситуации:

— снизить примерно вдвое нынешние карающие кредитные и фискальные ставки: кредитные ставки — с 12% до 6%, привязав их к индексам динамики инфляции; а фискальные ставки (в сумме) — с нынешних 55% до вполне возможных 33% (для малых предприятий — 20%), при которых темпы экономического роста ориентировочно составят не менее 7–8% в год;
— прекратить неадекватное ослабление курса рубля и возможное резкое падение импорта высоких зарубежных технологий, в том числе технологий вторичного пользования, на которых сегодня только и держится на плаву вся наша конкурентоспособная промышленность;
— задействовать скрытые резервы производства, которые у нас по своим масштабам и возможности использования превосходят все другие, вместе взятые, факторы повышения темпов экономического роста;
— прекратить неоправданный, в том числе коррупционный, увод инвестиций и других дефицитных ресурсов, в том числе композитных материалов и IT-оборудования, с рынков производства на мнимо престижные рынки новаций, развлечений и шоу-бизнеса (три мировые Олимпиады, мировой чемпионат по футболу, АТЭС, Транссиб, БАМ, «Сколково» и др.), поглотившие в истекшие годы до четверти всех дефицитных ресурсов и отбросившие уровень технико-экономического развития ущемлённых отраслей экономики на рубеж 60-х годов прошлого века;
— повысить качество технологического, технического, технико-экономического и социального проектирования, лицензирования и опытного тестирования запускаемых в производство проектов и образцов, порождающего их упрощённую унификацию, нарушение авторских прав, произвольную подмену, включая подлоги, и закономерно предопределяющего понижение уровня, качества и конкурентоспособности изготавливаемой на их базе продукции, абсолютное доминирование на современных рынках подставных производителей суррогатных товаров и услуг.

Кто мешает в России преодолению этих административных помех? Само правительство РФ, которое эти помехи своими противоречивыми решениями как раз и создаёт! И поэтому не случайно, а вполне закономерно, что в Госдуме всё громче раздаются голоса об отставке правительства.

Особенность 2013 года состояла в том, что он как бы в мирных условиях, без особого оппозиционного надрыва и истерики, всем ясно и чётко продемонстрировал: экономика страны выдохлась. Эксклюзивы государственного спроса и предложения исчерпаны. Олимпийскими проектами, пафосными обещаниями и обильной «ложью во спасение» её движение в пропасть не остановить, проклятым советским прошлым, западными кознями и глобальным коварством не объяснить. Делать всеобщим пугалом и списывать невообразимую бездарность и громадные потери на одну коррупцию и расточительность нашего чиновничества — стратегия сколь жалкая, столь и тупиковая. Закручивать гайки и под прикрытием улучшения урезать бизнес, увеличивая налоги, поборы и штрафы, с одной стороны, и заниматься крохоборством, разоряя беззащитные малые и беря под защиту столь же криминальные крупные банки, обесценивая рубль и уничтожая доступ к импорту, отбирая у бедных последнее, с другой стороны, — дело вообще неприглядное, если не позорное. Словом, хвататься не за что и прятаться не за кого. Все углы открыты и со всех сторон простреливаются. Судя по объективным показателям, наша страна находится на пороге всеобщего банкротства и социального взрыва.

Кому на руку в России все эти безобразия — в частности, безумное обесценивание рубля, курс которого только за последний месяц упал у нас на 3,3%, за три месяца на 7,2% и за год — на все 12,6% (в евро соответственно — на 2,3%, 5,5% и 14,6%), разом уничтожив всю годовую прибыль и процентные накопления нашего населения и предприятий. И в очередной раз подорвав доверие к стабильности рубля, а заодно и всем другим опорам нашей власти? Для 90–95% нашего населения и отечественных товаропроизводителей обесцененный рубль — это ещё одна удавка на их шее. Известно, что в России при росте курса доллара на 15% цены производителей автоматически повышаются на 25%, а цены для потребителей поднимаются ещё выше. Разве такая курсовая политика преследует и защищает интересы людей? Тем более если знать, что при обменном курсе в 35 рублей реальная цена доллара у нас не поднимается выше 20 рублей. Но нет, это так наше правительство пополняет бюджет, а либерал во главе Центробанка Эльвира Набиуллина утончёнными казарменными методами улучшает показатели работы банковской системы. В чьих интересах совершается у нас очередная денежная интервенция — известно: кучки вороватых офшоров и богатых нерезидентов. И после всего этого власти нашим людям лукаво объясняют, что это не рубль у нас позорно опускается, а курс доллара повышается?! Кому, кроме умственно отсталых, предназначаются такие оглуплённые объяснения «что в лоб, что по лбу»? Ответ прост: вы нам до уровня инфляции ограничили рост тарифов на продукцию естественных монополий, урезали траты и «парашюты» и заставили изрядно поиздержаться на офшорах (40 млрд долл.), Олимпиадах и саммитах (ещё около 50 млрд долл.) — вот вам бешеный рост курсовых разниц, которого нет нигде в мире. Должен же кто-то за всю эту роскошь платить! Не нам, упырям от власти, тратиться! Наши 15–20% прибыли при увеличении ВВП на 1,5% в год — дело святое. Отдайте и не грешите! И до тех пор, пока бенефициары валютной халявы у нас не будут — поимённо! — привлекаться к уплате налога на валюту и не будут от своего имени и за свой личный счёт покрывать указанные траты, обесценивание рубля будет у нас продолжаться сколь угодно долго. И его стабильного, даже на кратно опущенной отметке, не жди! Увы, Россию ждёт очередной дефолт…

И на этом фоне как нам быть с явно тенденциозными оценками итогов 2013 года? Умалчивать нельзя оглашать! Так, что ли? Не теряем ли мы свою привлекательность, отказываясь от таких реальных оценок? Не увеличиваем ли мы энтропию недоверия, не отталкиваем мы от себя многих верных друзей подозрениями в честности и достоверности наших оценок? Не пора ли и не выгоднее ли нам отказаться от культивируемой у нас практики лжи — даже не во имя спасения, как у врачей, а во имя комфортного пребывания во властных креслах — замалчивать и забалтывать правду? Не пора ли нам, как в суде, вести себя честно и достойно и, свидетельствуя без принуждения и без присяги, всегда и везде, независимо от сословной принадлежности и служебного положения, сообщать, заявлять и говорить правду, только правду, и всю правду. Ведь правда во все времена и у всех народов, и в особом порядке на Руси, всегда, даже на войне, ценилась выше любого «благородного» вранья и лжи!

И при этом всегда было важно (а сегодня, быть может, важнее всего) народное умение так мудро и добропорядочно сказать правду, чтобы, несмотря на всю её горечь, никого не обидеть и не множить между людьми реактивные чувства подозрений, неприязни, злобы и мести. Как бы научить наших чиновников достойно говорить такую драгоценную правду нашему народу сегодня? Ведь более мощной силы, чем правда, на свете нет! Именно благодаря ей наш народ выигрывал все самые страшные и лютые войны! Так почему мы так плохо и расточительно используем этот наш самый главный и драгоценный ресурс сегодня? Почему наши чиновники так скупо окормляют государственную Россию, не говоря уже о нас, правдой? Почему у них правда, как последняя сирота, на привязи и в загоне? Кого они боятся? Или они знают что-то такое, чего мы принципиально не знаем и знать не можем? Кто ответит нам на эти вопросы? Ответов нет, народ безмолвствует…

Не затишье ли это перед бурей?

/ Андрей КОБЯКОВ /

Вперёд и вверх

О консервативных принципах перспективной экономической модели для России

«История представляет примеры гибели целых наций, потому что они не умели в благоприятное время решить великую задачу обеспечения своей моральной, экономической и политической независимости».

Фридрих Лист «Национальная система политической экономии»

ПРЕОДОЛЕТЬ ШИЗОФРЕНИЮ

В своем Послании Федеральному собранию Президент РФ В.В. Путин объявил курс на консерватизм, причём высказался в том духе, что Россия должна противопоставить себя разрушительным процессам, идущим в мире, и стать своего рода маяком для здоровых сил человечества. Он подчеркнул, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации». Причём совершенно верно отметил, что смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме.

Таким образом, есть основания полагать, что Путин видит глобальную консервативную миссию России в мире.

Однако нельзя не сказать о том, что с означенной миссией особенно резко контрастирует та радикально-либеральная экономическая политика, которая проводится в России уже более двух десятилетий, и та модель экономических отношений, которая сложилась за это время в нашей стране.

Разрушительный характер этой экономической стратегии очевиден. Среди недавних ярких выступлений, выдержанных в остро критическом духе, отметим доклад патриарха российской политической сцены Е. М. Примакова, который предельно откровенно и резко обозначил губительность либерального курса в России.

На несоответствие проводящейся правительством экономической политики, заявленной президентом консервативной миссии, указал и Михаил Леонтьев в своей колонке «Так нельзя жить. О Послании Путина и «табу на разбор правительства»», опубликованной на сайте «Однако» 12 декабря 2013 года: «Сформулированная достаточно понятно и чётко консервативная политическая парадигма — это очень здорово. <…> Поражает одна вещь: <…> всё, что касается экономической политики, — выглядит очень странно, я бы сказал — вырожденно. Такое впечатление, что президент имеет перед собой мишень и, не имея права стрелять в мишень, всё время стреляет в молоко вокруг мишени. <…> Потому что это, грубо говоря, табу для президента. Нельзя стрелять в десятку. <…> Поэтому совершенно во всех смыслах достойное, красивое президентское Послание имеет огромную дыру в области экономической политики».

Известный публицист делает вывод: «Мы имеем: а) абсолютно негативную, дегенеративную макроэкономическую политику и б) попытки какими-то — достаточно, может быть, интересными и дельными — придумками компенсировать результаты системной макроэкономической политики правительства. Это шизофрения».

Трудно не согласиться с таким диагнозом ситуации.

С заявленной консервативной миссией резко контрастирует та радикально либеральная экономическая политика, которая проводится в России уже более двух десятилетий, и та модель экономических отношений, которая сложилась за это время в нашей стране.

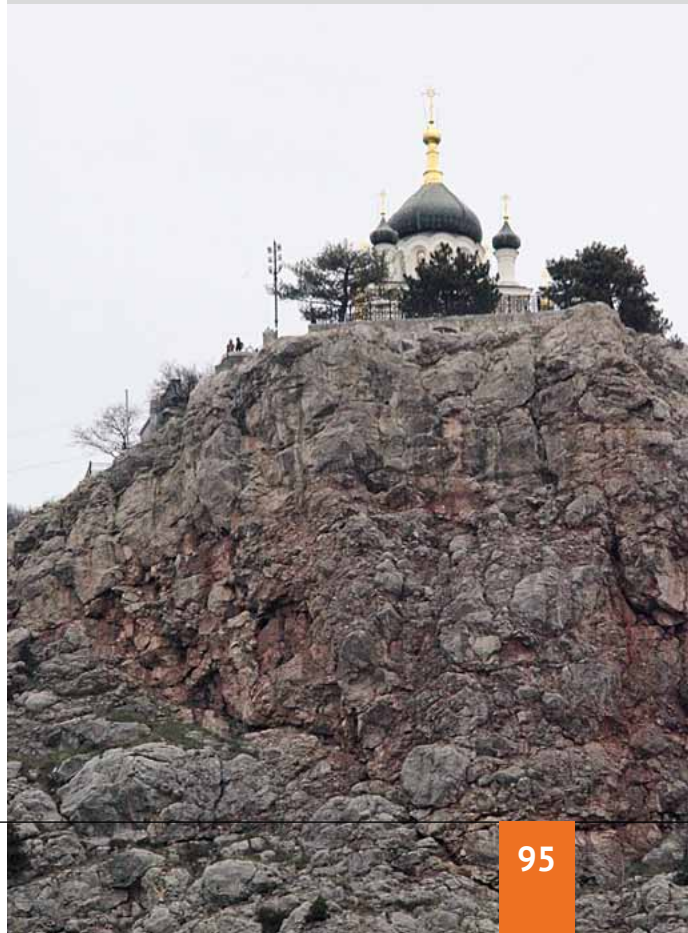
Михаил ЛЕРМОНТОВ

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её подобные морям;
Проселочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841



Таким образом, налицо вопиющее противоречие между реализуемой экономической политикой и сложившейся моделью хозяйственной жизни, с одной стороны, и объявленным президентом консервативным курсом, с другой.

Следовательно, одно из двух: либо всё останется как есть, и тогда поставленные цели не будут достигнуты, а глобальная миссия России будет провалена, либо необходим срочный консервативный разворот в экономической стратегии.

Российские эксперименты с «чистыми» рыночными идеями показали полный провал в качестве модели построения экономики и социума. Этот вывод должен стать отправной точкой перехода к действительно развивающим реформам на основе учёта и использования преимуществ собственной традиции.

В этой статье я попытаюсь тезисно изложить ряд принципов и императивов, на которых должна, на мой взгляд, строиться жизнеспособная перспективная русская хозяйственная модель, основанная на консервативной парадигме, сочетающая в себе прагматизм и ценностный подход.

Но прежде следует остановиться на некоторых предварительных замечаниях, имеющих принципиальное значение.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

В обобщённом виде можно следующим образом представить комплексы взглядов наиболее распространённых идеологий на основы организации и функционирования общества.

Либерализм. Идеал — индивидуальная Свобода; общество тотальной конкуренции, «войны всех против всех»; минимизация роли государства, которое в рамках «общественного договора» остаётся пассивным и лишь следит за соблюдением наиболее общих правил игры. Общее благо в либеральной парадигме — не самоцель, оно является автоматическим побочным результатом конкурентной борьбы индивидуальных эгоизмов и оптимизирующей функции «невидимой руки» свободного рынка. Действия на основе сознательного достижения общего блага вообще вредны, так как они ведут к нарушению «идеального» оптимизирующего механизма конкуренции и рынка. Таким образом, именно индивидуальная свобода выступает инструментом общественного благополучия.

Социал-демократия (и другие производные левой идеи). Идеал — всеобщее Равенство; государство решает проблему неравенства через перераспределительную политику, высокоразвитую систему соцобеспечения, выступает регулятором (а часто и активным участником) экономической деятельности на всех уровнях. Механизмы равенства выступают залогом индивидуальной свободы. Абсолютизация всеобщего равенства (социального, экономического, политического, гендерного и т.д.) и формальных демократических процедур логически приводит социал-демократию к неприятию всех форм авторитарности и иерархии.

Общественным идеалом консерватизма является большая Семья, то есть отношения рода, родства. Общественная иерархия является отражением заслуг перед этой большой семьей — Родиной, Отечеством, место каждого члена этой семьи в иерархии определяется степенью участия в общем деле и вкладом в общее благо (меритократия). При этом права отдельных членов общества пропорциональны ответственности: права и ответственность взаимно отражают друг друга.

В «Русской доктрине» мы писали: «Сущность человека неотделима от его общности с другими людьми. Именно в благополучии общины и рода залог личного благополучия. Именно в суверенитете общины, рода или (на более развитых стадиях) нации — залог личной свободы и личного развития».

Ключевое отличие консервативного взгляда на общественные отношения — **органичность**, а не механистичность устроения социума. Народ, род, семья — это сложный организм, а не отлаженный, чётко работающий механизм. Благополучное функционирование организма зависит от множества сопряжённых взаимосвязанных систем, произвольное нарушение работы которых может иметь летальные последствия для всего организма. Поэтому идеи развития в консерватизме неразрывно связаны с традицией, которая является и метаценностью, и одновременно выступает в качестве встроенного регулятора, ответственного за функционирование всех этих систем. Развитие, согласно взглядам консерваторов, должно быть органичным, должно вытекать из традиции, строиться на основе традиции, следовать саморазвитию традиции.

КОНСЕРВАТИЗМ: ОБЩЕЕ НАЗВАНИЕ, РАЗНЫЕ СУЩНОСТИ

Если либерализм, социал-демократия или коммунизм выступают непосредственно универсалистскими идеологическими конструктами, так как идеи, лежащие в их основе, мало зависят от национальных особенностей, то с консерватизмом всё сложнее.

Консерватизм основан на традиции, а традиции в разных странах, цивилизациях, у разных народов — различаются. Консерватизм просто по определению обязан иметь цивилизационную или национальную «окраску», учитывающую особенности исторического пути развития и систем ценностей конкретных стран и народов.

Таким образом, консерватизмов — много. Универсалистскими в консерватизме выступают лишь некоторые наиболее общие принципы и базовые основы, но не единые идеологические догмы — не говоря уже о конкретных рецептах организации социума и общественной жизни.

Поэтому русский консерватизм, естественно, во многих сущностных аспектах отличается от британской, американской, германской или японской версий консерватизма.

Например, Англия, являясь, по сути, родиной либерализма, в свою традицию включает либеральные ценности. Поэтому англосаксонский консерватизм по определению либерален. Его отличие от чистого либерализма или либертарианства находится преимущественно лишь в сфере общественной морали, но не во взгляде на сами либеральные основы организации жизни общества.

Очевидно, что в силу кардинального отличия традиций консерватизм в России не может быть калькой с англосаксонского либерального консерватизма. Однако сторонники оного в нашей стране есть, и хотя их численно немного, но они влиятельны и сильны. Питательной основой для этих идей является олигархический капи-

тализм, и пока базовый классовый интересант остаётся в силе, данная группа политических акторов не оставляет попыток узурпации бренда «консерватизм», с тем чтобы с его помощью протолкнуть всё тот же набор радикально-либеральных идей.

Эпоха Смуты обычно порождает в России эпоху растерянности в умах — и в этих условиях нередки идейные подмены. Например, в последние годы мы видели попытки занести в «пантеон русского консерватизма» такие «славные» в России имена, как Егор Гайдар, Сергей Кириенко, Анатолий Чубайс… Более того, сейчас, с провозглашением президентом идеологического «вектора на консерватизм», следует ожидать новой волны активизации самозванцев.

Скажем прямо: такой «консерватизм» нам не нужен.

Здоровый консерватизм в России должен быть органичен российскому социуму с его базовыми ценностями, представлениями о добре и зле, стремлениями и чаяниями, ограничениями и табу, причём с учётом особенностей и неразрывности исторической судьбы (несмотря на трагические катаклизмы в истории России, её историческая судьба — едина и неразрывна). Кроме того, он должен исходить из сложившихся реалий, которые определяют необходимость устранения опасных перекосов и накопившихся дисбалансов, решения ряда неотложных задач. В этом проявляется известная прагматичность консервативного подхода — не застывшие и неизменные формы, а творческое применение принципов и традиции.

Для нас совершенно очевидно, что, например, с учётом российских условий одним из важнейших консервативных экономических принципов управленческого характера выступает не невмешательство государства, характерное для англосаксонской версии консерватизма, а дирижизм и корпоративизм.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Экономическим взглядам русского консерватизма не может быть присущ экономикоцентризм.

Еще в 2005 году в «Русской доктрине» мы отмечали, что экономика функциональна, инструментальна по своей сути. Цели экономики вторичны и производны от целей общества.

Равно противоестественен для консерватизма редукционистский взгляд на человека как на homo economicus — рационального экономического субъекта, озабоченного лишь максимизацией потребления и собственного благосостояния.

Поэтому лозунг «Не человек для экономики, а экономика для человека» не сводится в консерватизме к признанию одной только утилитарной сущности экономики. Хозяйство служит не только удовлетворению материальных потребностей, но и является сферой общественных и межличностных отношений, а потому его эффективность поверяется не только известными количественными индикаторами (объём выпуска продукции, душевое потребление, удельные издержки производства, рентабельность и пр.), но и степенью гармоничности этих отношений. Кроме того, экономика — ещё и сфера созидательного творчества. А потому вопрос об эффективности экономики стоит ещё и в плоскости реальных возможностей для раскрытия этого творческого потенциала народа и личности.

Вместо модели «общества потребления» русский консерватизм постулирует модель «общества созидания».

Наконец, эффективная хозяйственная модель должна обеспечить и достаточную конкурентоспособность и, одновременно, устойчивость экономической системы, а в конечном счёте — реальный суверенитет страны.

Таким образом, в системе взглядов консерваторов само представление об экономической эффективности приобретает весьма сложный, многоаспектный, комплексный характер.

Взгляд на экономику как на систему со сложными связями также предполагает, что эффективность этой системы вовсе не является простой суммой эффективностей каждой из составляющих её подсистем. Некоторые подсистемы и компоненты могут быть бесприбыльными, а иногда и планово убыточными — как раз для обеспечения максимизации эффективности системы в целом. К глубокому сожалению, реформы в России последних двух десятилетий проводятся исходя из глубокого заблуждения касательно якобы необходимости тотальной коммерциализации, перевода на коммерческие принципы всего и вся без исключения.

Совершенно очевидно, что для реализации стратегии развития, обеспечения устойчиво высоких темпов экономического роста необходим приоритет инфраструктуры, непосредственная коммерческая окупаемость которой не должна быть принципом. Отсюда же следует, что развитие базовой инфраструктуры (транспортной, жилищно-коммунальной, социальной, научно-образовательной) — предмет заботы, прежде

всего, государства. Поэтому приватизация этой сферы и ставка на частные инвестиции — явная ошибка.

Ещё одним полем столкновения разных взглядов на эффективность является вопрос, касающийся обустройства нашей собственной территории. Каким бы дорогостоящим ни было решение данного вопроса, его нельзя оставлять на самотёк, отдавать на откуп рыночным силам или решать по остаточному принципу исходя из соображений экономии.

В России должна быть обеспечена достойная жизнь её гражданам — везде, независимо от конкретного региона или типа населённого пункта. Поэтому ставка на сверхконцентрацию населения в мегаполисах и агломерациях, основанная на извращённо понятой концепции «точек роста», несмотря на кажущуюся экономичность, в конечном итоге противоречит истинной эффективности и ключевым национальным интересам — такая расселенческая концепция ущербна и самоубийственна для страны, чья территория равна одной седьмой мировой суши.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И РОССИЯ

Одним из основных противоречий в основе переживаемого миром кризиса является отношение между современной финансовой парадигмой и реальной экономикой производства необходимых человечеству благ.

Ещё Аристотель предложил различать два понятия: «экономику» и «хрематистику». Первое означает богатство как совокупность полезных вещей, второе — богатство как накопление денег. «Экономике» в аристотелевском понимании близко соответствует русское понятие «хозяйство» — активное освоение данной Богом человеку природы, с благими целями, то есть во имя обеспечения расширенного воспроизводства рода человеческого. Хрематистика же есть лишь погоня за прибылью как таковой, независимо от способов её получения, предполагающая эксплуатацию низменных и пагубных страстей и пороков человека.

Борьба этих двух тенденций сопровождала всю человеческую историю.

Однако эпоха финансового капитализма ознаменовала радикальный переход мировой экономики в качественно новое состояние. Экономика обрела совершенно ненормальные пропорции «перевёрнутой пирамиды», когда её надстроечная, обслуживающая денежно-финансовая часть довлеет над базовой, производственной, реальной. Налицо ситуация, когда не собака машет хвостом, а «хвост машет собакой».

Приобретая самодостаточную и довлеющую над остальной экономикой сущность, деньги становятся «орудием дьявола». Они меняют баланс в системе целей и ценностей общества и отдельного индивидуума, меняют мотивацию жизни с творческой, созидающей на потребительскую и рваческую, порождают нравственный релятивизм и моральную индифферентность («деньги не пахнут»), закрепляют несправедливость как принцип «мира сего».

«Экономика глобального казино» безнравственна, поскольку не предполагает справедливого распределения доходов по полезным результатам, по вкладу во всеобщее благосостояние, а, напротив, прямо этому принципу противоречит.

Очевидно, что нынешняя финансово-экономическая парадигма сама собой не изменится, так как есть силы, заинтересованные в продлении её существования. Контроль над мировой «алхимической лабораторией», производящей «деньги из воздуха», позволяет целым странам жить не по средствам, расплачиваясь за своё сверхпотребление ничем не обеспеченными долговыми расписками. И эти избранные нации паразитируют на других странах, перераспределяя в свою пользу (иными словами, присваивая) результаты чужого труда.

Постановка вопроса о выходе из кризиса не может ограничиваться косметическим ремонтом системы, доказавшей свою неэффективность в решении действительно насущных проблем человечества и толкающей мир к катастрофе. Настоящее преодоление кризиса предполагает поиски новой социально-экономической парадигмы, в основу которой должны быть положены именно нравственные принципы.

Лидером движения к построению такой парадигмы может и должна стать Россия.

СОЛИДАРНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ОБЩЕЕ ДЕЛО

Среди базовых элементов этой новой модели особое место должны занять **солидарные механизмы в экономике**. Они призваны восстановить баланс и уравновесить то явно чрезмерное, гипертрофированное значение, которое придавалось в предшествующий исторический период конкурентным отношениям, основанным на господстве индивидуалистических ценностей, личного эгоизма и хватательного рефлекса.

Еще одним базовым элементом новой социально-экономической парадигмы должен стать **принцип справедливости**. В российском менталитете справедливость относится к числу основных потребностей. Нерешенность вопросов, связанных со справедливостью, закладывает под нацию множество «бомб замедленного

действия». Не восстановив попранной справедливости, ничего выстроить нельзя.

Россия потратила два с половиной десятилетия на бесплодные и вредные реформы, что привело к деградации экономики и подрыву экономического суверенитета. Очевидно, что для наверстывания отставания и упущенного времени нашей стране необходим резкий качественный рывок в рамках реализации Большого проекта, где **общее благо выступает результатом экономики общего дела**. Однако глубокий раскол современного российского социума, одним из важнейших факторов которого является нынешний гипертрофированный уровень неравенства и неудовлетворённость базовой потребности в справедливости, полностью блокирует возможность осуществления такого проекта.

Следует отметить, что консерватизм, будучи одновременно и ценностной, и рационалистической мировоззренческой концепцией, отрицает идеи полного равенства. Во-первых, индивидуальные способности, возможности, профессиональные качества и навыки, а следовательно, и вклады различных индивидуумов в общее благо — объективно не равны. Во-вторых, в силу этого справедливое распределение не означает абсолютно равного распределения.

Поэтому русское общество ждёт от устройства социально-экономической системы не столько реализации принципа равенства возможностей или, напротив, установления полного равенства, сколько принципа воздаяния по заслугам.

Однако в сложившихся условиях нельзя не признать, что существующий в России уровень неравенства противоестественен и явно несправедлив. И он является объективным тормозом развития. Радикальное снижение этого уровня неравенства — императивное требование, условие гармонизации общественных отношений, условие дальнейшего движения вперёд.

Можно спорить лишь по поводу тех или иных методов устранения этого уродливого неравенства и их уместности в нынешних условиях в России — насколько интенсивно использовать перераспределительную политику государства, в какой мере использовать налоговые и/или бюджетные инструменты такой политики, как избежать при этом социального иждивенчества, как эффективно совмещать меры перераспределительной политики с осознанной политикой государства по созданию условий для малого предпринимательства, развития самостоятельной предпринимательской инициативы и расширения самозанятости и т. п.

Русское общество ждёт от устройства социально-экономической системы не столько реализации принципа равенства возможностей, или, напротив, установления полного равенства, сколько принципа воздаяния по заслугам.

Совершенно очевидно, что с той же целью реализации принципа справедливости в соответствии с ценностями российского общества необходимо дальнейшее совершенствование механизмов перераспределения всех видов природной ренты. Экономическая деятельность, связанная с эксплуатацией недр и природных богатств России, должна в максимально возможной степени работать на всех граждан страны.

ТРУД И КАПИТАЛ: СОРАБОТНИЧЕСТВО И ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Консерватизму свойственно уважительное отношение к собственности — однако это отношение не является безусловным. Нравственное отношение к богатству, моральный взгляд на мироустройство, идеал общественных отношений, построенных по образу родства, предполагают социальную ответственность капитала, ориентацию его деятельности на национальные интересы.

В отличие от распространённого в протестантских странах взгляда на богатство как на признак избранности, в России богатство всегда рассматривалось как инструмент созидания. Тот, кто богат, обладает большими правами, но и большими же обязанностями по созиданию всеобщего благосостояния. Поэтому предприниматель в консервативной парадигме является не просто бизнесменом, но одновременно и мироустроителем.

Социальный мир и гармония требуют от собственника и известного самоограничения, в частности, связанного с созданием благоприятных условий для своих работников.

В идеале фирма становится в чём-то похожей на семью — с взаимными обязательствами, правами и ответственностью каждого; управление должно строиться на основе учёта многообразия интересов всех участников — и владельцев-собственников, и менеджмента разных уровней, и рядовых сотрудников.

Отношения между трудом и капиталом имеют объективно сложную природу. Но в зависимости от применяемых социально-экономиче-

ских и управленческих моделей эти отношения могут приобретать разный преимущественный характер — от антагонизма до сотрудничества.

Либерализм практически целиком снимает вопрос о социальной ответственности, приписывая все гармонизирующие свойства механизму рынка.

Социал-демократия, однозначно стоящая на стороне труда, обременяет социальной ответственностью только бизнес, причём в возрастающей степени — пропорционально уровню богатства и доходов.

Консерватизм призван найти консенсусную позицию, основанную на гармонизации этих отношений, диалоге и взаимной ответственности.

Здоровый консерватизм не может не признавать роль частной инициативы в развитии. Но перспективная экономическая модель в России должна более активно экспериментировать и с поиском новых коллективных форм собственности (совладения), в которых имеется огромный потенциал мотиваций, меняющих отношение и к труду, и к результатам деятельности, способных резко увеличить ключевые составляющие эффективности — производительность и повышение качества.

Либеральные реформы в нашей стране, к сожалению, полностью игнорировали значение трудовой этики, созидательного, производительного труда. Сейчас в России, как и в западном мире, имеет место культ успеха — независимо от того, каким путем успех был достигнут. Этот культ подвергает эрозии нормальные трудовые мотивации. Зачем трудиться, если продуктивный труд не гарантирует справедливого вознаграждения и заслуженного социального статуса, когда, напротив, положение человека в социуме зачастую зависит отнюдь не от уровня и качества его трудовых усилий и степени общественной полезности его деятельности?

Для консервативного сознания, с его взглядом на общество как на большую Семью, совершенно очевидна необходимость создания такой модели экономики, которая поощряет трудовые заслуги и достижения, такой системы, которая обеспечивает справедливое воздаяние за общественную полезность труда, квалификацию и мастерство. Для гармонизации общественных отношений нужно вывести средние зарплаты на уровень, соответствующий общему уровню экономического развития страны, — сейчас в структуре ВВП доля прибыли гипертрофированно раздута, а доля зарплаты — всё ещё недопустима мала.

Соработничество труда и капитала в рамках солидарных экономических отношений, «совместное делание», созидание «всем миром» — это действенный инструмент единения нации, преодоления раскола, отчуждения и социального пессимизма.

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ»

Поиск перспективной модели экономического развития в России в течение почти четверти века находится в заложниках у навязанного извне ложного представления об эффективности открытой экономики, основанного на мифе о якобы существующей в мире свободной торговле и о её непременно благотворной природе.

Проблема открытости экономики имеет две взаимосвязанные стороны вопроса:

— во-первых, открытость, понимаемая как отказ от применения защитных мер и преференций по отношению к национальной экономике и её основным субъектам — национальному капиталу и национальному труду;

— во-вторых, открытость, понимаемая как незамкнутость, разомкнутость, неполнота воспроизводственного контура (в противоположность его полноте, самодостаточности, автаркичности).

Сначала остановимся на первой стороне вопроса.

Принцип «свободы торговли» — порождение англосаксонской (так называемой «классической») политэкономии, краеугольный камень всей либеральной экономической доктрины. Свобода международной торговли обосновывается необходимостью всеобщей «гармонизации» и оптимизации экономических отношений на общемировом уровне.

Совершенно очевидно, что так называемая «свободная торговля» прямо противоречит принципу справедливости или честной конкуренции.

Английское слово competition имеет несколько значений: помимо конкуренции это ещё и соревнование, состязание. Можно ли считать справедливой победу в спортивном поединке, когда она практически предрешена, если на один ринг выходят тренированный боксёр-профессионал и неподготовленный боксёр-любитель или же боксёры в разных весовых категориях? Вряд ли кому-то придёт в голову считать это «честным» соревнованием.

Поэтому честная торговля, справедливые межнациональные экономические отношения ничего общего не имеют со «свободной торговлей».

Другое дело, когда речь идёт о победе в войне за выживание, в войне на полное подавление

врага, на уничтожение его способности к сопротивлению — в такой войне все средства уместны, и глупо пенять на «нечестность» победителя.

Так вот, мировая конкурентная борьба — это не соревнование, а жестокая и бескомпромиссная война. А «на войне как на войне».

Оружием сильной стороны является навязывание слабой стороне принципа «свободной торговли», «свободной конкуренции». В практике международных экономических отношений продавливание принципа «свободы торговли» со стороны высокоразвитых стран на деле становится «отмычкой», инструментом взлома национальных суверенитетов, инструментом закрепления неравенства на глобальном уровне, скрытой эксплуатации, господства сильного над слабыми.

Оружием слабой стороны (будь она пассивно обороняющейся, догоняющей или стремящейся совершить прорыв) становится протекционизм — явный или замаскированный, оборонительный или агрессивно-наступательный, умеренный или тотальный, индивидуальный или коллективный.

Отметим и ханжество, которым за версту отдаёт от призывов к «свободе торговли». Все без исключения развитые на сегодняшний день нации прошли через длительный период **интенсивного протекционизма**. По большому счёту, именно благодаря ему они и стали развитыми и сильными. И только после этого начали переходить к либерализации своих торговых отношений с внешним миром. А серьёзный, тщательный анализ покажет любому объективному исследователю, что все сильные в экономическом отношении страны продолжают использовать протекционизм и сейчас — причём и в явном, и, в гораздо большей степени, замаскированном виде.

«Свобода торговли» — это «доктрина, произведённая на экспорт». Её проталкивают, втюхивают наивным, а ненаивным — всячески навязывают, в том числе силой.

При определении консервативных императивов и приоритетов российской хозяйственной модели в этом вопросе следует иметь полную ясность. Для России актуальны не либерализация торговли и членство в ВТО, а протекционизм и активная поддержка национальных производителей.

Граф С.Ю. Витте в своей работе «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист» писал: «Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы прежде всего русские, <…> а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдалённых и гипотетических интересов человечества. <…> Наше воображение, не стесняемое пределами времени, может предвидеть в отдалённом будущем свободу обмена, основанную на всеобщем мире; но наш здравый смысл, возвращая нас к реальным фактам, в ожидании такого золотого века, указывает нам на необходимость, чтобы наше отечество было снабжено всеми средствами для защиты против действительно существующей национальной борьбы, стирающей с лица земли те нации, которые не заботятся о своих национальных интересах».

«Глобальная гармонизация» за счёт попрания национальных интересов — это фикция. В действительности результатом такой «оптимизации» является закабаление наций, уничтожение их суверенной субъектности.

Подлинная гармонизация на глобальном уровне возможна лишь на основе всей **полноты учёта интересов отдельных наций**.

МИР-ЭКОНОМИКА ВМЕСТО ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ

Второй аспект вопроса о мере открытости экономики относится к противопоставлению «открытость — замкнутость (автаркичность)». Идее открытой, узкоспециализированной экономики, активно встроенной в систему международного обмена и неспособной существовать без такой системы, противостоит идея независимой, **самодостаточной «национальной экономики»**, предполагающей полноту воспроизводственного контура.

В последние два десятилетия внешнеэкономическая политика России, проводящаяся отечественными либералами, с порога отвергает идею автаркии (или квази-автаркии) — весьма органичную для нашей страны.

Однако международная специализация, активное участие в мировом разделении труда редко являются приоритетными факторами развития крупных государств и экономик. Для крупных по размеру стран зависимость экономики от внешней торговли незначительна. Чем больше страна — тем более замкнута и самодостаточна её экономика.

Беспристрастный анализ однозначно показывает, что все крупные страны тяготеют к **квази-автаркии**.

Причина этого понятна.

С одной стороны, организационно-экономические и технологические параметры современного производства таковы, что эффект экономии от масштабов — основа конкурентоспособности в нынешних условиях — достигается только на больших по объёму рынках. Для малых стран достижение такого фактора конкурентоспособности возможно только при условии узкой специализации и работы на мировой рынок в рамках международного разделения труда (для крупных стран указанная проблема несущественна). С другой стороны, такая узкая специализация хозяйства делает экономику чересчур зависимой от внешних условий и предполагает уязвимость страны в случае международных конфликтов, войн, введения санкций, установления блокады и пр.

Возникает острое противоречие: эффективность требует узкой специализации, а это ведёт к подрыву безопасности.

Выходом для малых стран становится региональная интеграция, позволяющая достроить неполные национальные воспроизводственные контуры и коллективно отстаивать свои интересы в международной конкурентной борьбе.

И реальное содержание всех идущих процессов создания зон свободной торговли и прочих подобных ассоциаций по своей сути прямо противоположно глобализационной модели всеобщей открытости и свободной торговли.

Налицо не идиллическая «оптимизация» мировой экономики на основе либерального принципа «свободной торговли» — а оптимизация форм международного экономического соперничества. Геоэкономическое противостояние всё явственнее переходит с межстранового уровня на уровень борьбы макрорегионов.

Отсюда следуют два сопряжённых принципиальных вывода.

Во-первых, стратегия социально-экономического развития России должна отойти от догмы открытой экономики и переориентироваться на развитие внутреннего рынка. Россия занимает 1-е место в мире по территории и 9-е — по численности населения. Расчёты показывают, что нормальным отношением величины экспорта к ВВП России следовало бы считать 12–15%. В действительности же роль экспорта в экономике нашей страны является гипертрофированной и практически в два раза выше нормального значения.

Во-вторых, если говорить более глобально, России надо нацелиться на формирование собственного **мира-экономики** (термин французского историка Фернана Броделя), как «экономически самостоятельного куска планеты, способного в основном быть самодостаточным, такого, которому его внутренние связи и обмены придают определённое органическое единство».

Условия глобализации делают идею «самодостаточности» как никогда актуальной и полезной в решении вопросов обеспечения национальной безопасности.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ

Россия исторически — и в советский, и в досоветский периоды — всегда была именно миром-экономикой.

Но в современном мире, где конкурентоспособность в немалой степени зависит от эффекта экономии на масштабах производства, вопрос одновременного достижения самодостаточности и эффективности напрямую связан с объёмом рынка, на который работают производители. Оптимальный размер такого рынка, по мнению ряда экспертов, — 300–500 миллионов человек.

По сравнению с Советским Союзом современная Россия стала вдвое меньше по численности населения, а следовательно, построение (восстановление) мира-экономики в рамках нынешних наших национальных границ окажется недостаточно эффективным.

Всё это определяет принципиальную важность активизации усилий по продвижению своего **интеграционного проекта** на евразийском пространстве. Для чего необходимы скоординированные действия в области экономики, торговли, финансов, права, политики, дипломатии, идеологии.

Следует отметить отсутствие на сегодня комплексной модели интеграции — в проекте присутствует пока только экономическая идея. Но надо ставить планку выше, иначе существует высокий риск, что и эта идея не воплотится. Исторический опыт России свидетельствует о том, что для успеха крупного проекта недостаточно одного лишь практицизма, общество редко вдохновляется голым прагматизмом — проекту нужна сверхзадача, измерение «вверх».

На фоне относительной разработанности экономической составляющей интеграционной инициативы зияющей лакуной остаётся его идеологическая компонента — в частности, не артикулированы социальная модель интеграции, мировоззренческие и ценностные установки, историко-культурная основа и пр. Сегодня Евразийский союз не предлагает своего видения общественного идеала. Однако без этого союз лишь на базе экономических и даже военных интересов может оказаться весьма хрупким.

В целях успешного создания действительно прочного образования на повестку дня следует срочно поставить вопрос о разработке проблемы евразийской идентичности. Необходимо, чтобы люди на евразийском пространстве ощущали свою принадлежность к чему-то общему и единому, необходим единый мировоззренческий базис и единый общественный идеал («евразийская мечта», «евразийские ценности»), благодаря которым все они, несмотря на разные национальности и вероисповедание, стали бы общностью.

От измерения «вверх» во многом зависят и возможности развития проекта «вширь», в том числе перспектива включения в этот проект государств из-за пределов постсоветского пространства (Индия, Иран, Турция и др.).

Интеграционный проект может и должен позиционироваться не только как взаимовыгодная торгово-экономическая инициатива, но и как **цивилизационная альтернатива**, нацеленная на истинный прогресс человечества.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Кадры для нового курса: где их взять?

Самый проклятый вопрос сегодня в РФ: где взять толковые управленческие кадры? Людей, которые могут ответственно и успешно сделать порученное дело, при этом не завалив его, не превратив в очередную конфузию и не украв попутно 70% ассигнованных государством средств? Кто будет проводить реиндустриализацию страны? И кем вообще заменить «незаменимых» неолибералов-монетаристов?

НЕСОВМЕСТИМОЕ

Как минимум с мая 2012 года неэкономическая политика Владимира Путина входит во всё большее и опасное противоречие с экономическим курсом государства. Защита традиций, здоровой гетеросексуальности, человеческой семьи, повышение рождаемости у русских, культивирование патриотизма, наращивание оборонных и социальных расходов, реинтеграция русских земель, построение ЕвразЭС, объявленные главой государства, требуют соответствующей экономики. Экономики с развитыми индустрией и агропромом, со множеством источников пополнения доходов в виде успешно

работающих предприятий реального сектора, и лишь затем — услуг. Экономика сия должна быть дирижистской и проектной (с сильным плановым началом), многоукладной (с многообразием форм собственности), на данном этапе (ради восстановления рентабельности производства) — протекционистской, как в Российской империи в 1890-х годах. Безусловно, достижение поставленных Кремлём целей потерпит полный крах (и вызовет крах бюджета РФ), коли экономика Росфедерации останется экономикой «Газпрома» и нефтяных компаний — сырьевой.

Если говорить совсем кратко, то — либо заявленные В. Путиным цели и задачи, либо — членство РФ в ВТО, Набиуллина во главе Центробанка, Силуанов во главе Минфина и Улюкаев во главе Минэкономики.

В течение 2012–2013 годов были сделаны экономические шаги, подрывающие заявленные Кремлём идеологические и общественно-политические стратегемы.

Вталкивание РФ в ВТО одновременно с принятием майских 2012 г. указов В. Путина (с огромным наращиванием расходов государства) уничтожает рентабельность производства в стране и делает невозможной суверенную, подлинную индустриализацию. Оно режет и перспективы развития агропрома, делает невозможным завоевание продовольственной независимости РФ. Оно ведёт к ежегодным потерям бюджета как минимум в полтриллиона рублей, консервирует импортно-сырьевой характер экономики и уже стало толчком к падению производства в стране. Когда государство драматически наращивает свои расходы, одновременно уменьшая источники доходов и занятости, это — путь к катастрофе, грозящей РФ в 2014–2015 годах.

Почему так случилось? Потому что окружающие В. Путина высшие кадры экономического управления государством — ярые либералы, сторонники ВТО, органически неспособные быть капитанами новой индустриализации. Помимо упомянутых Набиуллиной, Силуанова и Улюкаева это — вице-премьеры Игорь Шувалов и Аркадий Дворкович, премьер Дмитрий Медведев. И все сопутствующие им лица. Каковые, кстати, совершенно не имеют ни опыта успешного управления предприятиями реального сектора в нынешних непростых условиях, ни старого советского опыта. Как и опыта подъёма регионов в крайне неблагоприятных условиях неолиберальных (по-российски) «реформ». То есть нового Генри Форда среди сего контингента нет.

Максимилиан ВОЛОШИН

БЛАГОСЛОВЕНЬЕ

Благословенье Моё, как гром!
Любовь безжалостна и жжёт огнём.
Я в милосердии неумолим:
Молитвы человеческие — дым.

Из избранных тебя избрал Я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся низменность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздёрнутой на виску, то в петле, —
Тебя живьём свежуют палачи —
Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтён.
Твои молитвы в сердце Я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнёшься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

И если смотреть непредвзято, то у Владимира Путина нет:

— высших управленцев, способных выстроить разумную экономическую политику неоиндустриализации, провести в жизнь адекватные протекционистские меры, выстроить суверенную финансовую систему, способную кредитовать (под низкие проценты и надолго) промышленность, агропром, прикладную науку и строительство инфраструктуры;

— сторонников не «гайдаро-чубайсономики», а экономики Нового курса, каковой лишь один может стать основой политики патриотизма и защиты традиций.

Всё это усугубляется четвертьвековым отбором в госаппарат совершенно случайных людей, которые назначались на государственные посты не по деловым и управленческим талантам, а по принципу родственных связей, фаворитизма, угодливости начальству и по способности красть деньги (вымогать взятки), делясь при этом с вышестоящими. Более того, давным-давно существует теневая система покупки государственных должностей (симонии) в РФ, после которой те, кто их приобрёл, начинают яростно воровать, возвращая затраты и добывая барыши. Повальным явлением стало назначение на высокие должности в бюрократической иерархии и в управлении госкорпораций совершенно молодых людей, не имеющих ни малейшего управленческого опыта в промышленности, науке, агропроме (свежий пример — назначение главы Федерального агентства научных организаций).

Всё это превратило госаппарат РФ в «антигосударство», в страшную по разрушительности и бесхозяйственности силу. В некое подобие то ли раковой опухоли, то ли сообществ болезнетворных вирусов. Попытка приспособить такой «госаппарат» к решению задач неоиндустриализации и провозглашённого В. Путиным неоконсерватизма приведёт к развалу сначала экономики, а затем — и РФ. Самое же неприятное заключается в том, что Кремлю просто неоткуда взять людей иных качеств на посты управленцев. Вертеть штурвал в нужную сторону бесполезно: штуртросы либо перебиты, либо их крепко заело.

Но можно ли изменить положение и избежать краха?

Можно. При наличии воли высшего руководства и независимости его мышления, каковое позволяет применить непривычные для РФ методы кадрового отбора. Позволяет пойти наперекор сложившейся «системе отрицательного отбора» кадров.

ОПРИЧНО И ПАРАЛЛЕЛЬНО

Рассчитывать здесь на государство невозможно — оно безнадёжно заражено метастазами коррупции, продажности, симонии, фаворитизма и клановости. Преувеличены ожидания и от свободы выборов: первоначально они вынесут наверх не самых компетентных и честных, а наиболее горласто-демагогических и хорошо профинансированных. А значит, нужно построение параллельных нынешнему госаппарату (опричных) структур отбора людей высших нравственных и профессиональных качеств.

Первейший кадровый резерв здесь — люди реального бизнеса, которые смогли в крайне неблагоприятных условиях РФ поднять свои компании, обеспечивая и высокие средние зарплаты на своих предприятиях, и высокий уровень выплаты налогов в расчёте на одного работающего. Примыкает к этому потенциальному резервуару кадров корпус региональных государственных управленцев, сумевших поднять свои регионы во всех сферах, при этом не за счёт сырья, добываемого на их территориях. Ярчайший пример здесь — губернатор Белгородской области Евгений Савченко.

Но как отобрать корпус таких людей? С чего начать?

Причём задачу отбора «преображенцев» из реального, производственного бизнеса придётся решать параллельно с ещё одной важной задачей: защитой лучших компаний и предприятий страны (то есть обеспечивающих высокие средние зарплаты персонала и высокие же показатели уплаты налогов в бюджет в расчёте на одного работника) от уничтожения чрезмерно расплодившимися бюрократами из «антигосударства» и всё более хищничающими силовиками.

Решать эти задачи по отдельности невозможно. Успешные предприниматели из реального сектора — истинный «золотой запас» кадров — сегодня просто уничтожаются как класс.

В сегодняшней РФ любое успешное предприятие моментально становится объектом атаки целой стаи государственных шакалов. Многочисленных проверяющих и мытарей, норовящих обобрать до нитки. И в погонах, и в гражданских костюмах.

Повседневная деятельность любого предпринимателя в РФ состоит из вынужденного общения с оравой проверяющих. К тебе приходят Роспотребнадзор, Трудовая инспекция, санэпидстанция (СЭС), Ростехнадзор, профильные отраслевые департаменты области, района,

города, посёлка. За ними тянутся Росреестр, кадастровые палаты, земельные комитеты.

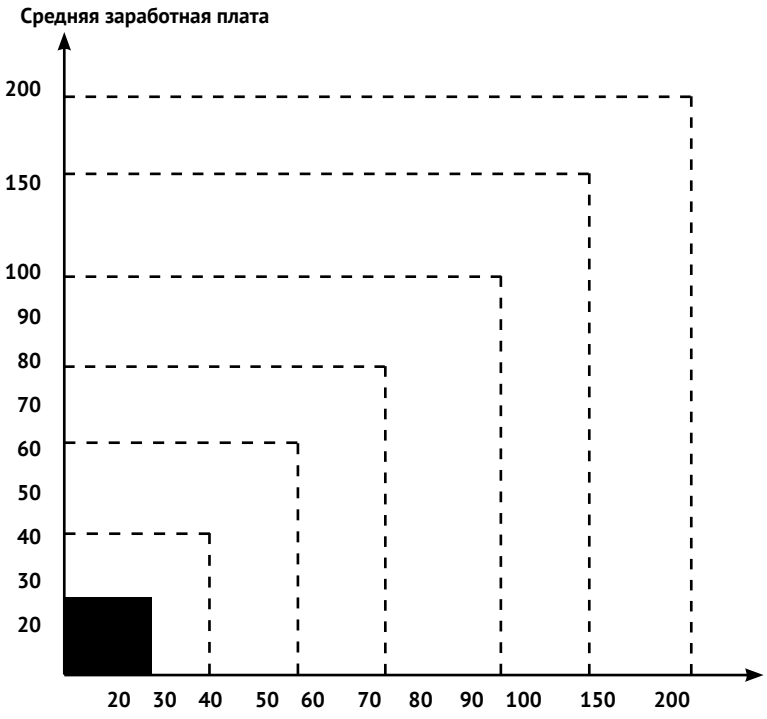
Вся эта свора считает себя начальниками как минимум галактического масштаба — со своими правилами, «закидонами» и, конечно, таксами-тарифами.

Ну а что касается финансов, то тут у нас есть налоговая инспекция, проникнутая худшими советскими подходами к общению с налогоплательщиком. Есть ещё финансовый кон-

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил Я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожжённый Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

1923



троль со Счётной палатой во главе, Управление экономической безопасности МВД и, конечно, «око государево». Вернее, их теперь у нас два: Генпрокуратура и Следственный комитет.

Причём чем честнее работает компания, чем больше платит налогов и чем выше зарплаты её работников — тем более заманчивой целью для оравы мародёров она служит. При этом рядом будут работать компании горячих кавказских парней (с обеих сторон хребта), нарушая все мыслимые нормы, — но им за это ничего не будет.

Как изменить подобное положение? При любом исходе дальнейшей истории РФ?

Сегодня как сказка вспоминаются первые шаги частного бизнеса в СССР, когда санэпидстанция не грабила тебя, а указывала на недостатки, которые нужно было устранить. Или когда тебе давали пятилетние налоговые каникулы. Однако в ближайшее время сия сказка не вернётся.

Но чего хотелось бы добиться? Для начала — защитить от государственных шакалов здоровые, законно и честно работающие компании, направив их стаи на те фирмы, что действительно налогов не платят и показывают низкие зарплаты работников. То есть там — лютуйте и «выгрызайте нечисть», а попробуете сунуться в сферу полезного для общества бизнеса — получите по башкам. Приедут разбираться уже с вами.

Когда шакалы сделают своё дело, их проблему тоже придётся решать. Но это — следующая по перспективе задача. Для начала нужно создать механизм для чёткого определения здорового бизнеса и его «маркирования» в некоем национальном реестре. Каковой реестр станет кадровым резервом и для государства.

Что мы предлагаем? Создать нечто вроде «Почётного легиона» отечественного бизнеса. Как параллельную имеющемуся госаппарату общественно-государственную организацию.

ЗАБЫТАЯ ИДЕЯ «СИНЕГО ОРЛА»

В США в 1933 году был принят Акт о восстановлении национальной индустрии (NIRA — National Industry Recovery Act). Для его реализации было создано ведомство NRA — Национальная администрация восстановления во главе с генералом Хью Джонсоном. Все фирмы и предприятия, которые принимали участие в программе ведомства (в обмен на помощь государства они должны были выдерживать определённые показатели по ценам, зарплатам и показателям производства) получали знак «Синего орла». Орла, держащего в одной лапе связку молний, а в другой — шестерню. Этот знак они должны были помещать на своей продукции и на вывесках своих зданий. Синий орел показывал, что предприятие находится под особой защитой государства, что оно работает на благо нации, что честные граждане, радеющие о выходе страны из Великой депрессии, должны покупать продукцию компаний с таким вот знаком.

Надежд на эту программу было много. 13 сентября 1933 года в Нью-Йорке даже прошёл парад NRA. Маршировали четверть миллиона человек — работников швейной промышленности, коммунальщики, розничные торговцы, пивовары и даже труппа мюзик-холла «Рэдио Сити». В небе пролетело 49 самолётов.

Джонсон не справился со своей задачей, и президенту Рузвельту с 1934 года пришлось делать, в общем, то же самое, но в другой форме. Однако нам важно рациональное зерно в том эксперименте: тот самый единый государственный знак для выделения в общей массе самых здоровых предприятий и компаний.

Мы с нашими друзьями-предпринимателями решили творчески развить его и применить на русской почве.

КТО БУДЕТ ПРИЗНАН ЭЛИТОЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА?

Но как найти лучших из лучших в деловой сфере? Брать для критерия только оборот или объ-

ём прибыли нельзя. Что толку в нефтегазовых государственных компаниях, если у них денег — полно, но работники в среднем — с невысокой зарплатой? И если прибыль делается за счёт сырья, а не из сбыта собственной продукции с высокой добавленной стоимостью? Если частный «Сургутнефтегаз», будучи гораздо меньше «Газпрома» и «Роснефти», налогов с тонны добытой нефти платит куда больше них? Если эта продукция низкотехнологична, в ней нет наукоёмкости и большой доли квалифицированного труда? Нет, чисто финансовые показатели тут не проходят.

Чтобы отделить действительно отборную, «гвардейскую» часть отечественных бизнесменов и предпринимателей, нужно построить (см. рисунок) таблицу из двух координат. На одной оси отмечается уровень зарплат на предприятии, на другой — объём выплачиваемых в бюджеты всех уровней налогов в расчёте на одного работающего.

В левом нижнем углу таблицы получится «чёрный квадрат» никак не по Малевичу. Попадание в такую зону однозначно должно вести к санации компаний.

Что за пределами «чёрного квадрата»? Мы получим этакий сектор — прямоугольную область, выделенную пунктирными линиями. В неё попадают те компании и предприятия, что либо платят и высокие средние зарплаты, и большие объёмы налогов (вершина правого верхнего угла) — лучшие из лучших. Можно сказать, «генералы». Те, кто ведёт хозяйство рационально и предприимчиво, применяет передовые технологии, снижает издержки и не раздувает непроизводительный аппарат клерков-менеджеров.

Если же «генералы» снижают объёмы налогов и зарплат своих коллективов, то они опускаются ниже по уровням верхнего угла, переходя в ранги «офицеров», а то и вовсе вылетая за пределы бизнес-элиты.

Но туда попадают и те, кто платит высокие зарплаты, но небольшие налоги. Например, это небольшие высокотехнологичные фирмы, получившие налоговые льготы или вообще податные каникулы на время своего развития. Ибо хоть они дают в бюджет пока что мало отчислений, но зато не скупятся на оплату труда своих работников. Что тоже — на благо общества. Ибо зажиточные работники тратят деньги в стране (в регионе, в городе), давая работу другому бизнесу. А заодно — платят и налоги с личных доходов. Такие фирмы сначала ходят в чине «лейтенантов». Но могут подняться и до «генералов». Когда окрепнут и перестанут нуждаться в налоговых льготах больших масштабов. А могут и вылететь в «чёрный квадрат», в область неудачников.

В «лейтенанты» попадают и те компании, что обеспечивают высокие объёмы налогов при низких средних зарплатах работников. Сюда попадут сырьевые компании. Однако они могут подняться выше, если наладят переработку сырья в стране, займутся созданием передовой промышленности.

В сущности, у одной и той же деловой группы могут быть и «генеральские» предприятия или проекты, и «офицерские», и вообще аутсайдерские. Но если есть объективно определённая и выстроенная по рангам бизнес-гвардия, то можно обратиться к ней за помощью — и тогда она сможет взять эти предприятия (проекты) и поднять их.

«Офицеры» могут прийти на судебный процесс по банкротству и поручиться за того, кто потерпел неудачу. Конечно, они будут после этого нести ответственность за выход из «чёрного квадрата» того, кого они взяли на поруки.

С помощью принципиально простой схемы мы получаем «машину кадрового отбора», причём сугубо объективную.

ПОЧЁТНЫЙ ЛЕГИОН

По сути дела, речь идёт о том, чтобы создать некий аналог и знака «Синего орла», и аналог французского Почётного легиона. Во Франции ведь всего один орден (Почётного легиона), но с градациями — легионер (кавалер), офицер, командир (командор) и высший офицер. Орден, таким образом, является не просто бирюлькой на груди, а настоящим орденом заслуженных людей страны, имеющим юридическое лицо и состоящим из шестнадцати территориальных когорт. Орден реально защищает своих членов, и государство обеспечивает им надлежащие привилегии.

Почему бы нынешнему Минэкономразвития не подумать над тем, чтобы создать аналог такого ордена Почетного легиона для национального предпринимательства? Тут — если двигаться от основания выделенного пунктиром угла к его вершине — получаются свои лейтенанты, капитаны, майоры, полковники и генералы. С одним отличием: оная меритократия (власть достойных) будет динамичной. Снизил показатели — пожалуй вниз по лестнице рангов, а то и вообще за пределы гвардии. Повысил — поднялся.

При этом можно давать знак, скажем, «Красного орла» разных степеней — офицерских и генеральских. Пусть он отличается размером и тем, что орёл держит в лапах. Но если ты получил такой знак от государства, если поставил его на свою вывеску, продукцию и документы, то попадаешь под особую защиту власти. Если на тебя нападут разные там государственные шакалы, то с ними автоматически приедут разбираться из самой Москвы. Чтобы наказать их, убийц самой здоровой части национальной экономики. Кстати, чтобы как можно меньше зависеть от чиновников, «предпринимательский легион» должен быть отдельным юридическим лицом, истинным общественным союзом успешных промышленников и предпринимателей. Его штаб-квартира, подобно капитулу французского ордена Почетного легиона, будет находиться в столице, имея юридическое лицо и территориальные округа.

Имея такие знаки отличия, наш предприниматель может не опасаться того, что некто устроит ему парочку дополнительных проверок. Что в Росреестре затянут регистрацию компании. Что нечистый на руку молодчик из УБЭПа придёт к нему отрабатывать чей-то рейдерский заказ. И вообще — человек сможет работать, не боясь, что его начнут «кошмарить» и «нагибать».

Так мы защитим самый здоровый и честный, самый полезный для общества слой предпринимателей от своры государственных мародёров, направив их на санацию самой нездоровой части экономики.

Не забыв при этом некоторые предохранительные механизмы и необходимые исключения из правил.

ТОЛЬКО НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР!

Чтобы не было искажений, мы полностью исключим из своей системы государственные предприятия — здесь должны быть только частные, акционерные, кооперативные фирмы и предприятия с собственностью трудовых коллективов. Исключаются из гвардии госкомпании, казённые и унитарные предприятия, вся бюджетная сфера.

Исключаются отсюда и те фирмы, чей сбыт почти целиком зависит от государственного спроса. Это — монопрофильные компании военно-промышленного комплекса, многие предприятия атомной отрасли. Или же такие уважаемые предприятия, как НПО «Молния»,

например, которое попало в бедственное положение, потому что дурное государство не стало развивать сферу, под которую «Молнию» и создавали — многоразовые лёгкие авиакосмические системы. Космическую авиацию то есть.

Естественно, создание такой «гвардии-легиона» не является панацеей. Одновременно для оздоровления экономики нужен выход из ВТО или хотя бы понимание откровенной враждебности её интересам развития страны. Иначе национальный реальный сектор не поднимется, и слишком много предприятий будут погибать неестественной смертью. Конечно же, нужно изменять налоговую систему, снимая нагрузку с реального производства и НИОКР.

Нужно перестраивать финансовую систему, чтобы обеспечить реальному сектору кредиты под столь же низкие проценты, как в США или Канаде. Ведь политика нынешнего Центробанка нацелена на «зажатие» и, в конечном итоге, на резкое сокращение числа банков. Система обязательного резервирования, например, практически не оставляет банкам никакого манёвра, никаких возможностей для кредитования реального сектора экономики.

Нужно обеспечить стабильность тарифов на энергию и перевозки. Нужно построить и действенную систему борьбы с коррупцией.

КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ — И НЕ ТОЛЬКО...

Однако принципиальная основа создания экономической гвардии остаётся прежней. По сути, это — государственно-частное партнёрство.

Что получает государство? Прежде всего — нормально работающую экономику, а не кошмарное «зазеркалье».

Во-вторых, государство и общество обретают качественный кадровый резерв. Те самые кадры, что решают всё. Тот самый столыпинский класс крепких и предприимчивых хозяев, если хотите. Теперь понятно, откуда — по вполне объективным показателям и за реальные достижения! — брать талантливых, деловых управленцев в госаппарат. Дельных людей, а не каких-то непонятных мальчиков и скороспелых выпускников «элитных вузов», не чьих-то сынков или фаворитов. Заодно государство видит, кто лучше всего мог бы выполнить его заказы-подряды, кто может выступить партнёром в проектах с частно-государственным партнёрством.

Всегда понятно, с кем можно связаться, для того чтобы попросить вытянуть падающие предприятия, а то и целые территории, впавшие в депрессию. Видно, кому можно давать льготные кредиты для развития. Напомним, что сила американцев — как раз в обмене успешными кадрами между госаппаратом и корпорациями.

Если кадровый вопрос не решить в ближайшее время, то РФ ожидает подлинный крах. Объявленный курс на защиту традиций и русского патриотизма, соединившись с «антивеществом» в виде монетаризма-неолиберализма Минэкономики, Минфина и ЦБ РФ, вызовет аннигиляцию. Взрыв.

Ну а заодно решается и проблема поголовья государственных шакалов. Сначала их отправят служить действительными «санитарами леса». Ну а потом, когда они выполнят свою миссию и лишатся корма, можно приступить к сокращению их численности.

Но это — уже иная тема.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ

Одновременно нужно пополнять госаппарат выдвиженцами из успешных регионов. Но не так, как мыслится сейчас.

В администрации Президента РФ тамошние умники придумали: создать систему неких индикаторов, которые покажут эффективность работы региональных чиновников. Дескать, так можно формировать кадровый резерв страны.

Но это же чушь полная! Региональные чиновники работают в команде губернатора, и критерий их успешной работы — процветание региона. Как в Белгородской области, например. Как можно отдельно оценить работу того или иного чиновника, если речь идёт о команде? Как можно на основании одних и тех же индикаторов оценить работу столь разных чиновников-отраслевиков, как финансист, управляющий здравоохранением и куратор промышленности, например? Как можно сравнивать главу департамента сельского хозяйства и сборщика налогов по одной и той же методике?

Полная чепуха! Тут должен раздавать отличия сам капитан команды, губернатор. Причём его самого оценивать должны избиратели, а не только Москва. Губернатор должен представлять своих управленцев к наградам. Да и сам губернатор успешного региона — первейший кандидат на повышение. Повысь — и спроси его, кого он считает нужным взять

с собой на новое место работы. Так и кадровый резерв образуется.

Нужно внимательно присмотреться именно к успешно работающим губернаторам.

РЕГУЛЯРНАЯ СМЕНА КОМАНД

Одновременно необходимо предусмотреть периодическую смену правительственных команд. Или, как выразился футуролог Сергей Переслегин, создать аналог сменных экипажей подводных лодок. Делается это ради того, чтобы правительственные управляющие периодически вырывались из рутины и «текучки». Ибо, работая в правительстве, они не в силах воспринимать новые идеи и знакомиться с мировым опытом, а общение с высокими чиновниками сводится к принципу «письмо на полутора страничках». В то же время «фабрики мысли» работают как бы в пустоте, не имея практического опыта воплощения своих идей и будучи не в силах донести свои наработки и предложения до действующих министров. В итоге интеллект существует отдельно от госаппарата.

В системе сменных команд одно правительство с отборными управленцами через несколько лет должно сменяться на другое, не менее отборное. При этом непрерывность правительственного курса обеспечивается главой государства, законодателями, принятыми планами и программами. Временно сменившаяся команда идёт на работу в «фабрики мысли», фонды, институты на высокооплачиваемые должности. Она знакомится с мировыми тенденциями и идеями отечественных интеллектуалов, привнося в деятельность «мозговых трестов» свой практический опыт и связи, сама создаёт новые управленческие разработки, рождает свои идеи. Вырванная из изнурительной административной гонки, «отдыхающая» команда имеет возможность повысить квалификацию, осмыслить сделанное, ознакомиться с умными книгами, прочесть важные исследования, посмотреть на ситуацию с птичьего полёта, поучаствовать в мозговых штурмах и командно-штабных играх. Проведя таким образом энный промежуток времени, «отдохнувшая» команда вновь возвращается в правительство. А те, кто в нём работал, уходят в «мозговые тресты».

Надо сказать, что успешные директоры и владельцы промышленных предприятий имеют весьма ценный опыт, который можно распространить на общегосударственный масштаб. Естественно, с нужными усовершенствованиями.

Перед моими глазами — опыт ещё «красного директора», владельца ЖБК-1 в Белгороде Юрия Селиванова. Как он поднял завод в условиях тотального развала после 1991 года, как увеличил число рабочих мест с трёхсот до 4 тысяч? Задействовав потенциал рабочих и ИТР, авторов рациональных предложений и изобретений.

Он понял, что рабочему или инженеру с рацпредложением пойти некуда. Придёт к мастеру — а тот скорчит недовольную рожу. Зачем что-то менять и улучшать? Если же рацпредложение (изобретение, инновация) и будет принята, мастер потребует вписать и его в авторы. А потом и начальник цеха потребует себя вписать в изобретатели тоже. В конце концов самого автора — рабочего или ИТР — выкинут из списка авторов, и все награды получит начальство. Всё это на корню губит изобретательность работников.

Юрий Селиванов придумал иную систему. Во-первых, издал диктаторский приказ: за «замыливание» и удушение инноваций/рацпредложений любой начальник беспощадно увольняется. Во-вторых, создал «опричную» инстанцию, в которую, минуя начальство, может прийти инноватор — хозрасчетное «Интеллект-Сервис-ЖБК-1». Маленькая эта структура получает 10% от полученного экономического эффекта, а её глава в любой момент получает доступ к руководству заводом. А потому — может каждый день сообщать о начальнике — саботажнике полезных инноваций.

И это начало работать! Завод постоянно получает выгоду и развивается, рационализаторы поощрены и работают. Начальство не может ничего «замылить» по самодурству или корыстным соображениям. (Ибо иной раз начальники внутри корпорации не хотят снижать издержки, ибо имеют откаты за счёт закупок или затрат на тот же ремонт.)

В общем, на уровне одного предприятия Юрий Селиванов построил некий гибрид из фордовской системы, научно-инновационной опричнины (Спецкомитета Берии при Совмине СССР) и Агентства передовых разработок. Можно сказать, что деятельность Ю. Селиванова — тоже важная часть нынешнего Белогорья (модели развития Белгородской области).

Та же самая система отлично может быть применена в масштабе всей страны. Не только на заводах или в крупных корпорациях, но и на уровне правительства. Так может работать Агентство передовых разработок (в связке

с РАН и второй академией). Тут тебе и прорыв в свиноводстве можно обеспечить, и в медицине, и в авиастроении — долог сей список.

Главное — задействовать опыт людей дела в госуправлении. А для того нужна и система сменных команд.

ОТКАЗ ОТ СИСТЕМЫ «СИГНАЛОВ». ОТНЫНЕ — ТОЛЬКО ЧЁТКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Во имя оздоровления кадровой политики должна измениться и обстановка «наверху». Первые лица страны должны навсегда отказаться от порочной системы туманных намёков-сигналов и перейти к отдаче недвусмысленных повелений и распоряжений, к доведению своих решений в максимально ясном виде.

Сама система «сигналов» — плод долгого разложения бюрократической системы, торжества безответственности. Ибо в любой момент первое лицо может заявить, что его «не так поняли», и спихнуть ответственность на «стрелочника». Такая система ведёт к разложению системы госуправления именно сверху — ибо «сигналинье» спускается всё ниже и ниже. Первое лицо должно доносить свои распоряжения чётко. На то оно и первое лицо, вождь.

Не нужно бояться подавления инициативы и мелочной регламентации: высшая воля всегда дает исполнителям простор для творчества и разумной инициативы. Ибо, как правило, первые лица задают только генеральные цели и направления, а пути их достижения — дело умных и предприимчивых подчинённых.

Переход к ясному целеуказанию из Центра окажет мобилизующее воздействие и повысит ответственность в целом. Включая и ответственность первых лиц.

Ну а дабы не попадать впросак и не страдать волюнтаризмом (синдром «хрущёвской кукурузы»), первые лица должны предварительно работать с собраниями профессионалов и слушать их мнения. Так, как это делал сам Иосиф Сталин, принимавший решения лишь после обсуждения в кругу ответственных практиков. К сожалению, волюнтаризм и самодурство в верхах РФ сегодня слишком часты.

/ Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ /

Русское чудо XXI века

Третья производственная революция в России не только возможна, но и весьма вероятна. Это не какое-то «русское чудо», а своего рода производственная необходимость.

ЧАСТЬ 1. НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Более 50 лет назад, в июне 1963 года в Кремлёвском Дворце съездов состоялась премьера фильма, на которой присутствовало не только руководство Советского Союза, но и весь дипломатический корпус. Это был двухсерийный художественно-документальный фильм «Русское чудо», снятый кинематографистами уже не существующей теперь страны — ГДР о другой, канувшей в Лету стране — СССР. Съёмки фильма были приурочены к запуску первого советского спутника, а завершились после полёта Юрия Гагарина в космос. Как раз в этот период Джон Кеннеди произнёс свою хрестоматийную фразу: «Если не хотите учить русский, учите физику».

Фильм рассказывал о том, как страна с разрушенной до основания экономикой и инфраструктурой, лишившаяся каких-либо технологий и организационной культуры, поголовно

безграмотная за короткий срок превратилась не только в мощную индустриальную и военную державу, одержавшую победу в Великой войне, но и успешно соревнующуюся за мировое господство с Соединёнными Штатами Америки.

Казалось бы парадоксально, но уже в 70–80-е годы многократные попытки вновь показать по Центральному телевидению фильм «Русское чудо» наталкивались на отказы высших телевизионных начальников, действующих по указке тогдашнего ЦК КПСС. Говорилось, что «не надо приукрашивать действительность». «Русское чудо» в тот период было уже не нужно подавляющей части правящего партийно-бюрократического слоя. Ведь главный смысл фильма состоял в том, что потенциал Страны Советов был таков, что в конце XX века вполне вероятным является ещё одно «Русское чудо». На протяжении четверти века после выхода фильма на экраны советская наука и техника успешно подтверждали вывод восточно-германских кинематографистов. Практически во всех ключевых сферах — от космоса до исследований морского дна, от биотехнологий до энергетики, от вычислительной техники до новых типов вооружений — были совершены прорывы, которые при их инженерном и промышленном подкреплении могли бы произвести переворот в мировом хозяйстве.

Это — не преувеличение. Сразу же после прихода на пост президента США Рональда Рейгана на самом высоком уровне был запущен проект «Сократос» под руководством физика, полковника М. Секоры. Наиболее детальный, документированный и ориентированный на сегодняшний день отчёт о проекте «Сократос» опубликован в книге Эрвина Экмана «President Reagan's Program to Secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates». Главная цель проекта состояла в объективном анализе уровня конкурентоспособности критических отраслей промышленности США, выявлении сфер науки и техники, где США отставали от СССР, Европы, Японии и в осуществлении экстраординарных мер по преодолению отставания и обеспечению лидирующих позиций во всех критических технологиях уже в течение 80-х годов. Проект реализовывался во всех ключевых отраслях науки, промышленности и технологий Соединённых Штатов с вовлечением в него всех крупнейших высокотехнологичных корпораций, университетов, исследовательских центров и т. п.

Василий ТРЕДИАКОВСКИЙ

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне её доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия-мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!

Красят иных все златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила,
И лицем светлым венец почтила.

О благородстве твоём высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И Россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

1728

В СССР в это время случилась перестройка. Научно-технические направления прикрывались и лишались финансирования буквально ежемесячно. В общем, пока американское государство взялось за ликвидацию технологического отставания, осуществило массированное вливание средств в науку и технику, Советский Союз предпочёл тупиковую модель нефтепотребительского социализма. Тогда же в стране приняли к руководству к действию слова заокеанского президента Д. Кеннеди с точностью до наоборот. Бросили учить физику и стали учить английский.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, внутри различных сегментов российской экономики, и прежде всего военно-промышленного сектора, продолжали развиваться островки высоких технологий. Как это ни удивительно, наибольших успехов практически в большинстве сфер науки и техники Советский Союз достиг на технологическом уровне в самом конце 80-х годов, когда в полной мере начал действовать ранее созданный научный задел. Символом триумфа советской технологической мощи стал до сих пор не воспроизведённый в мире вывод на орбиту крупнотоннажного непилотируемого возвращаемого орбитального комплекса «Буран» с его успешным возвращением на Землю. Другой поразительной иллюстрацией этих достижений является недавняя предновогодняя публикация одного из крупнейших американских журналов, где выделялись семь наиболее перспективных энергетических технологий на ближайшие 15 лет в сфере ядерной энергетики. Пять из них к 1991 году уже существовали в Советском Союзе либо в виде опытных образцов, либо доведены до стадии инженерных расчётов и стендовых испытаний.

В постсоветской, «демократической, рыночной России» о фильме «Русское чудо» уже никто не вспоминал. И уже никто не говорил о приукрашивании действительности. На глобальном уровне уже стояли другие задачи: признать ту действительность преступной, забыть о ней и никогда к ней не возвращаться. Эти цели во многом были реализованы. И главное — в общественное сознание была вбита устойчивая установка на то, что никакого нового русского чуда уже быть не может, что новая Россия должна быть просто встроена в общемировой процесс и пользоваться благами западной цивилизации, не претендуя ни на какое первенство и тем более чудеса в развитии.

Тем не менее случилось то, что случилось. После краха СССР в мире окончательно восторжествовала мутация капитализма — потре-

бительский финансизм. В 90-е — нулевые годы показалось, что научно-технический прогресс остановлен навсегда и все разработки сводятся к выпуску новой модели iPad или других гаджетов. Возможно, так бы и продолжалось, если бы не глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году. Под угрозой тотальной крупномасштабной катастрофы на Западе и на Востоке пришли в действие ослабленные и подавленные крахом СССР научно-технологические силы, которые соединились с государственными, венчурными и рисковыми капиталами, вставшими на ноги в ходе интернет-революции и накопившими огромные ресурсы всех типов информационными гигантами и определёнными политическими силами, заинтересованными в выживании глобальной мировой системы.

Параллельно с проведением частично целенаправленных, а частично — стихийных мер по ограничению всевластия спекулятивно-финансового и банковского капитала произошло усиление корпоративных, государственных и социальных структур, делающих ставку на высокие технологии как гарантию выживания современного социума и обеспечение его развития.

Любопытно, что даже сейчас, когда страна вырвалась из хаоса 90-х годов, идеологическая машина и левых, и правых в основном говорит о тяжёлых перспективах экономического, финансового развития, стращает тяжёлыми социальными последствиями. При этом в современном российском обществе практически не обсуждаются те проблемы, связанные с экономическими чудесами XXI века, которые обсуждаются в обществе западном и уже восточном.

А доступная информация свидетельствует о том, что при всех несомненных острых проблемах, противоречиях и трудностях, которые имеются в США, Западной Европе и Японии, буквально на наших глазах разворачивается и набирает темпы **Третья производственная, или промышленная, революция**.

Своим названием она обязана международному бестселлеру Джереми Рифкина «Третья промышленная революция», которая стала настольной книгой многих политиков и Востока, и Запада. Её автор признан одним из наиболее влиятельных экономистов современности. Он является советником Еврокомиссии. Среди его поклонников — Барак Обама, политбюро Коммунистической партии Китая, правительство Бразилии, а на постсоветском пространстве — руководство Казахстана. На основе идей Рифкина разработан план дальнейшего экономического развития Евросоюза, который уже принят Европарламентом.

Наряду с книгой Дж. Рифкина о Третьей производственной революции возвестили ещё две работы. Они стали настольными книгами не только в высоких государственных кабинетах, но и, прежде всего, в бизнесе, среди новой генерации научно-технического и программистского сословий. В их число входит книга Питера Марша «Новая индустриальная революция: потребители, глобализация и конец массового производства» (The New Industrial Revolution: Consumers, Globalization and the End of Mass Production). Питер Марш — редактор одного из наиболее авторитетных в мире журналов «Economist», постоянный автор Financial Times. И бестселлер Криса Андерсона «Производители: Новая промышленная революция» (Makers: The New Industrial Revolution).

При всем различии позиций авторы едины в том, что производственная революция означает глубокие, быстрые в исторической перспективе, скачкообразные (фазовые) изменения в самих основах техники и технологий, используемых во всех основных отраслях хозяйства. Эти изменения ведут к необратимым и качественным сдвигам в организации труда и производства, системах снабжения, маркетинга и потребления. Производственная революция изменяет базовые структуры экономической жизни. Полностью перестраивает социум и привычные способы его регулирования. Преобразует политические институты. Любая производственная революция имеет неоспоримые положительные эффекты и неизбежно связана с целым рядом негативных социальных последствий и проблем для широких масс населения.

На опыте борьбы с офшорами государство наработало необходимый комплекс процедур, которые можно распространить на сферу финансирования технологического прорыва. Причём сделать это таким образом, чтобы не залезать в казну, не использовать дополнительные средства государственного бюджета.

Третья производственная революция по своим масштабам, последствиям и сдвигам

стоит не только наравне, а возможно, и превосходит первую и вторую производственные революции. Первая производственная революция конца XVIII — начала XIX века была связана с текстильной отраслью, энергией пара, углем, железными дорогами и т. п. Вторая производственная революция конца XIX — первой половины XX века стала детищем электричества, двигателей внутреннего сгорания, триумфом машиностроения и конвейера как метода организации производства.

Уже на начальных стадиях Третьей производственной революции можно выделить несколько определяющих её черт:

— во-первых, одновременное широкое производственное применение различных независимых кластеров технологий. Прежде всего, робототехники, 3D печати, новых материалов с спроектированными свойствами, биотехнологий, новых информационных технологий и, конечно же, диверсификация энергетического потенциала производства и общества;
— во-вторых, постоянно возрастающее взаимодействие между отдельными технологическими кластерами, их своеобразное «слипание», взаимное коммулятивное и резонансное воздействие друга на друга;
— в-третьих, появление на границах технологических кластеров принципиально новых, не существовавших ранее технологий и семейств технологий, в которых кластеры взаимодействуют между собой.

Основой основ превращения отдельных технологических кластеров или паттернов в единый технологический пакет являются информационные технологии, которые проникают буквально во все стороны технологической и производственной жизни, связывая между собой отдельные технологические блоки. Наиболее яркими примерами этого являются такие технологические паттерны, как биотехнологии, робототехника, управляемая на основе больших данных, и т. п. По сути, уже на начальном этапе индустриальной революции можно говорить о формировании единого технологического пакета Третьей производственной революции.

В сфере организации производства и труда отличительной чертой Третьей производственной революции является **миниатюризация** производства в сочетании с сетевой логистикой и персонификацией потребления продукции. Правда, при всей миниатюризации и демократизации производства одновременно будет возрастать **зависимость мелкого производителя от поставщиков Больших Данных**[1], программных продуктов и интеллектуальных услуг, которыми останутся, по мнению Дж. Рифкина, крупнейшие информационные компании типа IBM, Google, Amazon и проч.

Иными словами, децентрализация производства, переход к прямым связям в сфере распределения и персонификации потребления будет происходить в условиях сохранения господства цифровых гигантов, контролирующих ключевую технологию Третьей производственной революции — системы сбора, хранения, интеллектуальной обработки и распределённой доставки цифровых данных и компьютерных программ всех типов и размеров.

Первым ключевым направлением Третьей производственной революции является стремительная **автоматизация и роботизация производства**. Уже сейчас в Америке действуют или готовятся к пуску в ближайшие годы более 9 тыс. полностью автоматизированных производств. И это только начало. В Соединённых Штатах на 10 000 рабочих мест в производстве приходится 870 комплексно автоматизированных рабочих мест, в Японии — 400, в Корее — 270, в Китае — 32. В 2012 году, по данным Международной федерации робототехники, шире всего применялись человекоподобные роботы в Южной Корее. Там на 10 000 занятых приходилось 400 таких роботов, в Японии — примерно 320, в Германии — 250, в США — 150.

Первое место по уже установленным промышленным роботам уверенно держит Япония. Второе место занимает Китай. И лишь на третьем месте — Соединённые Штаты. Лидирующую пятерку замыкают Южная Корея и Германия. При этом, по оценкам специалистов, китайские роботы менее технологичны и применяются в основном на элементарных

[1] Большие Данные — это сбор, хранение, оцифровка, обработка и предоставление в удобном для пользователя виде в любое время и в любой точке всей совокупности сведений о тех или иных событиях, процессах, явлениях и т.п. Ключевым в Больших Данных является то, что они позволяют работать именно со всей информацией в режиме онлайн. Главным является слово «всей». У пользователя Больших Данных имеется вся картина, не зависящая, как раньше, от каких-либо выборок, ограничений по источникам, времени предоставления данных и т.п. Развитие облачных распределённых вычислений, т.е. создание платформ, которыми одновременно могут пользоваться десятки, сотни, а то и миллионы пользователей, делает Большие Данные, когнитивные вычисления и мощнейшие экспертные системы доступными для самого маленького бизнеса и отдельных граждан.

сборочных работах, связанных с выпуском традиционных гаджетов и бытовой техники.

Вторым направлением Третьей производственной революции, а по мнению Криса Андерсона, даже главной её движущей силой, является 3D печать. В основе 3D печати лежит технология под названием Additive Manufacturing, то есть аддитивное (впору сказать «поэтапное») изготовление. Метод подразумевает, что принтер послойно формирует изделие, пока оно не примет окончательный вид. 3D принтеры не наносят на бумагу краску, а «выращивают» объект из пластмассы, металла или других материалов.

Методы трёхмерной печати также заметно разнятся. 3D принтер может слой за слоем наносить жидкий материал (например, керамику или пластик), который сразу же застывает. Широко используется более технологичный метод, где сырьем служит порошковый металл (например, сталь, титан, алюминий). В этом случае лазерный луч скользит по отдельным слоям и, согласно заданной программе, плавит и склеивает те или иные крупицы друг с другом. Существует ещё множество различных типов 3D печати. На конец 2013 года выпущено уже более тысячи моделей различных 3D принтеров, рассчитанных как на принципиально различные методы печати и используемого материала, так и на совершенно различный бюджет.

Если на первом этапе принтеры в основном использовали гики (англ. Geek) и продвинутые дизайнеры, то затем наступила очередь инженеров и конструкторов. Ведущие компании стали активно использовать 3D печать для моделирования. Затем 3D печать пошла в массы. Например, выпускник Принстона Марчин Якубовски создал целую социальную сеть, объединяющую инженеров, конструкторов, энтузиастов 3D печати, которые совместными усилиями разрабатывают Global Village Construction Set — всё, что вам нужно в «глобальной деревне». В Сети публикуются в открытом доступе 3D чертежи, схемы, видеоинструкции, бюджеты и пользовательские инструкции. В результате появляется то, что К. Андерсон называет «индустрией облака», или «облачным производством». По его словам: «вы загружаете в глобальное сетевое облако заказ на продукт, который вас интересует, где дальше это задание находит своего оптимального исполнителя, который может произвести это максимально быстро, качественно и дёшево».

Линии 3D печати в настоящее время строят Boing, Samsung, Siemens, Canon, General Electric и т. п. В результате к концу 2013 года мировой

рынок продажи 3D принтеров оценивался от 3 до 3,5 млрд долларов и в среднем удваивается в течение полутора лет, т.е. следует знаменитому компьютерному Закону Мура. Бесспорным лидером как в производстве 3D принтеров, так и в их использовании являются Соединённые Штаты. Третьим направлением новой производственной революции является **производство новых материалов**, включая материалы с заранее спроектированными свойствами, композитные материалы и т. п. Необходимость появления широчайшей гаммы новых материалов диктуется, с одной стороны, требованиями широкого внедрения экономичной, эффективной 3D печати, а с другой — развитием микроэлектроники, биотехнологий и т. п.

В своё время новое материаловедение связывали исключительно с наноматериалами, т.е. с новыми материалами, производимыми на основе миниатюризации. Однако действительность оказалась несколько иной. При всей важности нанотехнологий на сегодняшний день ключевое место заняло производство материалов с наперёд заданными, спроектированными характеристиками, требуемыми, с одной стороны, для выполнения изделием, изготовленным из этого материала, своей функции, а с другой — возможности использования для обработки таких материалов новых технологических методов, типа 3D печати. Лидерами в новом материаловедении и производстве принципиально новых материалов являются опять же Соединённые Штаты, Япония и Германия. Россия, несмотря на колоссальный научный и частично технический задел, созданный ещё в советские годы благодаря достижениям институтов АН СССР и деятельности композитной промышленности, в настоящий момент не входит в число лидеров. Хотя отдельные разработки у российских учёных имеются. Ярким подтверждением этого стал факт присуждения Нобелевской премии по физике за 2010 год А. Гейму и К. Новосёлову за новаторские эксперименты с графеном. Нобелевскую премию они получили как исследователи Манчестерского университета, но работу проводили, ещё будучи сотрудниками Научного центра в Черноголовке.

Ключевым направлением Третьей производственной революции является, без сомнения, **биотехнология** в широком смысле этого слова. По сути, сюда входит индустрия индивидуализированных лекарств, на которые делают ставку и фармацевтические гиганты, и новые, молодые, быстроразвивающиеся компании в этой сфере. Сюда же относятся различные виды регенеративной медицины. Широко используются возможности 3D печати для производства донорских органов. Сегодня это уже не фантастика, а прошедшая клинические испытания обыденность, которую взяли на вооружение, например, медицинские учреждения Франции, Германии, Соединённых Штатов и т.д. Буквально на днях стало известно, что создана и промышленно выпускается «биоручка». Она позволяет доставлять живые клетки и факторы роста непосредственно к месту ранения.

Нельзя не отметить, что вплоть до 1991 года советская микробиология и биоинженерия

занимали лидирующие позиции в мире. По оценкам американских экспертов, благодаря существованию специализированного российского комитета — Главмикробиопром, с большой сетью подведомственных научно-исследовательских и производственных центров и учебных институтов, Советский Союз заметно опережал все другие страны мира во многих направлениях биотехнологий и генной инженерии. Однако затем, под флагом борьбы с биологическим оружием и в условиях погрома высокотехнологичных отраслей отечественной промышленности, значительная доля потенциала оказалась утерянной. Хотя, по оценкам зарубежных экспертов, при должной мобилизации сил Россия может, базируясь на имеющихся разработках и достижениях, действующих научных школах, диаспоре российских биотехнологов, работающих за рубежом, наверстать упущенное.

За последние два-три года Соединённым Штатам и частично Великобритании удалось осуществить подлинный прорыв в области создания экспертных систем, базирующихся на так называемых **когнитивных вычислениях**. В основу когнитивных вычислений заложены программы, в определённой степени моделирующие и имитирующие некоторые известные психофизиологические процессы. За счёт этого созданы программы, которые облают возможностями самодописываться и совершенствоваться, учитывая допущенные ими при решении тех или иных задач ошибки. Об активной работе в этом направлении объявили IBM, Google, Facebook, Amazon.com и проч.

Одним из первых плодов ранней стадии Третьей производственной революции становится возврат производства в Америку и Европу. В 2013 году более половины компаний с оборотом миллиард долларов, объявило, что в ближайшие несколько лет полностью вернёт производство из Китая и других азиатских стран в Соединённые Штаты. В США за последнее время темпы роста промышленности превышают динамику многих других секторов экономики. Создано более 500 тыс. несезонных рабочих мест. Это, конечно, не идёт ни в какое сравнение с 6 млн рабочих мест, потерянных промышленностью США. Но это места, в своей массе отвечающие требованиям Третьей производственной революции, с соответствующими показателями производительности и эффективности. Следует также иметь в виду, что 75% новых разработок и технологий и почти 90% новых зарегистрированных патентов создаются в США именно в сфере промышленного производства. Нельзя также не отметить, что в настоящее время Соединённые Штаты контролируют более 65% высокотехнологичных разработок и 55% высокотехнологичных патентов в мире. Подобные процессы активно разворачиваются в Южной Корее, Японии. Началась реиндустриализация Великобритании. Спохватилась Германия, длительное время почивавшая на лаврах самой успешной высокоиндустриальной экономики XXI века. Пытается развернуть у себя Третью производственную революцию и Китай. Хотя именно в Китае в силу чрезвычайно высокой избыточной доли сельского работоспособного населения и занятости традиционным индустриальным трудом основной части городского населения реализовать достижения Третьей индустриальной революции очень и очень тяжело. А что же Россия?

ЧАСТЬ 2. РУССКИЙ ПРОРЫВ

Понятно, что в новых условиях старая экономика, базирующаяся на всенародном присвоении ренты и выжимании последних остатков из накопленного технологического потенциала, больше не работает. Точка невозврата действительно пройдена. Единственный выход в сложившемся положении — это осуществление Третьей производственной революции, причём в варианте гораздо более решительном и бескомпромиссном, чем за рубежом.

Дело в том, что в Соединённых Штатах, Европе, Японии и Китае существует достаточно большое число предприятий и владеющих ими мощных транснациональных групп, относящихся к традиционной, понемногу уходящей экономике. У нас же бездумные рыночные реформы и структуроразрушающая приватизация в значительной степени уничтожили старый производственный потенциал, и поэтому поле для Третьей производственной революции во многом расчищено. Ослаблены и группы, которые связывают своё существование с традиционными уходящими укладами. Вместо этих групп у нас имеются группы рентополучателей различного типа. Но, как показывает история, противодействовать рентополучателям легче, чем монополистическим группам с особыми интересами.

Наконец, у нас, в отличие от большинства стран мира, в силу длительного пренебрежения к образованию и квалификационной подготовке, нет мощных профессиональных

групп, которые будут препятствовать Третьей производственной революции. Например, сегодня в Соединённых Штатах в этом направлении уже активно действуют юристы, психоаналитики, офисные работники среднего звена и т. п.

Что же касается навыков и знаний, необходимых для уверенной работы в рамках Третьей производственной революции, то сегодня уже существует целая гамма соответствующих учебных курсов, практических платформ, методов получения не столько знаний, сколько умений. Ими можно спокойно воспользоваться и не изобретать велосипед. В крайнем случае перевести ключевые курсы на русский язык и договориться о возможности проведения практических занятий, опять же на русском. Как показывает опыт, ведущие мировые университеты, а также компании — производители роботов, 3D принтеров, облачных платформ и т. п. охотно идут на это и поддерживают соответствующие инициативы.

Третья производственная революция в России не только возможна, но и весьма вероятна. Ведь она не является каким-то «русским чудом», а представляет собой своего рода производственную необходимость, которую нужно реализовать спокойно, трезво, систематично и дисциплинированно.

Направления русского прорыва

Когда говорится и пишется, что экономика нашей страны не должна зависеть исключительно от топливно-энергетического комплекса, — это ни в коей мере не означает, что этот комплекс не является, по сути, единственно работающим сектором экономики, реально обеспечивающим её текущую жизнедеятельность. Поэтому Третья производственная революция должна развернуться именно в этом комплексе. Этому способствуют по меньшей мере три обстоятельства.

Первое. В прошлом году Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Все без исключения недропользователи обязаны соблюдать существующие условия разработки месторождений, полностью извлекать полезные ископаемые на всём предоставленном участке, а не работать по принципу «снятия сливок». Здесь имеется в виду прежде всего, конечно, использование соответствующих технологий…» Подавляющее большинство таких технологий хорошо известно и прошло практическую апробацию. Многие из них имеют отечественное происхождение. Другими — располагают наши зарубежные партнёры крупнейших российских корпораций. Поэтому дело за малым — начать делать дело. Тем более что конъюнктура нефтегазового рынка к этому принуждает.

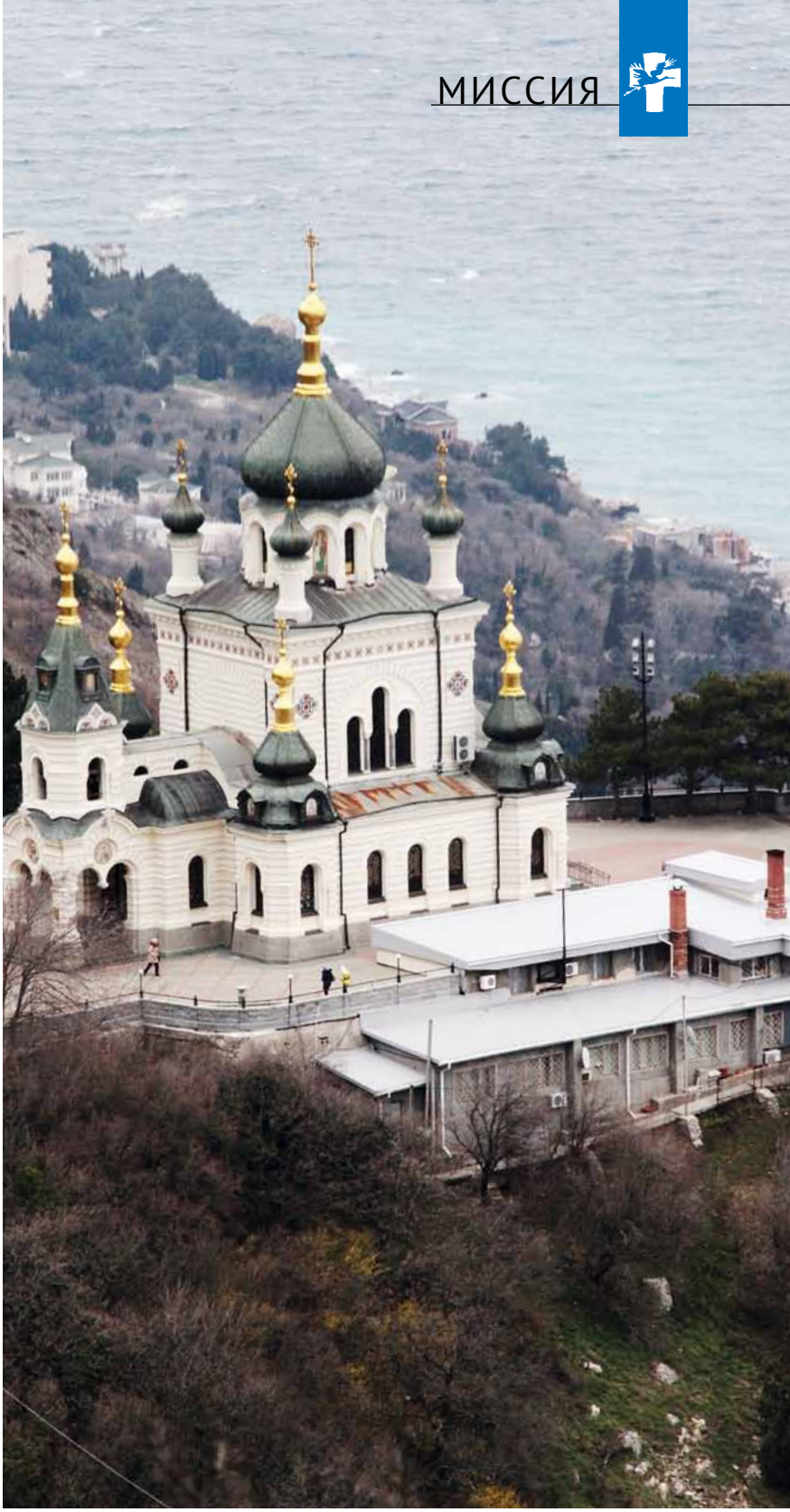
Второе. Россия в последние годы, прежде всего в лице топливно-энергетического комплекса, и в первую очередь «Газпрома» и «Роснефти», возвращается в Арктику. Причём делает это на долговременной системной основе. Буквально в самые последние месяцы запущена уникальная нефтедобывающая платформа «Газпрома» на Приразломном месторождении на Арктическом шельфе. Наращивает объёмы добычи и обустраивается гигантский международный проект «Ямал СПГ». Набирает мощность расположенное на Таймыре Ванкорское месторождение «Роснефти». Завершаются подготовительные работы к разворачиванию проекта по освоению крупнейшего месторождения редкоземельных металлов в Якутии, где свои возможности объединили новосибирские учёные, частный бизнес, власти Якутии и Федеральный центр. Приход в Арктику и вообще на Север означает не только создание новых платформ добычи, но и целые инфраструктуры жизнеобитания, транспортировки и логистики.

В отличие от безумных проектов гайдаровских реформаторов, предложивших просто бросить европейский и азиатский Север России, крупнейшие российские нефтегазовые компании с преобладающим государственным участием вместе со своими зарубежными партнёрами фактически занимаются созданием нового Арктического ценоза. Этот ценоз включает в себя и самые передовые технологические кластеры, складывающиеся в целостный технологический пакет Третьей арктической индустриальной революции, сложные системы постоянной человеческой жизнедеятельности в этих районах, самые передовые природосберегающие технологии, охраняющие экологию региона, дающие ему гарантию не повторить судьбу Мексиканского залива. Совершенно очевидно, что при тщательном продуманном подходе создание Арктического индустриального ценоза может стать одним из главных локомотивов Третьей российской производственной революции.

Здесь, конечно, важно преодолеть свойственное любой крупной корпорации во всём

мире стремление внутренней бюрократии использовать освоение ценоза для получения бюрократической ренты и отсечь от освоения ценоза передовые решения и технологии, напрямую не связанные с корпорациями. Это не чисто российская, а мировая задача, и решать её можно только за счёт обеспечения прозрачности, дисциплины и взаимного перекрестного контроля всех участников проекта.

Национальная задача освоении Арктического ценоза и реализация там технологического пакета Третьей индустриальной революции не должна быть поставлена под сомнение в случае неблагоприятного изменения цен на энергоносители. Существенный риск такого оборота событий есть. Однако задача освоения арктического ценоза — это не задача года или даже десятилетия. Поэтому на каком-то этапе надо быть готовым к тому, что освоение Арктического ценоза будет затратной задачей, когда государственные корпорации должны будут целевым образом датироваться. В этом смысле чрезвычайно важным и дальновидным является привлечение в качестве младших партнёров иностранных участников, которые заинтересованы в долговременном доступе к арктическим ресурсам и которые могут разделить с нашей стороной бремя создания техноценоза в годы неблагоприятной рыночной конъюнктуры.



Третье. В ходе развёртывания Третьей производственной революции в мире происходит отрезвление в отношении различного рода передовых технологий атомной энергетики. Целый ряд таких технологий, зачастую абсолютно без рекламы, а иногда и по возможности скрытно, запущен в последние несколько лет в Соединённых Штатах, Франции, Великобритании, Китае. Речь идёт, в частности, о ториевой энергетике, сверхмалых атомных реакторах и т. п.

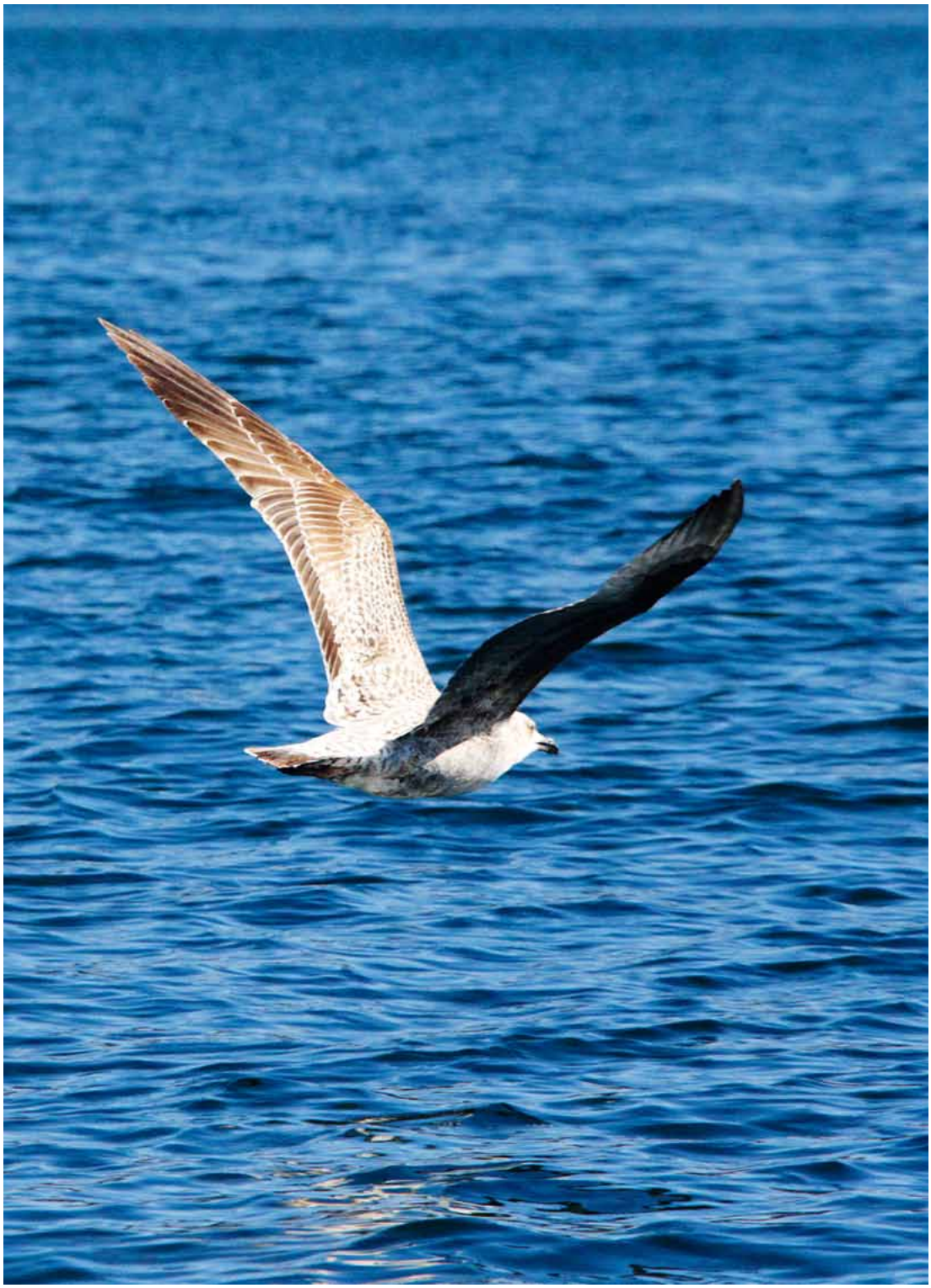
Нынешний «Росатом», без сомнения, является мировым лидером и уверенно контролирует не только внутренний рынок, но и высококонкурентен за рубежом. В России в атомной и близких к ней энергетических отраслях накоплен огромный потенциал принципиально новых проектов, которые находятся в высокой степени готовности, и при должной политической воле и неусыпном контроле, а также целевом выделении ресурсов на подобные проекты они могут быть запущены и реализованы даже быстрее и лучше, чем их зарубежные аналоги. Поскольку за рубежом в значительной степени приходится начинать в этой сфере либо с нуля, либо использовать старые российские лекала.

Отдельная, принципиально новая задача связана с разворачиванием Третьей индустриальной революции по тем направлениям, в рамках тех кластеров и технопакетов, которые формируются в настоящее время на Западе и Востоке. Нашим большим преимуществом является то, что первоначальную работу, что называется, нулевой цикл, осуществили

за нас другие. Сегодня уже ясны магистральные направления Третьей производственной революции, её основные кластеры, базовые технологии, квалификационные навыки, нужные для работы в новых условиях, и т. п.

Для того чтобы максимально быстро и решительно начать эту работу в нашей стране, нужны, прежде всего, организационные меры, а также изменения некоторых наших привычных поведенческих установок и взглядов.

Есть основания ожидать, что по целому ряду направлений Третьей производственной революции итоги инвентаризации **внутренних российских научно-технических разработок** окажутся неутешительными. Несмотря на несомненную печальность подобной конста-



тации, в ней, вообще говоря, нет ничего страшного. При решительном проведении в России Третьей производственной революции надо максимально широко использовать зарубежный опыт и возможности в самых различных формах. При этом создание дочерних структур западных гигантов в России является отнюдь не единственной и даже не главной и лучшей формой трансферта технологий Третьей производственной революции. Хорошо известно, что разработчиками этой технологической волны являются университеты, а также небольшие, быстро развивающиеся компании, которые затем зачастую покупают гиганты, начиная от Google и заканчивая Lockheed Martin. Никто не мешает российским структурам участвовать в скупке подобных компаний.

Разумное соединение внутреннего и внешнего потенциала Третьей производственной революции в условиях слабости препятствующих ей институциональных барьеров и групп особых интересов позволит развернуть эту революцию в России более быстрыми темпами, чем во многих иных странах.

Третья производственная революция. Необходимые и достаточные условия

При всей важности технологических аспектов остаётся проза жизни, связанная с финансами, организационным обеспечением Третьей производственной революции.

Сама по себе Третья производственная революция — предмет экономически рентабельный и на относительно короткой перспективе самоокупаемый.

Однако в любом случае для старта технологических нововведений, особенно учитывая отсутствие развитой частной венчурной инфраструктуры, неизбежно потребуются немалые деньги. Причём вряд ли можно ожидать сколько-нибудь значительных отвлечений средств из государственного бюджета, который на долгие годы, вероятно, будет весьма напряжённым в силу непредсказуемых цен на энергоносители.

В этой связи вряд ли стоит изобретать мудрёные схемы, а лучше воспользоваться уже имеющимся отечественным и зарубежным опытом мобилизации ресурсов на высокотехнологичные проекты.

В течение текущего года будет принят пакет законов, предусмотренный в выступлении Президента РФ В.В. Путина, связанный с решительной деофшоризацией российской экономики.

При всех несомненных острых проблемах, противоречиях и трудностях, которые имеются в США, Западной Европе и Японии, буквально на наших глазах разворачивается и набирает темпы Третья производственная, или промышленная, революция.

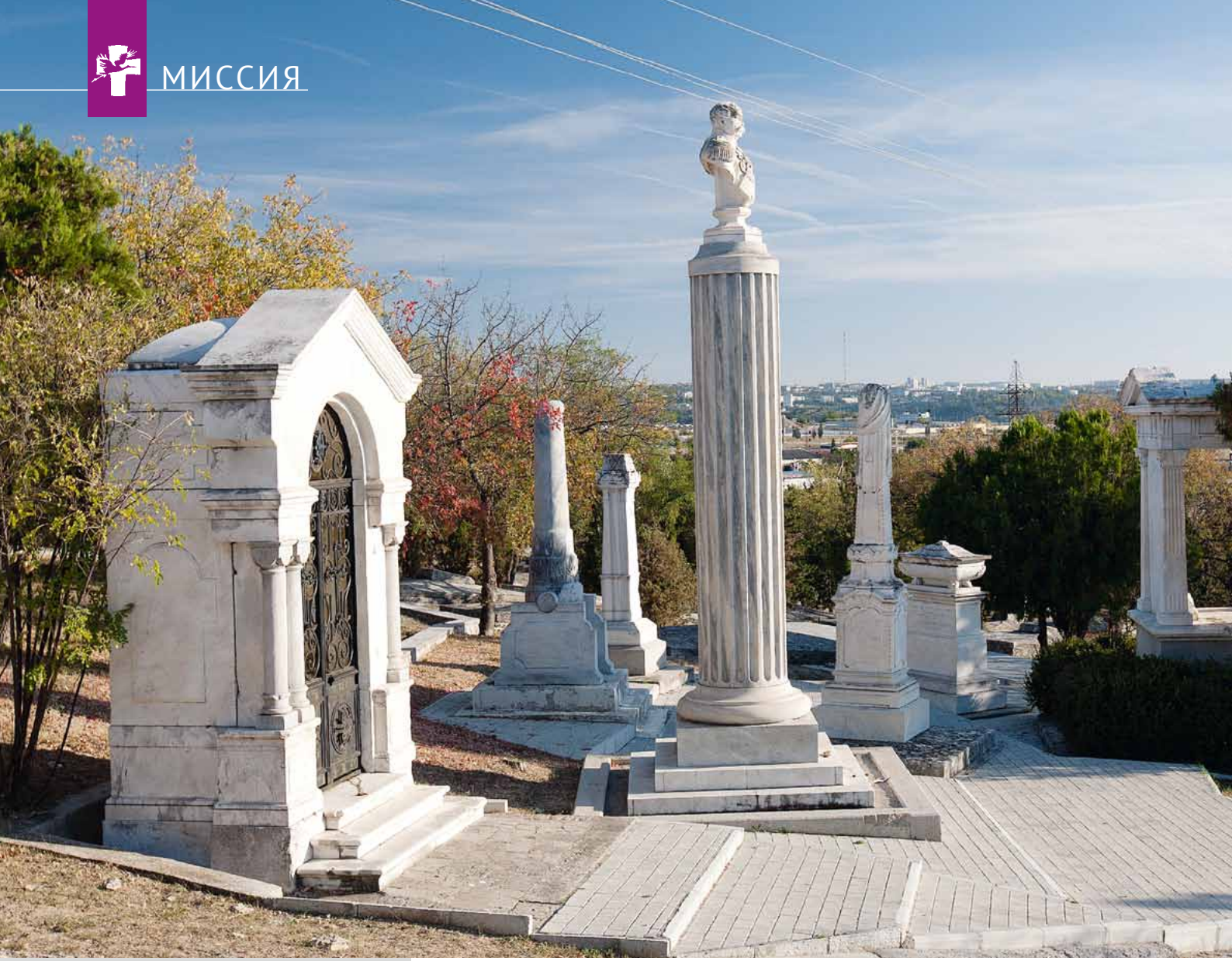
Цель законов, как известно, состоит в том, чтобы вывести бизнес из офшоров и помимо прочего пополнить государственную казну.

На опыте борьбы с офшорами государство наработало необходимый комплекс процедур, методов и нормативных подходов к исправлению ранее имевшихся законодательных недочётов и порождённых ими различного рода злоупотреблений. Дело осталось за малым — распространить этот опыт на сферу финансирования технологического прорыва. Причём сделать это таким образом, чтобы не залезать в казну, не использовать дополнительные средства государственного бюджета.

Учитывая широко распространившееся в мире среди миллиардеров и миллионеров веяние благотворительности, представляется, что можно найти очень серьёзных и влиятельных, чрезвычайно богатых людей, которым их коллегам было бы сложно отказать в просьбе создать российский благотворительный технологический фонд. При этом ключевым моментом должно стать то, что средства в этот фонд должны вносить все, кто получил сверхдоходы на приватизации и на работе с государством. Причём распоряжаться этим фондом, вероятно, должно не государство, а какие-то другие структуры. Подобный опыт можно посмотреть в Америке в эпоху создания университетов.

Конечно, важным являются вопросы налогообложения компаний третьей технологической волны, работающих в рамках Третьей производственной революции, включая «закрывающие» технологии. Принципиально, с некоторыми доработками, для этих целей вполне может подойти режим «Сколково». В этом случае проекты, несомненно, послужат во благо России.

При желании можно найти и ещё немалое количество вполне легитимных, строго соответствующих общепринятой мировой практике принципов и способов финансирования «русского чуда XXI века».



Владислав ХОДАСЕВИЧ

* * *

Я родился́ в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землёй родимой
Мне мой отец не завещал.

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

Вам — под ярмо ль подставить выю,
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
Арапские святые губы
О небывалой стороне.

1923

/ Владимир БОНДАРЕНКО /

В Начале будет Слово!

Новая русская литература набирает силу

У одного из лучших российских скульпторов Даши Намдакова есть такая скульптура: летящая, устремлённая вперёд лошадь. Это наш символ 2014 года. Россия в полёте. Не случайно именно эту скульптуру приобрёл в свою коллекцию президент России Владимир Путин. Значит, и он жаждет полёта.

Но, чтобы знать, куда стремиться, чтобы не бегать по кругу и не срываться в пропасть, нужны цели, нужны идеалы, необходимо Слово. Это прекрасно понимали и Черчилль, и Де Голль, и Мао Цзедун, и Сталин. Летящая лошадь должна двигаться или лететь по конкретной дороге, достигать конкретных вершин. Так куда мы идём? Куда летим? Что будем делать? Вопрос «Кто виноват?» не стоит, его время прошло, тем более все мы и виноваты в случившемся с Россией.

Фото: Андрей АФАНАСЬЕВ

Генералы могут командовать армиями, но куда двигаться этим армиям? Экономисты подсчитывают прибыль, но на какие цели расходовать прибыль? Строители могут строить сколько угодно, но что строить? Особняки нуворишам? Или научные центры?

Я уже писал, недавнее литературное собрание с президентом показало, что не столько писателям нужен президент, сколько стране, государству, президенту нужна вдохновляющая литература. По приказу никто писать не собирается, но у любого писателя во все времена есть цели, есть идеалы, есть величие замысла. Само время сейчас собирает новые литературные силы. Ибо: В Начале было Слово. И будет Слово. Его уже ждёт народ.

Кончился период разоблачений, сатир, разрушений, Савл превращается в Павла, набирает силу новое столетие, новое тысячелетие. Александр Блок уже задумывает новую поэму «Двенадцать», Владимир Маяковский перечёркивает своё: «Люблю смотреть, как умирают дети…» — и пишет поэму «Хорошо». Вступаем в новое время. XX век подвёл свои литературные итоги, новый век лишь начинает своё стремительное движение. Молодые новые реалисты появились как прелюдия к полёту. Может, они и будут главными в экипаже, может, их заменят другие, но первое слово уже сказано, стрела времени вылетела, наш конь, наш Пегас устремился вперед.

Я рад, что этот новый литературный скачок, новый прорыв пойдёт под знаком двухсотлетия высочайшего русского национального гения Михаила Юрьевича Лермонтова. Ему суждено указать дорогу и новым «Героям нашего времени», и новым вольным «Мцыри», и новым «Бородино». Юбилейный год его рождения опять станет знаковым для русской литературы. Да и для всей России тоже.

Не случайно же, одновременно, не сговариваясь, и Валентин Распутин размышляет об уроках русского, и Владимир Личутин выпускает книгу очерков «Уроки русского», и Сергей Алексеев издаёт свой замечательный двухтомник «Сорок уроков русского». Россия вслух заговорила о своей русскости. Но не в сугубо этническом ключе, а в традиционном для России всечеловеческом, державном смысле. Думаю, рано или поздно, и все народы, населяющие Россию, поймут, что в русском развитии и их спасение, и в их культуры неизбежно должен входить русский импульс. Национальное многоцветие всегда лишь обогащало русскую культуру.

Сейчас вся Россия находится на перевале. Сумеем перевалить — начнётся новый этап интенсивного развития. Не сумеем — с неизбежностью Россия начнёт разваливаться. Надо сделать всё, чтобы перевалить. И перевал удержать. Наш президент наконец-то начинает понимать, что одной армией и одними финансами перевал не преодолеть, нужны идеи, нужна идеология, нужна державная национальная литература.

На самом деле русская литература сегодня под знаком вопроса. Завершаются две мощные русские литературные традиции. С одной стороны, дай Бог, живущим ныне писателям дожить и до 100 и до 150 лет, но как явление — мощная, классическая русская деревенская народная проза пришла к своему финалу. Русская традиция с деревенским ладом пришла к своему завершению. Но это же не означает конца самой России. С другой стороны, уходит в прошлое «большой стиль советской литературы». Та реально существовавшая явно талантливая советская литература, которую и сейчас ещё представляют такие писатели, как Юрий Бондарев, Владимир Бушин и даже Даниил Гранин, тоже завершается на наших глазах. Этим переломом воспользовались наши так называемые «катастрофисты», возникла «литература катастроф». Эти писатели утверждают, что весь мир и душа человека обречены на разрушение, на катастрофу. Известны имена лидеров этой «катастрофической» литературы: Владимир Сорокин, Людмила Улицкая, Татьяна Толстая, Дмитрий Быков и так далее. Но, к счастью, в последние годы в России происходит перелом не только в нашем государстве и в нашей политике, но и в нашей литературе. И явно набирает силу новая русская литература. Пусть это будет выражаться через новый стиль, пусть будет новая суперсовременная урбанистическая городская тематика, но это явно русские писатели и по своим этическим и эстетическим настроениям. Я бы назвал таких лидеров современной литературы, как Александр Проханов, Владимир Личутин, Юрий Поляков и Юрий Козлов, Алексей Иванов и Олег Павлов, Сергей Алексеев и Захар Прилепин, Сергей Шаргунов и Роман Сенчин, Вера Галактионова и Герман Садулаев…

Ощущение чего-то нового чувствовалось и на недавнем XIV съезде писателей. И на расширенном писательском собрании с участием президента. Они проходили как некие подготовительные мероприятия, съезды спасительного промежутка. Чиновники решали свои чиновничьи дела, но сами писатели, как гончие псы, нюхали воздух, чуяли наступление новой эпохи. Я-то считаю, идея встречи с писателями возникла на самом верху, потому что там наконец-то поняли: Россия на грани полного развала, никакой объединяющей идеи, никакого единства не только между народами, но и между русскими краями и областями. На моём родном Поморье заговорили о Поморской республике, в Сибири — о Сибирском царстве, казаки вспомнили про идею Казакии.

И это всё не фантазии, ещё лет десять–пятнадцать — и, если не произойдёт перелом, Россия развалится по клочкам, никакие танки не помогут. У СССР была самая мощная в мире армия, но когда господствующая культура стала антисоветской, когда настроение народа определяли такие книги, как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Остров Крым» Аксёнова, «Печальный детектив»

Астафьева и даже чрезвычайно пессимистический «Пожар» Распутина, великая Держава рухнула. Не из-за экономики, что бы сейчас ни писали наши борзописцы, не из-за политики, а из-за изменения духа народа.

Мечта об имперском мире явно приходит в сознании народном на место мечте о скорейшем эгоистическом обогащении. Приходит осознание, что и спасёмся только сообща. Поодиночке — утонем.

Никаких объединяющих идей государство само предложить не в состоянии. И это не писатели за подачкой должны тянуться к Путину, а Путин должен умолять писателей помочь России восстановить нашу духовную национальную культуру, нашу национальную русскую литературу.

Президент, говоря о литературе, подчеркнул: «После развала Союза все решили, что идеологические начала творческих союзов должны быть ликвидированы, и на самом деле правильно. Но вместе с водой, как в таких случаях говорят, и ребенка выплеснули, поддержка всем творческим союзам испарилась. Хотя её можно было бы деидеологизировать, но в каких-то формах сохранить…» Он даже не подумал, а возможна ли в любой стране, в любое время хоть одна яркая, талантливая книга без идей? Белых, красных, зелёных, но идей. Идей авангардных и идей традиционалистских. Идей правых, и идей левых. С одной стороны, президент долгое время сохранял режим полной деидеологизации, унаследовав его от Ельцина, с другой стороны, он уже говорит: «Наша задача — привлечь особое внимание общества к отечественной литературе, сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире…» Как можно оказывать идейное влияние в мире при отсутствии любых идеологий? Какая-то явная боязнь этого слова.

Один из самых ярких писателей новой русской прозы Олег Павлов тоскует об уходящей имперской прозе:

«Империя — ценитель самости, она уберегает в искусстве всё даже самое хрупкое и малое, собирая из всех красок наций свой высокородный величественный букет. Литература после Империи похожа на породистую псину, утерявшую свой дом, где так её холили, что отдельной щёточкой расчесывали каждую драгоценную шерстинку. Литература после Империи — это бродячее, не помнящее своей породы животное, ищущее, кому быть нужным хоть бы уж не за самость свою, а просто за умение послужить или подать голос, но попадающее уже только в лапы живодёров: «заячьи польта из них делать будут под рабочий кредит!»

А потому каждый пишущий на русском языке родной ему культуры целого мира пишет теперь о том родном и целом, что уже-то уходит в небытиё. Но, превращаясь теперь в скитальца, художник и после Империи вовсе не лишается выбора, а как раз становится перед выбором: или он пишет трагедию бытия — трагедию утраты «целого мира», или разворачивает одну только фантастическую метафору небытия, превращая распад «целого мира» в некое потустороннее экзотическое зрелище.

В произведениях многих новейших беллетристов мы не найдём изображения действительности и даже одного реального лица нашего современника, как если бы и вправду от нашего мира и современности не осталось ничего, кроме космической пыли, пустоты. Это даже не тот наш мир, что запечатлён вблизи, хотя бы как кинокамерой, а виртуальный мультфильм. Во времена Империи писатель Фазиль Искандер сказал о том, что есть литература Дома и Кочевья. Теперь, после Империи, литература скитальцев сосуществует… с литературой пришельцев. Для кого-то, по чьей-то надобности эти пришельцы оказываются мессиями, что в скафандрах разнообразных модернистских «измов» посланы наподобие космонавтов исследовать нашенское «небытиё». На деле ж такой тип — пришельца — тоже платит именно современности рабскую дань экзотикой: он пишет на русском языке родной культуры о том, что уж не родное ему, а будто б и чужое, о том, от чего осталась якобы одна пустота. Это тип «экзотического писателя» не в России, а из России, «а-ля рюс», господин Азиат в модерновом скафандре и с балалайкой под мышкой!

Возбудитель «экзотической» болезни — чувство неполноценности. Но что возмещает имперская экзотика в современной литературе? Утрату высокородной, величественной поэтики целого мира. Экзотическое в нашей литературе сегодня — это и есть разнородная космическая пыль некогда целого, осмысленного, блестящего мира Империи.

Однако ж на смену уходящему имперскому самосознанию в литературе после Империи неминуемо является самосознание национальное — и то русское, что осознано уже только как русское, возвращает утраченное родство с жизнью, ясное чувство родных пределов, осязаемую, немифическую родину. Ведь она, самобытность русская, вовсе не растворилась в имперском многоцветье. Да, был большой имперский стиль, но ведь была и есть этнопоэтика русской прозы. Существует, был и есть русский человек! А потому удивительно, когда это живое, этого человека, заставляют нас лицезреть в виде некоей виртуальной реальности, пустоты, где люди не люди — а виртуальные муляжи живых существ, где жизнь не жизнь — а разветвлённый надуманный мир виртуальной игры в сущее…»

Но время этой виртуальной, муляжной литературы, о которой пишет Олег Павлов, явно проходит, даже былые лидеры постмодернизма, откровенно игровые писатели, такие как Владимир Сорокин в «Теллурии» или Виктор Ерофеев в «Акимудах», при всей фантастичности повествования идут от русской социальной реальности. Не были бы столь известны фамилии этих писателей, их можно было вообще зачислить в ряды остросоциальных сатириков, издевающихся над пороками нашего перестроечного потребительского времени, пишущих злободневную обличающую карикатуру на власть и при этом традиционно размышляющих о русском мифе и о России.

Какой уж тут постмодернизм, когда тот же Виктор Ерофеев признаётся: «Ко мне подозрительно относится интеллигенция… Меня не любят либералы… меня недолюбливает внесистемная оппозиция…», и далее, переходя уже к чисто русскому коллективистскому «мы»: «Мы не нашли в своей жизни золотой середины — середина нам кажется мещанской отрыжкой… Нам страшно, когда совесть спит, нам страшно, когда она просыпается»…

Так мог и тот же Владимир Личутин написать. Типичный русский утопизм с размышлениями о предназначении России. Типичная борьба с иноземными мертвецами, разрушающими наш русский мир.

Также и у Сорокина в его «Теллурии» игровые моменты выглядят явно обёрточными, маскарадными. А под маской всяких антиутопических героев проглядывает наша российская действительность. Он сам говорит в своих интервью: «Теперешняя Россия живёт в состоянии просвещённого феодализма, это ясно всем. А Запад… Понимаете, я не историк, не социолог и не антрополог, это всё на уровне интуиции. Но есть десятки мелочей, говорящих о том, каким уютным вдруг многим показалось средневековое сознание. Человечество по нему соскучилось. Например, Сноудену официально ответили, что, если он вернётся, его не будут пытать. Это из какой эпохи фраза?!»

Если уж даже наши главные имитаторы повернулись к реальному русскому миру, что уж говорить о русской имперской, державной прозе. Мечта об имперском мире явно приходит в сознании народном на место мечте о скорейшем эгоистическом обогащении. Приходит осознание, что и спасёмся только сообща. Поодиночке — утонем.

И нет уже в литературе явных антагонистов. Скажем, тот же новый прохановский роман «Время золо-

тое» можно прочитать и как одобрение новому властному имперскому развитию, и как явно антипутинский роман, где имперская мечта идеолога Бекетова разбивается о корыстный и суетной мир властолюбцев, где убиваются выстрелом в лоб главные оппоненты правителя, и народ живет как бы отдельно от олигархического режима. У Сергея Шаргунова в его нашумевшем романе «1993» тоже патриоты-антиельцинисты октября 1993 года находят своё прямое продолжение в патриотах с Болотной площади декабря 2013 года. Даже на сайте «Российского писателя» мы встречаем и мечту о Святой Руси, и монархические надежды, и тут же мистику дорошенковского «Прохожего», имперскость Игоря Тюленева, страстные бушинские обличения нынешнего правления.

Меня радует эта всё более объединяющая общество новая пассионарная литература. Форма явно становится вторичной по отношению к гремучему социальному содержанию. Что объединяет такого яркого авангардиста-метафизика, как Михаил Елизаров, и сугубого реалиста Романа Сенчина, что общего между «Библиотекарем» Елизарова и «Елтышевыми» Сенчина — боль за Россию, устремление вперёд. Почему так тянулись друг к другу фантаст и сюрреалист Юрий Петухов и эпический традиционалист Владимир Личутин? Почему от столь популярных и коммерческих «Сокровищ Валькирий» погрузился в глубины русского языка Сергей Алексеев? Почему даже самые либералистские проекты типа «Большой книги» или «Букера» выдвигают вперёд таких ценителей русскости, как Евгений Водолазкин со своим блаженным подвижником Лавром, или же Елизарова с «Pasternakом», или явно имперского Андрея Волоса? Почему молодой либерал Сергей Беляков так увлёкся отнюдь не либеральным Львом Гумилёвым? А Лев Данилкин — Прохановым и Алексеем Ивановым? Потому что мертвящие виртуальные надувные постмодернистские герои уже никому не нужны.

Россия, вперёд! Это уже общий лозунг всех талантливых писателей всех направлений, независимо от их стилистики и политических взглядов. Пожалуй, только русофобствующие Дины Рубины и Михаилы Шишкины изо всех сил стремятся удержаться на плаву со своей отталкивающей, разрушительной прозой. Да циничный не в меру Дмитрий Быков уже на холостом ходу пуляет во все стороны своими фейерверками. Но как было давно уже сказано, фейерверками увлекаются угасающие нации и потухшие таланты.

Вспомним, как в начале великого и трагического XX века объединялись вместе степенный передвижник Илья Репин и футурист Маяковский, авангардист Павел Филонов и академист Исаак Бродский, Велимир Хлебников и Сергей Есенин. Их объединяла новая яркая мечта о России. Вспомним, как в годы войны воссоединились лютые антисоветчики Иван Бунин и Иван Шмелёв и сталинисты Константин Симонов и Александр Твардовский. Автор белогвардейских «Окаянных дней» восторгается поэмой «Василий Тёркин». Андрей Платонов работает во фронтовой печати и пишет блестящую статью о романе «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Так и сейчас уже в общем движении вперёд талантливые мастера всех направлений начинают ковать новую национальную культуру России третьего тысячелетия. Уверен, найдут вновь общий язык и Станислав Куняев с Юрием Поляковым, и Владимир Личутин с Анатолием Заболоцким. Все мелкие страсти уйдут в сторону, Россия у нас одна, делить нечего. Разве только о прошлом романы Евгения Водолазкина «Лавр» и Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»? Нет, они указывают пути в наше будущее. Разве только о языке роман-эссе Сергея Алексеева «Сорок уроков русского»? Нет, это роман о развитии самого русского общества, русской нации. Да и в романе Сергея Шаргунова «1993» погибшие герои октября 1993 года передают эстафету нынешним мечтателям России.

Уже даже политические аналитики отмечают: протестная активность по всей России будет окрашена в «имперские» тона. О восстании традиционалистов против идущих с Запада веяний десятилетиями грезили в редакциях национал-оппозиционных изданий, а ныне осуществляют эту вроде бы революцию неожиданно для всех донские казаки под царскими знамёнами с «Адамовой головой», усиленные националистами из квачковского «Народного ополчения имени Минина и Пожарского». Судя по событиям 2013 года, протесты будут окрашены в национал-консервативные тона. И естественно, эту имперскую протестность, кто осознанно, кто подсознательно, стихийно, взяли на вооружение русские писатели. В либералах уже никто не хочет числиться. От Болотной до Поклонной у всех в головах или левоконсервативные, или правоконсервативные идеи. Если даже в традиционно буржуазных «Известиях» вполне либеральный драматург Александр Адабашьян пишет, что «Миссия Америки — опошлить вселенную — благополучно выполнена», если даже в «Известиях» признают, что «геи, отрицая свой грех, отрицают возможность спасения», если вновь заговорили о важности и необходимости национальной культуры, значит, мы накануне нового прорыва. И вновь вчера ещё малозаметные писатели и поэты станут трубадурами общества, его вожаками.

Прочитайте самые заметные книги прошедших лет. От «Уроков русского языка» Сергея Алексеева до «Лавра» Евгения Водолазкина, от «Гипсового трубача» Юрия Полякова до «Титанов» Эдуарда Лимонова, от «Вора, шпиона и убийцы» Юрия Буйды до «Ушедших» Николая Дорошенко — везде мы видим стремление прорваться к живой жизни, из безвестности вырваться на про-

сторы мировой истории. Тот же неугомонный Эдуард Лимонов выпускает книгу девяти портретов политиков и философов, революционеров и учёных, разных и по времени, и по значимости, но объединённых одной мыслью автора, как и почему ничем не примечательные интеллигенты стали двигателями мировой истории, от Ленина и Ганди до Усамы бен Ладена. Кто же станет новым Лениным или Ганди, кто станет новым Достоевским и Горьким? Таланты у нас есть, и немалые, но для раскрытия таланта в обществе нужен прорыв самого общества. Пусть потребительский рынок навязывает нам книгу какой-нибудь уже подзабытой Светланы Алексиевич «Время секонд хэнд», она уже не будет востребована, ибо время секонд хэнда прошло. Скорее наступает время лучших речей Уинстона Черчилля: «Никогда не сдаваться».

Этот луч не отчаяния, а надежды есть и в романе русского таллинца Андрея Иванова «Харбинские мотыльки» — о судьбах старых эмигрантов и нынешних мигрантов, и в романе мигранта из Средней Азии Андрея Волоса «Возвращение в Панждруд». Андрей Волос переносит нас в мир древнего Ирана, мир великого поэта и мыслителя Рудаки, жившего в X веке. Но кроме великого поэта, в конце жизни ослеплённого и нищего, заброшенного в свой кишлак в Таджикистане, среди героев — мальчик-поводырь, последний ученик старика-поэта, который и ведёт слепого Рудаки в Панджруд. Сколько им идти? Дойдут ли?

А сколько нам всем идти, кого мы ведём? Кто нас ведёт?

Уже в этом году я многого жду от романа Захара Прилепина «Обитель» (о Соловках), готовящегося к выходу в «Нашем современнике», от новых книг Алексея Иванова и Александра Сегеня, Михаила Попова и Дмитрия Новикова, Ильи Бояшова и Павла Крусанова, Веры Галактионовой и Марины Струковой. Есть ещё порох в русских пороховницах, скрипит перо под нажимом не дрогнувших писателей.

Владимир НАБОКОВ

РОДИНА

Бессмертное счастие наше
Россией зовётся в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушённую думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружён.

1927

ЗА ЗАЩИТУ СЕВАСТОПОЛЯ
С 5 ОКТЯБРЯ
1854
ПО 28 АВГУСТА
1855

/ Олег ПЛАТОНОВ /

Миссия выполнима

Каким должен быть ответ Западу президента Путина как полноценной движущей силы Русской цивилизации

В 1990-е годы многим казалось, что Россия неуклонно сползает в пропасть. Они считали, что нет такой силы, которая может остановить разрушительные процессы. Западные политики деловито подсчитывали, на какие куски будет расчленена страна и какую прибыль получат транснациональные корпорации от дележа её природных ресурсов. Живой труп президента Ельцина представительствовал в Кремле, а возле него разворовывали остатки советской империи либеральные демократы — Гайдар и его команда, породившие невиданную в нашей истории коррупцию. Однако недруги России не учли цивилизационных особенностей России. Как не учли их в своё время Наполеон и Гитлер.

Ещё в XIX веке русские учёные доказали, что именно цивилизационные различия являются основой всех противоречий, существующих между народами. Главным условием всех мировых конфликтов является цивилизационный фактор. Любые государственные деятели должны учитывать этот фактор при планировании глобальных государственных мероприятий и ведении войн.

Учёт цивилизационного фактора позволяет мобилизовать народ на решение государственных задач и сопротивление внешним силам. Опирающийся на монолит своей цивилизации духовно здоровый народ всегда находит в своей среде вождей и личностей, способных решать самые тяжёлые общенациональные задачи. В России начала XXI века такой личностью стал Владимир Путин.

ЯВЛЕНИЕ ПУТИНА

Путин пришел к власти так же, как бы незаметно, как в свое время занял место наверху Сталин. Он являлся плоть от плоти единым с той массой, которая привела к власти ту ельцинско-гайдаровскую клику, — он был в ней, он вышел из неё. Как в своё время Сталин был частью ленинско-троцкистской банды. Его даже не воспринимали как лидера, также как в своё время всерьёз не воспринимали Путина. Но Путин, поставленный Ельциным, повёл себя иначе, чем от него ожидали те силы, которые мечтали об окончательном разрушении России. Он умел перевоплотиться, и для этого у него, безусловно, были определённые духовные задатки. По своему менталитету и образу мысли он человек русской цивилизации, выросший на её духовных ценностях. Путин любит Россию и желает ей блага. И это, может быть, самое главное в нём. Даже те ошибки, которые он допустил при осуществлении своей политики, особенно в области экономики, компенсируются той внутренней силой русского национального чувства и патриотизма, которую он в себе несёт.

Путин первый из верховных властителей России после Сталина осознал ключевое значение русской цивилизации в понимании процессов, происходящих в нашем обществе. Путин понял, что политический успех в России зависит от отсутствия противоречия между национальными традициями страны и её государственной практикой. Он осознал, что национальные традиции могут либо способствовать успеху нации, либо, если они не учитываются, вести её к застою и национальной катастрофе. В первом случае они выступают надёжной опорой правительству, предпринимателям и обществу в их мировой конкурентной борьбе. Эффективность национальных традиций как мобилизующей общественной силы Путин понял ещё в 1990-е годы. Впоследствии он сказал об этом в своей валдайской речи: *«Была*

иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы.

Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустранение государства, общества не сработало, также как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера. <…>

Очевидно, что наше движение вперёд невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. <…>

Мир становится всё более жёстким, порой отвергается не просто международное право, но даже элементарные приличия. Нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но всё-таки главное, что будет определять успех, — это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное. Ведь, в конце концов, и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние — это производная от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они уверены в своей истории, в ценностях и традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. <…>

Сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся. <…>

Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идей, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Это главный аргумент в пользу того, чтобы вопрос идеологии развития обязательно обсуждался среди людей разных взглядов, придерживающихся разного мнения о том, что и как нужно делать с точки зрения решения тех или иных проблем. <…>».

С вниманием Путин размышляет об особенностях развития имперского корабля русской государственности, который и до 1917 года, и в советское время, и сегодня подчиняется духовным законам, сложившимся многие столетия назад, поэтому игнорирование их означает гибель. Путин уже в начале 2000-х годов почувствовал «вкус» империи как объединяющего

и движущего фактора развития российского государства и общества. Его реформы, направленные на укрепление вертикали государственной власти, имели имперский характер. А иначе быть и не могло. Власть, в которой он стал первым лицом, вышла из недр советского строя. Этот советский строй, как ни парадоксально, был империей, а имперское чувство сохранялось всё время, которое существовала даже постсоветская Россия, потому что имперское чувство — это основа нашего цивилизационного выбора, цивилизационного решения; оно существует в нас, как бы мы ни назывались, оно является костяком нашего развития и выбора наших приоритетов. В этом смысле даже советская империя продолжает ту российскую империю, которая существовала испокон веков. Внутреннее имперское чувство сохранилось и после падения советской власти. Государственный аппарат даже при всех внутренних недостатках всё равно остался имперским. Это имперское чувство продолжает нести нас вперёд, отталкивая всё, что не соответствует его развитию.

Вся структура государства и наш менталитет по-прежнему остаются имперскими, но я хотел бы подчеркнуть, что империя не в западном понимании, а в православном понимании — как царство царств.

Следует заметить, что советская империя для удержания российского народа в сфере своих интересов вынуждена была использовать православные духовные ценности русской цивилизации. Так называемый моральный кодекс строителей коммунизма, принятый на XXII съезде КПСС, включал в себя многие духовные идеалы русского народа (коллективизм, нравственность, общественный долг, патриотизм и др.), которые безбожные архитекторы мирового коммунизма делали средством достижения космополитических целей. Как справедливо отмечал великий русский философ Н. Бердяев: «Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам <…>. На энтузиазм коммунистической молодёжи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа». Именно эта религиозная энергия русского народа стала одним из главных ресурсов советской империи, оставив в душах советских людей самое положительное наследство, сохранившееся, мне думается, и в душе В. Путина.

Падение советской империи повергло в прах не только космополитические идеалы коммунизма, но и сильно повредило духовные цен-

СТАРИННАЯ КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

По морю, морю по Верейскому,
По тому морю, по морю турецкому,
Плывут, выплывают три кораблика,
Один корабль на перед плывет —
Как сокол летит,
У него нос, корма по-звериному,
Водяные бока по-змеиному;
В том корабле раскрашен чердак,
В том чердаке столики стоят, черны дубовые,
На столах разостланы скатерти белы — бранные,
На скатертях стоят яства сахарные,
И пойлицы медовые,
За столом сидит пруцкой король,
А пред ним стоят два невольничка,
С тиха Дона два полковничка;
Один держит Царское знамечко позлачёное,
А второй держит золотой поднос,
На подносе стоят две рюмочки серебряные,
В рюмочках пойлицы медовые.
Ты, уж гой еси, пруцкой король!
Изволь принять — изволь выкушать.
Да не нам бы пред тобою-то стояти,
И не нам бы тебе подносити.
Да возговорил пруцкой король:
«Мне пить, есть — не хочется,
Гульба, прохлада на ум нейдёт,
Нонесь – вечер мало спаслось
И во сне много виделось,
Привиделся мне некорыстный сон:
Во сне привиделась мне крутая гора,
На той на горе част ракитов куст стоит,
На том кусте тепло гнёздышко,
Тепло гнёздышко, соколиное.
Уж вы, гой еси, мои невольнички,
Со тиха Дона полковнички!
Кто сон мой отгадает,
Того я выпущу на волюшку?»
Да возговорили раздушечки два полковничка,
Со тиха Дона два невольничка:
«Устоишь ли в своем слове королевском?
Выпустишь ли нас, невольничков, на волюшку?
Уж мы сон твой отгадаем:
Крута гора — наша Россиюшка,
А кустик ракитов — наша каменна Москва,
А гнёздышко соколиное — Российская армиюшка».

ности русской цивилизации, эксплуатируемые коммунистами, нанесло ущерб национальному сознанию русского народа. Впоследствии Путин вспоминал, как были «шокированы люди агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьёз опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность… Стержень, скрепляющая ткань нашей цивилизации — русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень русского народа провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России — под насквозь фальшивые разговоры о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа». Чтобы в конечном счёте заставить людей своими руками уничтожить собственную Родину…

Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом — и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей…»

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Являясь с юношеских лет носителем некоторых идеалов русской цивилизации в силу домашнего воспитания и советского образования, Путин, возможно, расширил свои знания о русской цивилизации из трудов великого русского мыслителя митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва), который, как и будущий президент, в первой половине катастрофических 1990-х годов жил и работал в Петербурге.

В XX веке в Петербурге известны два великих православных подвижника, один из них открыл XX век, другой прославился на его завершении. Первый, святой Иоанн Кронштадтский, предупреждал русский народ о грозящей катастрофе, указывая на её виновников, второй, митрополит Иоанн (Снычёв), обозначил пути выхода из этой катастрофы.

На личных встречах с митрополитом Иоанном (Снычёвым) мне стало ясно, что понятие «русская цивилизация» имеет для владыки особый смысл и раскрывается в идеалах Русской церкви.

Ядром мировоззрения митрополита Иоанна является учение о Святой Руси, которое служит ключом к пониманию всей русской идеологии и духовным фундаментом для будущего возрождения великой Российской империи.

По учению митрополита Иоанна, Святая Русь — особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом христианской веры во всём мире. Жертвенное служение идеалам добра, правды и справедливости, стяжание Духа Святого, устремлённость к безгрешности и совершенству и преображению души сделали русских народом-Богоносцем, новым Богом избранным народом, но не в смысле противостояния другим народам и стремления господствовать над ними, а в смысле первенства в борьбе с мировым злом за построение православного царства царств.

Святая Русь раскрывается в следующих понятиях:

— духовная цельность — неразрывность веры и жизни; вера определяет жизнь и придаёт ей смысл;
— добротолюбие — критерий истинной христианской жизни и святости;
— нестяжательство — преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными;
— соборность — растворение личности в церкви, государстве, православном народе;
— единодержавие, монархизм, имперское сознание народа.

Патриотизм — любовь к земному отечеству как преддверию Царствия Небесного. После веры в Бога патриотизм — высшее выражение духовности человека.

Избранническое служение русских в борьбе с мировым злом, по мнению митрополита, не должно быть основой для русского национализма. По его мнению, вопрос этот носит скорее религиозный, чем национальный характер. Тяжёлые испытания, обрушившиеся на русских, являются следствием того, что они в течение последних столетий были народом-Богоносцем, главным хранителем христианской веры. Поэтому именно на русских пришёлся основной удар врагов рода человеческого.

Понятие «русские», сказал митрополит, не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий богоустановленность этого служения, отождествляющую себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования независимо от национальности.

В нашей стране, говорил владыка Иоанн, национальный вопрос был преимущественно только внешней формой, за которой скрывалось стремление русских сохранить свою веру и имперскую идеологию. Все видимые

противоречия — социальные, экономические, политические — имели второстепенное значение, а главным для коренного русского человека всегда оставался вопрос о вере, о Святой Руси, об имперской идеологии, воспоминания о них хранились в тайниках его души. Возрождение Святой Руси и Российской империи во всём величии и единстве Православия, Самодержавия и Народности — главный смысл жизни человека русской цивилизации.

Рассматривая особенности развития русской цивилизации, следует особо отметить, что в России сложилось иное, чем на Западе, понимание прогресса, роли государства и хозяйства в жизни общества.

Если на Западе научно-технический прогресс — главный показатель развития человечества, то для русских мыслителей — прямая дорога в ад. Для православного русского человека может иметь истинное значение только один вид прогресса — духовно-нравственное совершенствование человека, преображение его души. Так, выдающийся русский мыслитель и государственный деятель граф С. С. Уваров связывает прогресс человеческого общества прежде всего с прогрессом человеческого духа, справедливо отмечая, что материальный прогресс низводит человека до уровня вещей.

Русские мыслители предупреждали об опасности материального прогресса. С. С. Гогоцкий в статье «Два слова о прогрессе» (1859) писал, что в слепом очаровании «прогрессивностью прогресса», в неудержимом следовании ему общество зачастую утрачивает фундаментальную ценность своей культуры. Научный, технический, материальный прогресс — это вызов Богу, это жалкое стремление человеческой гордыни потягаться с Творцом. История показывает, что материальный прогресс ведёт к духовной деградации человечества. Талмудический принцип «бери от жизни всё, не дай себе засохнуть», стремление к лучшей жизни, комфорту, богатству обедняет душу человека, выводит на передний план его биологические, физиологические элементы. Понятие материального прогресса чуждо русскому мировоззрению. Ведь конечный показатель материального прогресса: стяжание вещей и комфорта, жадное обладание деньгами и богатствами, — противоречит духовным ценностям Нового Завета. Движение по пути прогресса — это движение к концу мира, это подготовка человечества к Страшному суду. Философ С. Франк совершенно справедливо называл прогресс необратимым созреванием человечества для Страшного суда.

Преображение человечества на путях Святой Руси прямо противоположно движению мира по пути научно-технического, материального прогресса.

В XX веке эту мысль наиболее глубоко выразил священномученик архиепископ Верейский Иларион (Троицкий): «Идеал православия есть не прогресс, но преображение… Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперёд в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперёд, а вверх, к небу, к Богу». Единственный путь преображения — в искоренении греха в самом себе: «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, и узришь правду. Не в вещах правда эта, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою».

Государство русской цивилизации выполняет функцию Удерживающего, и оно закономерно тяготеет к единению с Церковью, а церковный приход в нём приобретает характер государственной структуры. Единодержавная царская власть воплощает душу нации, отдавшей свои судьбы Божией воле. Единодержавная царская власть стоит и над аристократией, и над народом, добиваясь, чтобы каждый класс общества имел равные права с другими классами (И. Д. Беляев). Царь стоит во главе всей исторической жизни нации. Государственная история России, писал один из главных разработчиков государственной теории русской цивилизации К. С. Аксаков, принципиально отлична от истории других стран Европы. Противопоставление двух главных движущих сил истории — народа (земли) и государства (власти) — ведущая мысль Аксакова: в Западной Европе эти две силы незаконно смешались, народ стремился к власти и в борьбе возник конституционный строй; в России же народ и государство мирно сосуществовали («сила власти — царю, сила мнения — народу») вплоть до реформ Петра I, когда дворянство, интеллигенция оторвались от народа, государство начало теснить «землю». Народ, земля отождествлялись Аксаковым с общиной — основой всего общественного строя Руси. Лишь патриархально-общинный быт, сложившийся на основе православия, гарантирует русскому обществу отсутствие классовых и национальных противоречий, обеспечивает единение царя,

народа и Церкви. Западная цивилизация рассудочна, там «внутренняя правда» христианства подчинена внешнему принуждению, регламенту государства. Славяне же, сохранившие истинное христианство и соответствующий его смыслу общинный быт — воплощение нравственного союза людей, — не образуют из себя государство, а добровольно призывают его. Община и государство сосуществуют на условиях взаимной договорённости и разделения функций как две «отдельные союзные силы». Государство не должно вмешиваться в земледелие, промышленность, торговлю, идейно-нравственную жизнь. Русский народ, писал Аксаков, есть народ не государственный (в смысле — не стремится к власти). Именно этим, по его мнению, объясняется «многовековая тишина внутри России». Равновесие сил было нарушено Петром I, который стал первым монархом, исказившим отношения между государством и народом. Аксаков представил Александру II «Записку о внутреннем состоянии России», в которой, в частности, упрекал правительство за подавление нравственной свободы народа и деспотизм, ведущий к нравственной деградации нации.

В 1898 году один из идеологов русской цивилизации С.Ф. Шарапов издаёт сборник «Теория государства у славянофилов», в котором убедительно обосновал, что государственное устройство России должно основываться на сочетании абсолютной самодержавной власти русского царя с широким развитием системы самоуправления, не оставляющих места для злоупотребления бюрократии и чиновничьего произвола. Поднимается вопрос о возрождении приходского самоуправления.

В начале XX века идеи русской цивилизации о единении государства и Церкви развил философ Л.П. Карсавин. Государство, стремящееся к осуществлению христианского идеала, должно в конечном счёте слиться с Церковью.

Русская цивилизация предлагает отличную от западной модель хозяйственного развития, ориентированную не на стремление к наживе, а на определённый духовно-нравственный миропорядок. Понимание экономики выходит на религиозный уровень. Это была альтернатива господствующим в мире экономическим воззрениям. Взамен западной экономике потребительской экспансии и погони за прибылью русская цивилизация предлагает христианский путь хозяйства — экономику устойчивого достатка.

Русское хозяйство самобытно, его условия совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придаёт русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Экономические основы русской цивилизации были в значительной степени обобщены в трудах С.Ф. Шарапова. Отмечая нравственный характер русской общины, он связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарапова, должен стать тот же церковный приход.

Идеалом экономики русской цивилизации может быть только независимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля должна основываться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением. Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности спекулятивной наживы, создаёт условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, идеологи русской цивилизации предлагают введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Частное предпринимательство должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Опираясь на идеи русской цивилизации, можно понять сущность паразитического капитала, создавшего такой мировой порядок, который позволяет кучке банкиров управлять абсолютным большинством человечества. Финансовые манипуляции с золотой валютой обогащают небольшую группу банкиров за счёт остального человечества. Природные ресурсы страны переходят под власть международных банкиров, отечественная промышленность несёт большие убытки. Экономические ресурсы страны автоматически перекачиваются в поль-

Главная заслуга Путина (на сегодняшний день свою миссию он до конца не выполнил) в том, что он, используя противоречия между кланами мировой закулисы, сумел приостановить разрушительные процессы внутри России.

зу мировых банкиров, остановить которых может только твёрдая власть самодержавного государства.

Позиция мировых банкиров Запада в XIX, и в XX, и в нынешнем веке являлась главной причиной кризисных событий в экономике. Деятельность мировых банкиров Запада является вызовом всему человечеству.

ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Вызовы, на которые пришлось отвечать России в последнее десятилетие XX века, были не менее серьёзны, чем те, с которыми столкнулась страна в период нашествия Гитлера. И в том, и в другом случае западная цивилизация пыталась подчинить себе Россию, поставить её на колени, присвоить её огромные ресурсы. В обоих случаях сработали защитные механизмы русской цивилизации. В первом случае, в Великую Отечественную войну, духовные основы русской цивилизации позволили российскому народу путём страданий, жертв и лишений мобилизоваться в грозную силу и уничтожить врага. Во втором случае, во время перестройки и в 1990-е годы, духовные импульсы русской цивилизации удержали подавляющую часть российского народа от либерального соблазна перестроить страну в том направлении, которое было нужно бы Западу для утверждения его полной власти над Россией — расчленение страны, лишение её народа культурного наследия и исторической памяти.

В обоих случаях защитные механизмы русской цивилизации создали условия для появления людей, ставших её движущей силой. И не удивительно, что эти люди вышли из слоёв, враждебных исторической России, в своё время повинных в огромных преступлениях против нашей страны.

Сталин, по крайней мере до середины 1930-х годов, — активный пособник преступной деятельности Ленина и так называемой ленинской гвардии еврейских большевиков, уничтоживших миллионы наших соотечественников.

Путин также вышел из либерального клана активных ненавистников России. Ельцин, Гайдар, Чубайс, Собчак, еврейские олигархи и другие мерзейшие из мерзейших были его соратниками — и это уже из истории не вычеркнешь. Ущерб, который они нанесли экономике и культуре России, более значителен, чем потери во время войны. В период правления Ельцина численность населения страны сокращалась на миллионы ежегодно.

Главная заслуга Сталина состоит в том, что его усилиями была осуществлена национальная революция, свергнувшая власть еврейских большевиков, в значительной степени (но далеко не полностью) возродившая былое значение русского народа.

Превращение (хотя и неполное и несовершенное) «Савла в Павла» — Сталина как одного из руководителей антирусского движения, в Сталина как национального вождя Русского Народа — происходило не сразу, процесс этот, начавшийся ещё в конце 1920-х, растягивается на все тридцатые годы, приобретя итоговое завершение лишь во время Великой Отечественной войны. Могучая русская цивилизация духовно подчиняет себе большевистского вождя, освятив его деятельность положительным содержанием. Гений Сталина состоял в том, что он сумел коммунизм из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития русского государства.

Главная заслуга Путина (на сегодняшний день свою миссию он до конца не выполнил) в том, что он, используя противоречия между кланами мировой закулисы, ядром которой являются сионистские вожди, сумел приостановить разрушительные процессы, которые происходили в нашем обществе, и по крайней мере затормозить разграбление России. Следует заметить, что процессы разрушения сейчас происходят во всём мире, однако в России по сравнению с США и её западноевропейскими сателлитами эти процессы протекают медленнее.

Путину так же, как в своё время Сталину, удалось переиграть связанную с мировой закулисой пятую колонну внутри страны. Крушение ключевых еврейских олигархов Гусинского, Березовского, Ходорковского сильно ослабило экономическое положение пятой колонны.

Либералы, чувствовавшие себя полными хозяевами в стране, стали апеллировать к Западу и мировой закулисе. Но, несмотря на огромные денежные вливания в пятую колонну, отдача,

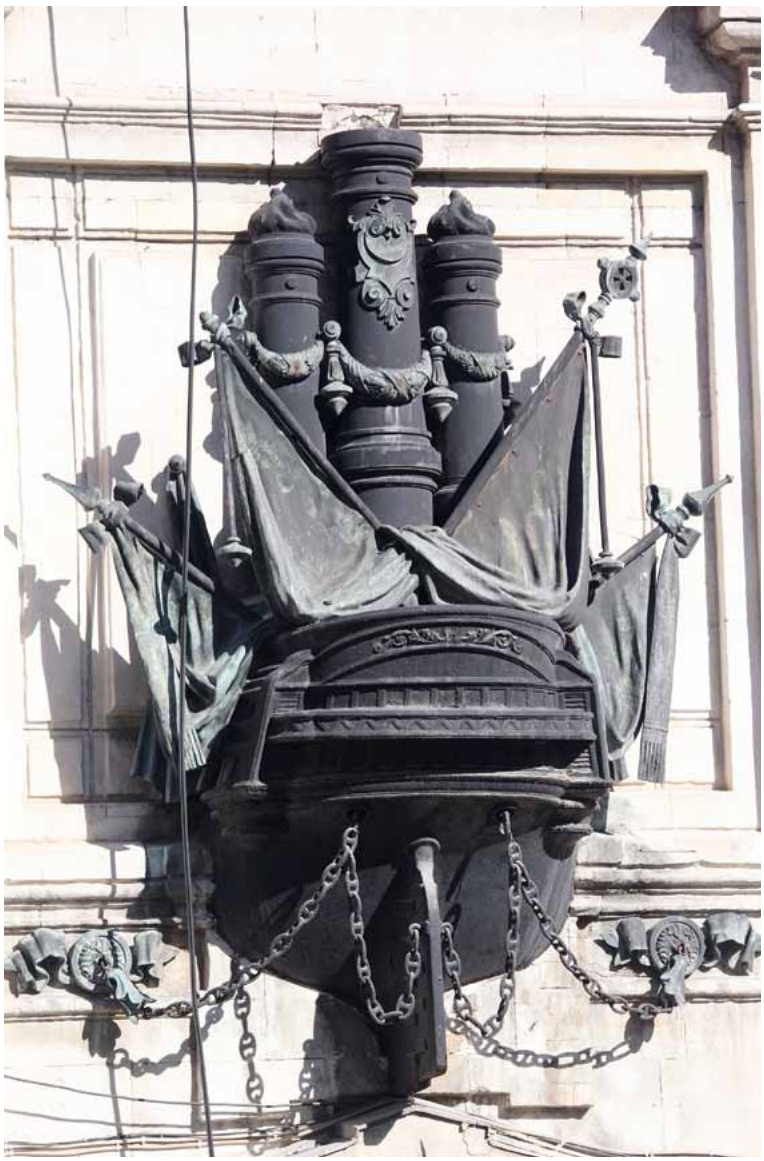
которую ожидали от нее, оказалась ничтожной. Попытка организовать «оранжевую» революцию в 2012 году провалилась. Болотная площадь и её ничтожные лидеры стали символом бессилия либерализма в России.

Самые разрушительные импульсы против русской цивилизации идут с Запада. Путин подчёркивает, что серьёзный вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в евроатлантических странах. Многие из них, отмечает он, *«фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьёз говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют или даже называют как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника — нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем. Всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису»*.

В начале XXI века человечество вступило в совершенно новую эпоху, которой сопутствует иная архитектура мира и полная переоценка ценностей. Соответственно, все наши оценки и поиски ответов на современные вызовы и угрозы миру должны делаться исходя не из старой, относящейся к прежней эпохе шкалы координат, а из принципиально нового инструментария оценки, позволяющего понять суть происходящих событий.

И здесь, прежде всего, следует сказать о том, что то, что сегодня называют «мировым экономическим кризисом», на самом деле является началом стихийного, самопроизвольного демонтажа всей системы западной цивилизации и традиционного капитализма, возрождения вечных общечеловеческих ценностей, воплощённых в христианстве.

Главной причиной существующих в мире военных угроз является традиционная система капитализма, миропорядок западной цивилизации, постоянно провоцирующий конфликты и агрессию. Западная цивилизация трансформировала государственную власть. Она превратила её из национальной и независимой власти во власть, подконтрольную наднациональной элите, в то, что мы называем «мировой закулисой». Развитие власти наднациональной элиты привело к потере национальных суверенитетов и национальной идентичности во многих странах. Главной формой управления современным западным обществом является управляемая демократия, в условиях которой под ширмой псевдодемократических процедур (выборы, голосование и т. п.) доминирует абсолютная власть наднациональной элиты. С помощью подконтрольных средств массовой информации людям внушается, что они свободны и живут в свободной стране. Однако на самом деле декларированная свобода оказывается фикцией, а окончательный выбор делает наднациональная элита.



Вместо паразитической экономики капитализма, экономики потребительства, — создание национальной экономики устойчивого достатка. Вместо сырьевой экономики — создание автаркической экономики, в условиях которой природное сырье будет перерабатываться внутри страны. Подчинение финансово-кредитной и банковской системы реальному производству — а не наоборот.

Управляемая демократия — власть узкой группы очень богатых людей и обслуживающих их политических деятелей. Именно эти люди закулисно решают, кто будет управлять — начиная с общегосударственного и кончая местным уровнем. Типичными представителями управляемой демократии являются США и страны Западной Европы. В этих странах под прикрытием демократической риторики существует самая жёсткая диктатура наднациональной элиты. Самопроизвольный демонтаж системы западной цивилизации уже сейчас привёл к неизбежному разрушению политических институтов, обслуживающих капитализм, вызвал кризис всей системы власти Запада.

Несомненно, что многие западные политики попытаются сохранить свою власть над обществом и странами-сателлитами путём усиления агрессивных военных акций, глобальной гегемонистской политики, милитаризации международных отношений. Соединённые Штаты, например, в трагических для этой страны условиях могут попытаться развязать глобальную войну, чтобы в результате её списать огромную задолженность Америки всему миру, — не исключается создание системы военного капитализма, основой которой станут вооружённые силы США и блока НАТО.

Катастрофические события, развивающиеся на Западе сегодня, затронули и Россию. Нам, русским, горько видеть, как в ту же яму, как в чёрную дыру, засасывает и нашу страну. Судьба западной цивилизации рассматривается у нас как вопрос войны и мира. Президент Путин несамостоятелен в выборе решений и инструментов в области мировой экономики. И не потому, что он выполняет указания с Запада. Он не самостоятелен, потому что использует чуждые России западные инструменты и методы регулирования. Он хочет отрегулировать наш разрушающийся капитализм теми же самыми методами, которые и привели к его разрушению. Вместо поддержки реального производства в России наше правительство бросает огромные ресурсы на сохранение паразитических финансовых структур, банков и обанкротившихся посреднических организаций. Вместо вкладывания денег в отечественную экономику, строительство дорог, заводов, фабрик, внедрение передовых технологий триллионы долларов из наших государственных структур и государственного резервного фонда размещаются в американском казначействе, американских и европейских банках и других финансово-кредитных организациях Запада..

Каков же должен быть ответ Путина с позиции ценностей русской цивилизации? Прежде всего, следует отметить, что ещё с XIX века русские мыслители считали капитализм чисто западным явлением, чуждым для России. Уже тогда они разработали свои предложения, которые позволили бы стране избежать крайностей как капитализма, так и нарождающегося социализма.

Этот ответ с позиции русской цивилизации был таков:

— вместо паразитической экономики капитализма, экономики потребительства, основанной на хищническом использовании природных ресурсов в интересах узкой группы собственников, — создание национальной экономики устойчивого достатка, предусматривающей справедливое распределение природной ренты;
— вместо сырьевой экономики, основанной на вывозе природных ресурсов за границу, — создание автаркической экономики, в условиях которой природное сырье будет перерабатываться внутри страны, а из нее вывозиться готовый высокотехнологичный продукт;
— подчинение финансово-кредитной и банковской системы реальному производству (а не наоборот).

Для решения этих задач идеологические основы русской цивилизации подталкивают нас к созданию российского корпоративного государства, основанного на отечественных традициях, которое объединит мощность государства и частную инициативу. В перспективе же корпоративное государство должно слиться с Православной церковью, а церковный приход — стать главной ячейкой общества. Сумеет ли президент Путин повести Россию этим путём, покажет время.

СЕВАСТОПОЛЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
КТО К НАМ С МЕЧОМ
ПРИДЕТ...

/ Архимандрит ТИХОН (Шевкунов) /

Неизвестные герои

За последние десятилетия успешно проведена работа по тотальной дегероизации России

– В Послании Федеральному собранию Президента В.В. Путина есть такие слова: «Мне больно сегодня об этом говорить, но сказать я об этом обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп». Может ли общество жить без идеологии? Без идей? Без примеров и образцов?

— Разобщенность «отцов и детей», непонимание людей даже внутри одного поколения, размывание, а порой и утрата традиционных для России нравственных ценностей… До нынешнего года ни о чём подобном от руководителей нашего государства мы не слышали.

Нравится нам это или нет, но после советского периода с его принудительной идеологией мы, по нашему обычаю, шарахнулись в противоположную сторону — в данном случае к полной идейной растерянности, неопределённости смыслов и целей. При всём отвращении к любой принудительной идеологии, всё больше людей постепенно приходят к выводу, что и другая

крайность — полностью деидеологизированное государство духовно расслаблено и попросту нежизнеспособно.

— А что взамен? Новая идеология?

— Вот уж чего бы я нам совсем не желал, так это вымученной за письменными столами, обязательной для всех идеологии. Но, к счастью, в области человеческих убеждений и мировоззрений есть вещи, гораздо более значимые и действенные, чем любая идеология.

— Например?

— Вечные ценности.

— Для современного человека это как-то слишком патетически звучит. Может быть, лучше — «базовые ценности»? Именно их воспитанием сейчас как раз призывают активно заниматься, когда говорят о молодёжной политике России.

— А позвольте спросить, какие «базовые ценности» сегодня наиболее востребованы молодёжью?

— Это известно по многочисленным социологическим опросам. На первом месте — здоровье. Потом качественное жильё, семья. Потом деньги, материальные блага. Безопасность. Возможность получить высокооплачиваемую, интересную работу. Далее — друзья. И, наконец, — любовь к Родине.

— Ну если главные ценности молодёжи сегодня действительно именно таковы, то наше положение и вправду — хуже не придумаешь. Ведь если перевести эту иерархию ценностей с социологического на русский, то мы услышим: «Обеспечьте мне качественное образование, высокооплачиваемую работу, безопасность, достойное жильё, всё для поддержания здоровья, и тогда мы с друзьями будем любить Родину».

Я совершенно не собираюсь морализировать, всё перечисленное социологами — естественные и нормальные желания большинства людей. Мне только одно непонятно: зачем усилиями, как было сказано, молодёжной политики целого государства заниматься воспитанием готовности получить качественное жилье? Или терпеливо взращивать непритворное стремление к высокой зарплате? Очевидно когда мы говорим об ослаблении «духовных скреп», то имеется в виду нечто иное.

— Все-таки «вечные ценности»?

— Похоже, что так. Пренебрежение ими, забвение их приводит к трагическим разрывам и непони-

Иеромонах РОМАН (МАТЮШИН)

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Вся Россия стала полем Куликовым.
Ополчился ворог. Быть нам иль не быть?
Но не слышно клича Дмитрия Донского,
Некому Отчизну нашу защитить.
И зовут к покаянью перед вражьим мечом словоблуды,
И в князья норовят, кто в холопах седины стяжах.
Да разыдется тьма! Умолчите, иуды!
Бог не в силе, а в правде, правда в верных сердцах.
На земле родимой Родина в опале.
Разгулялась погань и просвета нет.
Где ты, Старче Божий, Сергие Всехвальне?
Под твоей десницей каждый — Пересвет.
Так подымем хоругви, помолясь крепко Богу.
И за Веру, за Русь станем все, как один.
Нет ни Сергия ныне, ни князя Донского,
Только образ Пречистой, да Спас впереди.

1994

* * *

Россия — Свет! Россия — Предстоянье!
И Грех, и Плен, и всё же — Божий дом!
Россия — Православное дыханье,
Препона плоти на пути земном.

И, как бы отовсюду ни грозили,
Не ужаснёмся тучам грозовым.
— Спасение прии́дет от России! —
Сказал великий старец Серафим.

И если мир отвержется спасенья,
Подвигнется с мечом, как на парад, —
Нам со Христом и смерть — приобретенье!
Им без Христа и жизнь — кромешний ад!

1998

* * *

Любите Родину! Она у нас одна.
В благословенье Господом дана.
У Царственной отнюдь не царский вид,
Но Истину, как никогда, хранит.

И пусть себе гогочущие скачут,
Нам сказано: Блаженны те, кто плачет.
А значит, есть Надежда и в кручине!
О, Родина! Души моей Святыня!

2003

манию между людьми и поколениями. Помните, у Шекспира: «Порвалась связь времён»…

Да, высшие ценности — милосердие, доброта, мужество, жертвенная любовь к людям и к Отечеству, мудрость, верность, бескорыстие, справедливость, скромность… Я уже не говорю о вере в Бога, об открытии Его замысла о мире и человеке. Именно перечисленные духовно-нравственные качества так хотят видеть большинство родителей в своих детях. И, наверное, именно их воспитание и культивирование должно быть предметом молодёжной политики. Но только вот беда: никакие нравоучения и самые правильные проповеди здесь совершенно не работают. Более того — вызывают стойкую и длительную аллергию.

— Так в чём же, по-вашему, должна заключаться современная молодёжная политика?

— Не знаю, что сказать о современной, но давайте вспомним, в чём заключалась молодёжная политика… в Древней Греции.

Этической базой, основой древнегреческого общества были — герои. Мифические и совершенно реальные. Такие как Перикл, Александр Македонский, герои искусства, философы — Гомер, Фидий, Платон.

Древний Рим тоже был цивилизацией героев — Тиберий и Гай Гракхи, Цезарь, Муций Сцевола. Чтобы передать молодому поколению высокое чувство жертвенной любви к Родине, вовсе не требовалось читать юношам морали. Достаточно было рассказать, как их сверстник Муций Сцевола, взятый в плен врагами и принуждаемый к предательству, произнёс: «Вот что может сделать свободный римлянин» — и, положив руку в огонь жертвенника, держал ее, пока она не обуглилась.

Византия в этическом смысле тоже была цивилизацией героев. О них можно было прочесть в особых книгах, называемых «житиями святых»: в этом обществе в первую очередь были востребованы герои духа. В средневековой Европе герои — это рыцари. На Руси — святые и богатыри-рыцари. Своих героев мы увидим и в новой, и в новейшей истории. Я уже не говорю о недавнем советском периоде, насквозь пронизанном культом истинных и поддельных героев.

Герои — это носители тех самых главных, вечных ценностей — народа, культуры, цивилизации, как раз того, о чём с вами говорим. Но, что очень важно, они больше, чем просто носители. Именно на них в обществе возложена непосильная ни для кого другого задача — действенной передачи этих ценностей от поколения к поколению, от сердца к сердцу. Никакие морализирования, нравоучительные проповеди, семинары и «селигеры» без этих подлинных носителей высших ценностей с такой задачей не справятся. Педагогическая функция героев — продолжение их особого служения даже спустя много веков после их смерти. Недаром знаменитые «Сравнительные жизнеописания» Плутарха — биографии великих римлян и греков, изучались, к примеру, в российских гимназиях вплоть до революции, когда на смену прежним пришли совершенно иные герои.

— А что же у нас сегодня происходит с героями?

— Простите, не происходит, а уже произошло. За последние десятилетия успешно проведена работа по тотальной дегероизации России. Как писал Маяковский, «работа адовая будет сделана и делается уже».

Вообще-то дегероизация — это, в разумных рамках, позитивный и порой даже необходимый процесс, время от времени происходящий в различных странах и культурах, когда ветром истории с пантеонов сносит шелуху и наносное.

Но в нашем российском случае за ревизию взялся «креативный» класс и «рукопожатное» сообщество особо продвинутых любителей отечественной истории. В итоге проведённой с большевистской беспощадностью зачистки национальных героев они нам просто не оставили. Низложены все. Превращены в безжалостных монстров, подонков и подлецов, трусов, извращенцев, беспринципных конъюнктурщиков. Методы — клевета, циничное и безжалостное высмеивание, передёргивание фактов. В науке — тенденциозность. В сборе фактов — подлоги и приёмы папарацци. И всё это, конечно, под предлогом «борьбы за правду» и трепетного желания открыть нам, слепым и обманутым, истину о нас самих.

Недавно я зашёл в центральный московский книжный магазин. На самом видном месте, среди лидеров продаж — пасквиль Резуна о маршале Жукове, очередное переиздание. Или ещё пример: уже не год и не два муссируется идейка о том, что «ваш Александр Невский» — не более чем заурядный приспособленец, прихвостень татарских князей. А Пушкина как пытаются ославить бездарные пошляки!..

— Но если вам возразят, что есть немало фактических материалов, говорящих о жестокости Жукова.

— Отечественные и академические западные учёные давно камня на камне не оставили от «исто-

рических» концепций Резуна. Да речь ведь даже не об этом. Любого без исключения военачальника можно при желании обвинить в жестокости. Но помните, что писал Пушкин: «Оставь герою сердце… Что же // Он будет без него? Тиран…» Это из стихотворения «Герой», посвящённого, кстати сказать, не кому-нибудь, а Наполеону — врагу России. Вот где мудрость гения и глубокий, пронизывающий века исторический взгляд.

Книга Резуна и последовавшая за ней кампания — ярчайший пример согласованной деятельности, международной и внутрироссийской — по перелицовке не только истории Второй мировой войны, но и нашей национальной ментальности. Подспудно и напрямую нам внушают: если те, кого вы называете своими великими героями, на самом деле сплошь и рядом — чудовища и выродки, то какова же «эта страна», каков народ, каковы вы сами?

Из недавней истории в качестве героев нам оставлены, кажется, лишь двое: престарелые академики Д. С. Лихачев и А. Д. Сахаров с их противостоянием распадающемуся советскому государству. Был ещё, правда, А. И. Солженицын, но в последние годы жизни он, по мнению креативной публики, что-то не то написал, и они его от своего общества отлучили.

Впрочем, каких-то современных героев «креативный класс» нам всё-таки предлагает. А именно — «героев» гламура. Они несут и успешно передают молодым «ценности», прямо противоположные высшим: вместо скромности — наглое тщеславие, вместо благородства — мелочность, вместо мужества — демонстративное приспособленчество и конъюнктуру. И далее по списку.

— Но где же в нашей стране сегодня взять настоящих героев?

— Да, вот уж извечный вопрос!.. Об этом еще Чацкий у Грибоедова терзался: «Где, укажите нам, отечества отцы, // Которых мы должны принять за образцы?»

Только давайте вспомним, в какое время Чацкий бросает этот упрёк России? В 1827 году, кажется, Грибоедов читал законченную рукопись в Петербурге. И что же, тогда действительно не находилось никого, кто мог бы послужить благородным примером и высоким «образцом»?

Но ведь именно в эти годы расцвёл гений Пушкина. Творили Баратынский и Жуковский. Карамзин совершил научный и литературный подвиг, публикуя «Историю государства Российского» на языке современной русской словесности. Беллинсгаузен и Лазарев в 1820 году открывают Антарктиду. В годы написания «Горя от ума»

Лобачевским создана неэвклидова геометрия. В живописи — Веницианов, Брюллов, Кипренский. В музыке — Глинка, Алябьев. Не говоря уже о наших великих воинах — генералах, офицерах и солдатах, изгнавших Наполеона и дошедших до Парижа! Их что, тоже нельзя «принять за образцы»? А Сперанский, Уваров? Да те же декабристы, если кто-то хотел взять с них пример, тоже были, что называется, под рукой.

Как же можно ответить людям, во все времена мыслящим о России, как Чацкий? Что это за поразительно близорукая позиция? Ответ простой,

Не формула национальной идеи, а люди, воплощающие в себе эти лучшие и преемственные в нашей тысячелетней истории духовные качества, и выражают собой цель и национальную идею России. Да и народ, по большому счёту, никогда не формулирует свою национальную идею, но зато безошибочно определяет её носителей.

и дал его нам тот же Александр Сергеевич Пушкин в одном из писем Вяземскому. Он написал о главном герое «Горя от ума»: «Чацкий совсем не умный человек!»

Нет героев… Да только за прошедший год двое наших военных закрыли своим телом гранаты, чтобы спасти бойцов. Мы помним их имена?

— Без того, чтобы в Интернет заглянуть, нет.

— В том-то и дело. Майор Сергей Солнечников и сержант Евгений Эпов. А чем отличается их подвиг от подвига Александра Матросова? И ведь мы можем привести множество примеров — люди совершают настоящие подвиги: и военные, и государственные, и научные, и трудовые.

— Что же мы должны сделать по отношению к ним?

— «Должны» — не самое удачное слово. Когда мы говорили о высших ценностях, то не упомянули одно из самых высоких и, безусловно, самое благородное человеческое качество — благодарность. Лишь очень немногие высокие души сами взращивают в себе это редкое и прекрасное чувство. Навыку искренней благодарности надо терпеливо и, что необычайно важно, деликатно учить и детей, и взрослых. Это касается и отдельных людей, и всего общества. Нельзя требовать благодарности по отношению к самому себе — это предельно пошло, — но можно и жизненно необходимо прививать людям умение быть благодарными к тем, кто этого действительно заслуживает.

Есть лишь одна заповедь, за исполнение которой Бог обещает совершенно определённую награду: «Почитай отца твоего и матерь, и долголетен будешь на земле». То же самое относится и к жизни народов и обществ. Посмотрите, сколько столетий и даже тысячелетий живут, несмотря ни на какие катаклизмы, страны, где почитание предков и национальных героев возведено в незыблемую традицию и повсеместный обычай. И напротив, как только в стране начинают дерзко разорять традиции предков и очернять лучших сынов и дочерей своего народа, стремительная деградация и распад неминуемы.

Люди, воплотившие в себе лучшие качества человека, таким, каким его задумал Бог, лучшие качества своего народа, — это величайшая драгоценность любой страны. Именно они — знаменитые и безвестные — самое великое достояние России. Никакие усилия государства и общества не могут быть признаны чрезмерными, если они будут направлены на благодарность и на то, чтобы не дать пройти незаметно подлинным проявлениям героизма.

Сколько раз мы читали в газетах о том, как в каком-нибудь губернском городе, прямо на бульваре, на глазах у всех какие-то мерзавцы схватили девушку, потащили её в машину, а прохожий, парнишка-ботаник, заступился и был за это убит. Сколько таких сообщений… Но ведь этот парнишка и есть настоящий, истинный герой! А что же мы? Ну, появится маленькая заметка в областной газете. Ну, кто-то усмехнётся: «Дурак, нечего было лезть». Кто-то посочувствует: «Жалко парня». И всё. И мы снова будем удивляться пассивности, трусости, нерешительности нашей молодёжи…

— Вряд ли такие истории попадают в поле зрения губернаторов, например.

— Беда, если это действительно так. Прославление героев всегда было задачей первых лиц. Мы хотим, чтобы наши юноши были мужественными и не привыкали к трусости? Хотим, чтобы они не давали своим пассионарным восточным сверстникам (у которых, кстати, нет недостатка в героях для примера в жизни) помыкать собой в армии? Не проходили бы один за другим мимо, потупив глаза, когда рядом оскорбляют девушку? Если в сквере, где произошла трагедия, поставить памятник этому погибшему «ботанику» — настоящему русскому герою, если на открытие памятника губернатор соберёт весь город, то жизнь для местных подлецов окажется уже не столь безопасной: благодарная память героев способна вдохновить даже робких.

— Губернаторы вам скажут, что у них слишком мало времени, чтобы заниматься подобными вещами.

— А вы думаете, у президента Соединённых Штатов его много? Но ведь он каждый год встречается с пожарными, тушившими небоскрёбы 11 сентября. Лично приходит, потому что знает: это — часть его самого главного служения. Да что брать

далёкие примеры — 1 марта была годовщина подвига офицеров и солдат 6-й десантной роты. Президент Путин специально для того, чтобы почтить их память, прибыл в Псков. Да, показали сюжет по телевидению. И всё… СМИ «отработали» и забыли. Спросите у молодых, знают ли они об этом, без всякого преувеличения, беспримерном подвиге десантников? Здесь у нас совершенно нет продуманной, системной работы.

— Или, может быть, у нас действительно не самое пригодное для героев время?

— В двадцатые-тридцатые годы в период Великой депрессии в США ситуация была в этом смысле ещё более скверной, вот уж действительно — самое что ни на есть непригодное для героев время. Казалось, вокруг их нет и быть не может. Что же сделали американцы? Осознавая, что как раз в такое безвременье носители важнейших, вечных ценностей особенно необходимы, они всё-таки нашли героя. Кого? — простого пастуха. Ковбоя. На него, на этот образ, и была, по сути, возложена ноша передачи традиций и духовно-нравственных ценностей американского народа.

— Он рождал хорошие ассоциации: свобода, ответственность, сила, мастерство своего дела…

— Да, а ещё благородство, мужество, оптимизм, терпение, доброта, чувство справедливости, жертвенность. И в течение многих лет он прекрасно выполнял «функцию героя».

— Но это герой преимущественно кинематографа, культуры. При всей важности таких примеров для воспитания, с ними всё вроде бы ясно. Но вот герои истории?.. Как раз сейчас идёт напряжённая дискуссия о том, каков должен быть учебник отечественной истории. Возможен ли вообще единый подход к такому противоречивому предмету, как история, не утопия ли это?

— В Церкви Христовой, когда общее решение должны принять люди самых разных позиций и взглядов, мы руководствуемся нашим древним христианским принципом: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, во всём — любовь».

— Может быть, к этому прислушаются участники дискуссии?

— Вот уже два десятилетия у нас ищут национальную идею. Пока остановились на том, что это патриотизм. Конечно же, оно так, но любые окончательные формулировки, к сожалению, рано или поздно становятся общим местом, они всегда ограниченны и уязвимы, почти всегда досадно идеологизированы. Такие формулировки неизбежно меняются в зависимости от изменений то государственного строя, то направления политики. Но есть вечные и высшие ценности и человеческие качества — такие как вера, честь, благородство, справедливость, стремление к истине, служение своему делу, труд в раскрытии талантов, данных человеку Богом, жертвенность, доброта, любовь к людям, любовь к своему Отечеству и верность ему. Не формула национальной идеи, а люди, воплощающие в себе эти лучшие и преемственные в нашей тысячелетней истории духовные качества и выражают собой цель и национальную идею России. Да и народ, по большому счёту, никогда не формулирует свою национальную идею, но зато безошибочно определяет её носителей.

Впервые опубликовано в «Российской газете», № 55, 14–20 марта 2013 г.

/ Олег РОЗАНОВ /

Освящение материи

Наше оружие — это смыслы, осмысление величия страны, народного единства. Россия будет готова к ударам западной машины манипуляции, только укрепив национальное смысловое единство, взрастив свою идеологию, возродив духовные и исторические скрепы нашей страны.

ПРАВДА РОССИИ

Уникальность нынешнего исторического состояния России заключается в том, что мы вступаем в ту точку развития, когда начинают проступать контуры будущей Пятой империи, возрождающейся державы XXI века. Восстановление национальной гордости и достоинства, утверждение ясного целеполагания в современном глобальном мире выведет Россию на свойственный ей цивилизационный путь.

Путин, приняв на излёте XX столетия обломки государства, начал на сохранившемся историческом фундаменте реставрацию империи. Осознав всю масштабность стоящих перед ним задач, трудность их реализации, он неспешно, с откатами назад, с противоречиями и тем не менее неуклонно выстраивает каркас будущей России.

С конца 80-х годов XX века до начала 10-х годов века XXI в России враждебные ей силы предприняли титанические усилия по десакрализации идеи государства, по размыванию того духовно-культурного генотипа нашего народа, в который вложено мощное интуитивное чувство Родины как высшей ценности и вера в неё как в часть высшей реальности, воплощённой на земле. Россия для нас была и остаётся уни-

кальным заветным метафизическим пространством, оберегаемым от мерзостей сегодняшнего реального мира.

Трудности и несправедливости исторической жизни России и её народов лишь укрепляли эту веру-мечту в царство правды. Соединение мистического и земного, восходящее к Евангелию, создавало особое наполнение идеи Святой Руси. Отсюда и вера в Россию как легендарное «царство Иоанна», и православное убеждение в том, что «Россия есть Дом Пресвятой Богородицы», и мессианская вера советских людей в правоту своего дела («наше дело правое, победа будет за нами»). Сущность этого народного верования выразил Достоевский: «Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». С 1918 года этот могучий миф нашёл новое своё воплощение в чудесном явлении иконы Божией Матери «Державная», которая символизировала переход верховной власти в России из рук убиенного царя в руки непосредственно Царицы Небесной, то есть переход её на метафизический уровень. Советский атеистический этап нашей истории не выветрил этой веры и этого чувства России, не взломал наш генотип. «Вечный огонь» Великой Отечественной войны стал преемником той эстафеты, которую пронёс до XX века русский народ с его идеей Третьего Рима и многие народы Востока, верящие в обетованную державу «белого царя».

Русское царство правды не было вполне осуществлено, но от этого оно не становится в сознании народа чем-то ирреальным. Напротив, скорби и тяготы земной жизни, пороки социального устройства, недостатки земного государства лишь высвечивают высоту идеала.

Наша правда заключается не в том «рае», который мы сами способны построить для себя, а в том, что мы не допустим восторжествовать силам ада, причём не только на своей земле. Раскрытие России — на уровне мировых отношений — это воспроизводство данного Богом разнообразия, священной божественной гармонии. Это собирание вер, народов и культур без их обезличивания. Это многоголосие, свобода как самостоятельность и самобытность. Это уважение других в их суверенности и самобытности. Это «человечество» и права отдельного человека не в противовес конкретному народу и стране. Это когда род человеческий — как один соборный народ, и каждый человек как сын своего народа. В валдайской речи, как и в ряде других своих недавних выступлений, Путин показал, что он хорошо это понимает и на этом стоит.

Бог берёт несовершенного человека таким, какой он есть, и делает из него то, что Ему нужно. Именно этот метафизический процесс произошёл в сознании и сердце президента.

НА ПОРОГЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БИТВЫ

Путин сильно изменился, да и не мог не измениться с тех пор, как пришёл на вершину власти. В этом смысле он не чудесный сказочный избавитель, но носитель сложного и многострадального опыта переплавки в горниле истории. Нельзя сказать, наверное, что Промысел нашёл себе опору в свойствах и качествах лидера, но можно сказать, что Промысел сам стал выращивать и вызывать в этом человеке необходимые свойства и качества. Бог берёт несовершенного человека таким, какой он есть, и делает из него то, что Ему нужно. Именно этот метафизический процесс произошёл в сознании и сердце президента.

Точна и предельно глубока мысль Александра Проханова о том, что изначально существовал замысел, по которому Творец выстраивал государство Российское, и в этом замысле было уготовано место и для Путина. Осознав

Фёдор ТЮТЧЕВ

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

1855

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное…

Ложь воплотилася в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем…

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времён
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытаньи строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом…

1854

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

1866

это место и эту миссию («замкового камня», по определению Проханова), президент недавно смог провозгласить максиму, свидетельствующую, что он достиг метафизической зрелости: **«Не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России»** (сказано на конференции Общероссийского народного фронта «Форум действий» в декабре 2013 г.).

Мы идём от либерализма к новой, современной версии политического традиционализма, к имперской традиции гармонии народов, евразийскому братству. Путину нелегко даётся этот исторический переворот. Олигархическая система, созданная на постсоветском пространстве по сценарию западных мудрецов, противится этому перевороту. Путину трудно отказаться от системы, которую в её новом виде он сам во многом сконструировал. Но в 2011 году со всей отчётливостью проявилась сущность проолигархической элиты как наглых, циничных отщепенцев, считающих себя высшей кастой, презирающих Россию и всё русское. Неудивительно, что эта толпа «креаклов» отвергла и Путина, который уже во многом «переплавился» в плавильном горне России. Ужаснувшись, Путин стал искать себе опору в народе. Так поднялась Поклонная гора. Так был собран и мобилизован Изборский клуб, призванный стать авангардом консервативного преображения страны.

Если бросить взгляд на ту сферу, что наполняет сознание наших людей, на средства массовой информации, мы увидим, что доминирование там этого оторванного от страны квазикреативного класса пока ещё остаётся определяющим. Большая часть СМИ играет на стороне информационного противника страны: показывают Россию с изнанки, с чёрного хода, взращивают западников и русофобов. Пятая колонна пытается опошлить всё, что связано с величием России, с её статусом великой державы. Главное сражение разворачивается сейчас не на полях брани, а в сердцах и умах людей. Мы день за днём наблюдаем, как всё новые и новые страны становятся на колени. На наших глазах братская Украина пала без единого выстрела артиллерийских орудий. Но теперь отречься от себя заставляют людей не выстрелы, не бомбардировки и не налёты истребителей, а другое оружие — информационное, организационное, разрушающее жизнь страны изнутри.

Уинстон Черчилль как-то озвучил: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». Это выражение как никогда справедливо по отношению к современной России. Вкладываются гигантские средства в оборонно-промышленный комплекс. Но это само по себе не спасёт нас в битве за право быть. Россия как единое государство может не дожить до реальной горячей войны, пав, как и Советский Союз, под ударами организационного оружия. Великая держава, обладавшая гигантским военно-промышленным потенциалом, пала в какие-то три дня.

В первую очередь мы нуждаемся в создании исследовательских институтов, центров по изучению современного российского общества, в организационной подготовке, в диалоге власти с пророссийской интеллектуальной элитой. Нам жизненно необходима смена медийной элиты, очистительные меры в масс-медиа. Наше оружие — это смыслы, осмысление величия страны, народного единства. Россия будет готова к ударам западной машины манипуляции, только укрепив национальное смысловое единство, взрастив свою идеологию, возродив духовные и исторические скрепы нашей страны. Необходима всеобъемлющая картина мира, отличная от либеральной, — и эта картина мира есть у нас, она создана за десятилетия многими мыслителями, цвет которых сейчас собран в нашем Изборском клубе.

ЗНАМЯ МОРАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА

В то время как учёные пытаются сконструировать мир без Бога или вписать его в свои материалистические модели, Священное писание даёт людям представление о построении Святилища, о превращении материальной вселенной в дом Божий. По Священному писанию, возвести храм — это цель земного бытия. И русский народ, русская православная цивилизация создана для выполнения великой заповеди построения справедливого Царства Божьего на земле.

Весь наш народ имеет внутреннее знание истины, иначе он бы не жил. На протяжении многих веков мы на основе православного мировоззрения создавали свой идеал мироосуществования как народный аналог правды на земле. В его основе лежало представление о Святой Руси — спасительнице человечества. Мы воплощали этот божественный замысел в нашей реальной жизни, в нашем реальном

мире. Вера в «священный космос», возможность преображения Вселенной наделяет православие особенным отношением к жизни и особенной мистикой. Идея симфонии материального и божественного, священства и царства заложена в православной мысли. Поэтому мистическое, сакральное восприятие верховной власти присуще русскому народу. Об этом очень точно написано в одной из работ современного философа, изборца Виталия Аверьянова: «Метафизика нашей державы не совпадает до конца с вселенским православием, но и не противоречит ему. Согласно этой не проговариваемой вслух метафизике, само государственное строительство России представляет собой **правду Божию**. В таком понимании русская идея выступает как идея божественного присутствия, лишённая при этом доктринальных (религиозных, вероисповедных) ограничений. <…> Россия как держава «белого царя» утверждает божественное присутствие непосредственно — через прямую связь между личностью царя и личностями его подданных, через связь их всех в Боге…»

Завет построения справедливого Царства Божьего на земле напрямую воплотился и в русском империализме, священном в своей сути. Россия для входящих в неё народов стала именно таким огромным Храмом, домом Божиим. Это драгоценные страницы нашей материальной истории. Концепция инока Филофея «Москва — Третий Рим» особо важна и единственно логична для нас. Она в своей сути снимает вечную оппозицию вселенского и национального, духовного и политического, церковного и имперского. Со времён Филофея минула половина тысячелетия. За эти 500 лет Россия пережила с лихвой напасти кровавых войн, несла сокрушительные потери, но и проживала бурный рост, и испытала кардинальные перемены в общественной жизни. И всё это время она продолжала оставаться самой большой, несопоставимо большой и сильной православной цивилизацией.

Верховная воля к выходу за пределы мещанского мироустройства каким-то естественным образом ведёт нас из глубины веков. И эта ми-

стическая реальность, скрывая свою внутреннюю природу, во все эпохи утверждает видимых наместников своих, верховную власть, и воздействует на верховного правителя народа. Истинно для России, что православие сливалось с народом в самодержавном **помазаннике**. Верховный лидер, помазанник — это проводник религиозной первоосновы человеческой власти. В нём отражён симфонический идеал духовно-телесной жизни. Человечество, эгоистическое по своей сути, с его всевозможными грехами, алчностью, коррупцией, несправедливостью, не может жить вне государства, вне онтологических основ власти. Это не означает обоготворения государства, превращения его в абсолют. Вл. Соловьёв по этому поводу сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Но из религиозной первоосновы человеческой власти вытекает один фундаментальный вывод: смысл жизни верховного руководителя определяется помазанием, а главная его роль — в постановке сверхзадачи для его народа. В этом коренное решение проблемы существования сегодняшней России в целом.

И помазанник, находящийся как бы на изломе абсолютного начала и относительного, становится проводником божественных энергий. Так происходит освящение материи. Предметы и дела окружающего мира приобретают свойства святости. Всё, над чем работает государь, к чему прикасается, все предметы жизни, — всё освящается этой энергией. Этот **священный материализм** — особенность православного исповедания и мировоззрения русского человека. Не морализм, не строительство мира на формальных общечеловеческих принципах, принимаемых за библейские, а подлинная связь с универсальной божественной гармонией и подпитка души человека высшими энергиями. В этой связи главная задача человека состоит в освящении окружающей его материи через поступки и дела. И грех русского народа в том, что, прельстившись материальным раем, мы забыли о своём мессианском призвании. «Материальный» источник света привёл нас в разделённое состояние. Поэтому на помазанном Богом главе государства лежит важная миссия: проводить путём государственности духовно-нравственные начала, ограждать, защищать общество от квазиценностей, «отделять зёрна от плевел». Принятие высокого консерватизма как движения вверх и вперёд должно стать средством достижения высших целей. На этом пути произойдёт возвращение России как государства правды и справедливости.

Несмотря на всю глубину падения и разрушения России в конце XX века, сейчас мы видим проблеск иной реальности — как будто Промысел Божий подталкивает нас образовать и утвердить моральную ось мира. У России в целом, а в особенности у её национального вождя, открывается перспектива морального лидерства традиционного человечества. Этого ждут от нас и на Востоке, и на Западе. И справа, и слева от России. Нужно не бояться быть собой. Путин, ещё начиная с мюнхенской речи, почувствовал своё призвание к этому, свой долг. По его выражению, «Россия всегда будет называть вещи своими именами, и делать это открыто». Валдайская речь Владимира Путина стала неким рубежом на этом пути. Она проявила то, о чём русские люди интуитивно знали — сама функция властвования формирует сущность властителя.

Без определяющей роли лидера, без постановки им сверхзадачи Пятая империя может не состояться. Исторический жребий пал на Владимира Владимировича Путина. Будем молиться за него, чтобы Господь укрепил его духовную и физическую силу и не оставил Россию своим попечением.

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3